

Курганский
государственный
университет

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
43-38-36

Очерки культуры повседневности города Кургана XIX - первой трети XX века

монография

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Курганский государственный университет

**ОЧЕРКИ КУЛЬТУРЫ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ГОРОДА КУРГАНА XIX – ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XX ВЕКА**

Монография

Курган 2009

УДК 908 (57111)
ББК 63.3. (235.55-4Кур)-7
О95

Рецензенты:

Л.С.Лихачева, доктор социологических наук, профессор кафедры культурологии Уральского госуниверситета им. А. М. Горького;

А.М.Бритвин, заместитель начальника Управления культуры и искусства Курганской области;

Б.С.Шалютин, доктор философских наук, профессор кафедры философии Курганского государственного университета.

О95 Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века: Монография / под ред. Д.Н.Маслюженко (отв.редактор), Т.В.Козельчук, Е.В.Тершуковой. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2009. – 240 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

Монография посвящена реконструкции некоторых аспектов истории культуры повседневности города Кургана XIX - первой трети XX века. Представленные в виде отдельных очерков материалы построены на исследованиях значительного комплекса архивных документов. Кроме того, проанализированы основные теоретические, философские и источниковедческие проблемы изучения проблем повседневности в целом как одного из крупнейших объектов культурологического и исторического знания.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей вузов, а также всех, кто интересуется историей и культурой повседневности провинциальных городов Российской империи.

ISBN 978-5-86328-944-1

© Курганский государственный
университет, 2009

© Маслюженко Д.Н., Козельчук Т.В.,
Тершукова Е.В., 2009

ОТ РЕДАКТОРОВ

Перед тем как читатель приступит к ознакомлению с представленным ниже на его суд текстом, мы должны объяснить ему несколько важных, на наш взгляд, моментов.

Во-первых, наша работа, как следует из названия, носит очерковый характер. Связано это как с неопределенностью самой сферы повседневности и ее компонентов, так и со сложностью исследовательских подходов, в частности к имеющейся у нас источниковой базе. Эти и другие принципиальные вопросы авторы попытались объяснить в трех первых теоретических статьях. Следует также заметить, что авторы изначально не стремились к тотальному охвату всех сфер и проблем повседневной жизни курганцев, что в принципе невозможно осуществить в рамках одной монографии. Идея появления настоящей работы – это попытка обобщить имеющийся опыт по изучению отдельных моментов повседневного мира города Кургана, начать своеобразный переход от фрагментарного подхода к системному анализу повседневности, дав толчок дальнейшим исследованиям в этом направлении. Многие статьи, представленные в проблемно-тематических разделах монографии, были ранее опубликованы в местной периодике, однако их аналитический и фактографический потенциал не был раскрыт, что можно сделать только в контексте повседневности. Тем самым, мы позиционируем нашу работу как одну из ступеней к осмыслению повседневности г. Кургана и надеемся, что в последующих исследованиях она сама будет использована в качестве источника.

Во-вторых, любой город – это особое пространство повседневности, где жизнь человека жестко структурируется благодаря стремлению к его планировке и делению на определенные функциональные зоны. В то же время такие провинциальные города, как Курган, с одной стороны, стремились к столичным образцам, с другой же, в сфере культуры и быта сохраняли массу черт, присущих сельскому пространству. В результате мы принципиально отказались от жесткого определения хронологических рамок нашего исследования, стремясь показать, что сфера повседневности, хотя и привязанная к событийной истории, могла реагировать на те или иные политические, в том числе и статусные, изменения со значительным отставанием. Так, на наш взгляд, повседневность курганских обывателей после 1782 года практически не изменилась и вряд ли сильно отличалась от жизни многих соседних деревень и сел. В этом отношении существенные изменения должны были произойти в результате процессов модернизации, в частности после появления в городе железной дороги, автомобилей, телеграфа, телефона и пр. Также практически

невозможно четко определить тот год, когда провинциальный быт царской России окончательно преобразился в советскую повседневность.

В-третьих, для нас эта попытка осмысления повседневности курганских обывателей является во многом способом сохранения культурного наследия, в частности специфического облика города, который мы, к сожалению, теряем. Мы должны, как бы это не звучало патетически, понимать, что создавшие Курган и жившие в нем до нас были людьми со своими желаниями, чаяниями и мечтами. Возможно, научившись понимать наших предшественников, мы лучше поймем и свое место в мире, осознаем, что старые дома и улицы города это не только развалины, а часть культурного ландшафта, создающего комфорт городской повседневности.

Авторы выражают благодарность члену Зауральского генеалогического общества Екатерине Васильевне Меншиковой, а также Александру Александровичу Колесникову за предоставленные фотоматериалы.

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

История культуры повседневности, или культурология повседневности - новое комплексное направление в российских гуманитарных исследованиях, появившееся во второй половине 1990-х годов, хотя отдельные ее аспекты изучались еще в XIX веке. В соответствии с этой тенденцией сам термин «повседневность» стал использоваться в специализированной литературе все чаще, однако его значение до сих пор четко не определено. На протяжении длительного времени проблемы повседневности находились на «втором плане» научной мысли. Во второй половине XX - века интерес к этим проблемам резко возрос. Связано это было с осознанием единства так называемых высоких форм человеческой деятельности (государственно-политическая, общественная, художественная) и низких (быт, повседневность) вместо их оппозиции. К тому же за XX век произошла дискредитация большей части традиционных представлений о месте человека в мире¹.

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих «историко-антропологического поворота», начавшегося в гуманитарных науках в конце 60-х XX в. Главной инновацией этого направления явилась переориентация внимания исследователя с описания институциональных механизмов социальной регуляции на изучение «истории повседневности» - образов жизни, картин мира, обычаев, привычек и иных стереотипов сознания и поведения рядового человека рассматриваемой эпохи². Эти тенденции были связаны с пересмотром целей исторического исследования и роли истории в жизни общества.

Как такового строго разработанного понятия истории повседневности в современной исторической науке не существует вследствие его значительной молодости. До сих пор по этому поводу существует несколько подходов, идей и даже теорий, многие из которых проникли в данное направление из этнологии и культурной антропологии. Очевидно, что в теоретическом плане «история повседневности» должна быть одной из наиболее широких по тематическому охвату сфер исторического исследования, включая в себя как бытописание, так и событийную историю и мен-

---

¹ Бабаева А.В. Миф в пространстве повседневности // *Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители»*. Вып. №8. СПб., 2001. С.300.

² Флиер А.Я. *Культурология. XX век: Энциклопедия*. СПб., 1998. Т. 1. С.30-31.

талитет³. На самом деле, часто в соответствии с традицией, истоки которой можно найти еще в работах конца XIX века, повседневность сводится к бытовой сфере (то есть «традиционные формы личной и общественной жизни», «повторяющееся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения»), описание которой обогатило этнографическую науку. Однако такой подход чрезвычайно ограничен и при постоянной специализации гуманитариев ближе к археологии и истории материальной культуры. Очевидно, что сфера повседневности гораздо шире столь узкого понимания и требует также осмысления ментальных структур. Кроме того, в этнографии быт описывается зачастую вне контекста историко-культурного и событийного развития группы, что в значительной степени связано с отсутствием соответствующих письменных источников. В результате у отдельных исследователей под историей повседневности понимается все, что повторяется, является постоянным, рутинным; а у других - это сфера социальных практик. К тому же история повседневности – это история тех, кто не виден большой истории, людей, которые включены в исторический процесс как его рядовые участники.

При этом, по мнению В.Д.Лелеко, повседневность характеризуется, прежде всего, суточным ритмом повторяющихся в жизни человека процессов и событий, которые переживаются как нечто неизбежное, рутинное. Тем самым у повседневного есть только одно хронологическое измерение – настоящее⁴. Это приводит нас к одной из важнейших черт повседневной культуры, значительно осложняющих ее изучение, – ее неосознанного и неререфлексивного характера для носителей. Поскольку это «серая обыденность», то она очень редко попадает в исторические источники. В то же время в идеале это не столько фон, сколько смысл жизни с ее тревогами, надеждами и заботами. По сути, сфера повседневности в большей степени именно конструируется исследователем, что в целом соответствует и современным тенденциям в отношении в целом к историческому процессу. Недаром А.Я. Гуревич отмечает, что «какова была история на самом деле, нам знать не дано, реконструируя историю мы ее конструируем. Мы видим ее из настоящего времени и, следовательно, привносим в ее картину свой взгляд на историю, свое понимание ее предметности, собственную систему оценок»⁵. В результате исследова-

³ Пушкарева Н.Л. *Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка* // Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН// http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_017.html.

⁴ Лелеко В.Д. *Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: Автореф. дис. д-ра культурологии. СПб., 2002. С.8.*

⁵ Гуревич А.Я. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М., 1993. С.15.

ния в этой сфере при всем их интересе для читателя и видимом преимуществе на самом деле чрезвычайно субъективны.

В этом отношении возникает вопрос о том, что в таком случае не относится к сфере повседневности⁶. Так, некоторые из происходящих каждодневных событий не относятся к сфере повседневного – сон, сфера религиозной деятельности и праздника, хотя в плане изучения повседневности не только как каждодневного, но и просто периодически повторяющегося, все они вполне подходят под рассматриваемые нами параметры. В то же время это не означает, что исследователи отказываются от их изучения, поскольку как раз выход за пределы повседневного позволяют лучше выявить ее закономерности. Смерть, разрывающая стабильный круг существования, и погребальный обряд, восстанавливающий его, – это две стороны одной монеты. Тем более это касается карнавальной культуры. Мы хотим подчеркнуть, что интересующая нас сфера предельно стабильна и нормативна, хотя все это может быть сломано в результате катаклизмов, что приводит к явлению экстремальной повседневности (война, тюрьма и прочее). Предполагается, что сфера повседневности значительно дифференцируется в зависимости от половозрастной и социальной группы. Правила, допустимые для одной из них, запрещены для другой (например, феномен кошачьих концертов средневековых студентов). Хотя чаще всего повседневность – это, прежде всего, стремление поступать «как все», где исключения из правила более ярко выявляют специфику этой стабильности и упорядоченности.

Очевидно, что при столь большом разнообразии подходов дать им единую характеристику не представляется возможным, что приводит к дискуссии о самом понятии «повседневность». Как пишет М.Кром, это понятие считается само собой разумеющимся, молчаливо отождествляющимся с бытом и нравами, что заметно и в большинстве соответствующих учебников⁷. Одним из возможных подходов к его определению является поиск единого предмета изучения истории повседневности как научного направления, как это предлагается в работе Н.Л.Пушкаревой. Иногда социологи употребляют как его синонимы описательные характеристики («обычное ежедневное существование», «род/образ жизни», ««то, что обычно делают обычные люди»). В центре внимания историка повседневности не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто жил до нас. Поэтому история повседневности в изучении мен-

---

⁶ Лелеко В.Д. Указ. соч. С.10.

⁷ Кром М. *Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия)* // *Источник. Историк. История. Вып.3. История повседневности.* СПб., 2003. С.7.

тальных макропроцессов есть форма историзации коллективного бессознательного⁸. Однако основная сложность в том, как мы говорили ранее, что повседневность возникает только в результате рефлексии ее в научном сознании, поскольку обыденная жизнь не существует сама по себе и представляет мыслительный конструкт, появляющийся в результате «процесса оповседневнивания», о котором пишут М.Вебер и Б.Виндельфельс. Сам термин «история повседневности», предложенный немецкими микроисториками, по мнению одного из лидеров этого направления А.Людке, принят за неимением лучшего⁹. Оповседневнивание окружающего мира в концепции М.Вебера позволяет стабилизировать окружающий человека кризис, который возникает с любым новым явлением в его жизни¹⁰.

Одним из наиболее ясных в этом плане является определение, предложенное Н.Л. Пушкаревой. Она считает, что история повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» (П.Бергер и Т.Лукман)¹¹, комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события. По мнению этих авторов, повседневный мир – единственный естественно установленный и реальный (обыденный) для всех людей, мир, общий для всех, хотя отдельные индивиды и могут представлять его себе по-разному¹². В этом контексте особое внимание обращает на себя именно попытка выявить эти представления человека об окружающим мире и его специфические различия в зависимости от этнической, половозрастной, социальной и религиозной принадлежности субъекта.

«Культура повседневности тесно связана с природными и климатическими условиями, этническим и национальным своеобразием определенного народа, исторически сложившимся бытом, обрядностью, трудо-

---

⁸ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>

⁹ Кром М. Указ. соч. С.11-12.

¹⁰ Дорофеева З.Е. Социология культуры и повседневность // http://sociologist.nm.ru/articles/zlata_01.html

¹¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>

¹² Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт (выдержки из книги «Социальное конструирование реальности») // Общество и религия. Хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С.535.

вой деятельностью, досугом и, следовательно, несет на себе печать регионального, эпохального и этнокультурного своеобразия. Она представляет собой образ жизни и мышления людей данной социальной общности и исторической эпохи и складывается из нравов, обычаев, верований, привычек сознания и поведения, способов мировосприятия и картины мира в целом, ставших коллективным достоянием целых классов и сословий, нации в целом на определенном этапе их исторического развития. Включение человека в создаваемое культурное пространство начинается с усвоения принятых норм и стандартов поведения. В процессе социализации транслируются алгоритмы выработки поведенческих линий. Человек посредством воспитания получает целый пласт культуры, который содержит в концентрированном виде весь предшествующий опыт этноса. Решение конкретных проблем жизнедеятельности связано, в первую очередь, с процессом усвоения этого опыта. Именно эти процессы позволяют человеку ощущать себя «своим» в культурном пространстве, влияют на создание форм повседневного Бытия»¹³. В то же время современные тенденции развития этой сферы говорят в пользу того, что все большее значение начинает придаваться как раз исследованию девиантного поведения и его допустимости или недопустимости с точки зрения общественных стереотипов¹⁴.

В отличие от специализированных форм культуры, в основе своей индивидуализированных, в той или иной мере элитарных и рефлексивных, культура повседневности носит массовый, коллективный характер; она с трудом рефлексивируется ее носителями (особенно теоретически и философски) и выливается в дорефлексивные формы, слабо структурированные обыденным сознанием, непосредственно переживаемые и практически претворяемые в постоянных видах деятельности и житейском поведении людей, в том числе в быту, трудовой деятельности, в календарных циклах и т. д. - в виде норм, традиций, стереотипов поведения и мышления.

«Историка повседневности», в отличие от историков в чистом виде и этнографов, интересуется и история быта, и событийная история, в том числе не только их влияние на человека, но и осмысление этих событий людьми в рамках повседневности, и история ментальностей и ментальных

---

¹³ Розенберг Н.В. *Культурологические аспекты проблем повседневности* // *Культурология: Интеллектуальный потенциал культурологии*. Тамбов, 2003. С.75.

¹⁴ Пушкарева Н.Л. *Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка* // *Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН* // http://www.demoscope.ru/weekly/znigi/konfer/konfer_017.html.

стереотипов, то есть историческая психология, а вместе с ней - история личных переживаний человека. Если этнограф изучает отношение людей к вещественным атрибутам повседневности, то специалист по истории частной жизни - отношение к невещественным ее атрибутам, занимается поисками того, как человек разных эпох воспринимал самого себя, свою собственную жизнь.

Очевидно, что при столь широком охвате исследований специалист в области повседневного должен в равной степени разбираться как в письменных, так и в материальных памятниках. Вопрос об источниках исследования истории повседневности отнюдь не так прост. Так, в немецкой историографии на первое место принято ставить эго-источники, или источники личного происхождения. Однако такая специфика, прежде всего, связана с обращением этих историков к проблемам новой и новейшей истории, в то время как при взгляде в глубь веков значение этого вида культурных текстов стабильно уменьшается. В результате Жак Ле Гофф в одной из своих статей говорит о необходимости обращаться к этнологическим методам, где исследователь отнюдь «не гнушается письменным документом», но встречает его чрезвычайно редко. Историк, принявший такой подход, «призван углубиться в аспекты повседневной жизни человека, который... не утруждал себя писаниной, в мир без текстов и без письма»¹⁵. Он обращается к устной истории, иконографии материальной жизни и к тому направлению в археологии, которой получило в России название «этноархеологии».

Собственно лидеры «Новой исторической науки» не только расширили само количество возможных источников, признавая, что повседневность можно было исследовать только при использовании комплекса разнообразных культурных текстов, часто кодированных, но и предложили новый метод познания окружающей действительности. В качестве такового предлагался принцип диалога между человеком современного мира и прошлого, между различными системами ценностей, заменивший монологическую речь предшествующей историографии. Но, чтобы вести диалог, необходимо уметь формулировать вопросы, обладая острым ощущением бытия. При внедрении данного метода познания сложно не отклониться в модернизацию мыслей людей прошлого и их объяснений с позиции менталитета современного историка в связи с их неадекватностью друг другу¹⁶. Для ведения этого диалога в истории необходимо вжиться в

---

¹⁵ Ле Гофф Ж. *Историк и человек повседневный // Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С.208.*

¹⁶ Блок М. *Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С.24.*

общество прошлого, понять себя через него и наоборот, что приводит к умению ставить вопросы и получать ответы. Подобный принцип был заимствован из этнографии, но получил огромную популярность, вплоть до археологии¹⁷. При этом принципиально было признано, что человек прошлого и современный являются различающимися по многим параметрам субъектами исторического процесса, а следовательно логика одного не может быть применена по отношению к другому.

Таким образом, на наш взгляд, популярность исследованиям в сфере повседневности придается не только поворотом гуманитариев к человеку в целом, но и поиском новых методов исследования, которые позволяли показать прошлое с неожиданной точки зрения, что стало возможным при использовании междисциплинарного подхода и сближении с этнографией. История повседневности становится одной из наиболее широких по охвату тем областей исторического знания, включая не только материальную жизнь, но и ментальность на фоне политической и экономической истории.

Выявив в общих чертах основные элементы сферы повседневности и не стремясь к выявлению некоего всеобъемлющего определения, которое, на наш взгляд, в принципе невозможно, следует подробнее остановиться на некоторых историографических моментах, в частности выявить основные истоки современных исследований в сфере повседневного. Хотя история повседневности выделилась в отдельную сферу сравнительно недавно, это принципиально не означает отсутствия у нее предшественников. Еще во второй половине XIX - начале XX века были опубликованы известные работы Н.Костомарова, И.Забелина, П.Гиро, Э.Фукса и многих других. В этих работах, прежде всего, анализировались проблемы среды обитания человека, его тела, обрядов перехода (в частности, у А. ван Геннепа), а также сфера семьи и социальных групп¹⁸. Все эти темы, пусть и несколько с другой стороны, до сих пор остаются актуальными. В то же время работы этого периода, как правило, носят фактографически-описательный и этнографический характер¹⁹.

Однако уже в этот период появлялись отдельные работы, призывавшие взглянуть на эту проблем по-иному. К таким работам следует отно-

---

¹⁷ Пондопуло А.Г. *От этнографии-описания к этнографии-диалогу // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С.115-123.*

¹⁸ Лелеко В.Д. *Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: Автореф. дис. д-ра культурологии. СПб., 2002. С.14.*

¹⁹ Кром М. *Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия) // Источник. Историк. История. Вып.3. История повседневности. СПб., 2003. С.9.*

сильные труды основателя феноменологического направления в философии Э. Гуссерля. Он первым обратил внимание на значимость философского осмысления «сферы человеческой обыденности», или «жизненного мира». Вдохновленный идеями Э. Гуссерля, его младший современник и один из основателей социологии повседневности А. Шюц предложил отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем», как «пред-данного» и сосредоточиться на анализе процессов складывания и обусловливания этой кажущейся «пред-данности»²⁰. Он считал, что повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности и обладающей рядом характеристик, среди которых на первое место выходят уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий. Можно говорить о том, что эти авторы заложили философскую основу для рассмотрения сферы повседневности в качестве первичной реальности «жизненного мира»²¹.

Незадолго до Второй мировой войны основатель «социогенетической теории цивилизаций» Н. Элиас, работавший в Амстердаме, показал, насколько оторвалось в гуманитарном знании изучение общества от изучения индивида. Норберт Элиас подарил мировому гуманитарному знанию видение развития цивилизаций как переплетения разнообразных практик (воспитания, познания, труда, власти и т. п.) и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами. Н. Элиас и его последователи специально изучали процессы «оцивилизации» разных сторон повседневности индивидов – их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета²². Новое видение процесса развития цивилизации отнюдь не означало отказа от учета традиционных факторов и признаков, среди которых выделялась техника, научное познание, мировоззрение и ряд других факторов²³. В результате Н. Элиас считал, что структуры повседневности не автономны, а являются частью структур социального слоя. По мнению М. П. Шубиной, он первым попытал-

---

²⁰ Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>

²¹ Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Вестник УрГУ. Серия «Общественные науки». Вып. 1 (42). Екатеринбург, 2006 // [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0042\(04_01-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a05&doc=./content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0042(04_01-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a05&doc=./content.jsp)

²² Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>

²³ Элиас Н. О процесс цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.-СПб., 2001. С. 59.

ся дать определение повседневности через ее сопоставление с неповседневным²⁴. Повседневность – это рутина, которая противопоставляется празднику, это обыденное сознание в отличие от науки, она может быть описана только через свою противоположность²⁵.

Не менее важным шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 60-е модернистских социологических концепций, прежде всего – теории социального конструирования П.Бергера и Т.Лукмана. Именно они призвали изучать «встречи людей лицом к лицу», полагая, что такие «встречи» (социальные взаимодействия) есть основное содержание обыденной жизни. Они первыми поставили вопрос о языке таких «встреч» и путях «заучивания типизаций повседневных действий». Значительное влияние на рождение истории повседневности оказали идеи К.Гирца, увидевшего в любой культуре «стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков», а следовательно отрасль семиотики истории и культуры. Расшифровка этих актов и символов, составляющих повседневные типизированные людские практики, «интерпретация паутины значений, которую человек сам сплел», выступает у этого социо-антрополога способом познания. Интерпретация, а не просто собирательство фактов – по К.Гирцу – есть цель этнографически ориентированной науки, в том числе и истории, позволяющей в этом случае понять представителей иных культур²⁶.

Один из наиболее известных представителей данного направления – Ю.Лотман – дискутирует с Элиасом и считает, что это сфера естественно-единственно возможного, нормального, которые противопоставляются торжественному, ритуальному, внепрактическому. При этом следует обратить внимание, что отдельные работы Ю.Лотмана чрезвычайно близки к исследованиям начала XX века. Однако на место описания фактов здесь приходит попытка раскрыть культурный код и описать жизнь с точки зрения человека прошлого²⁷. На данный момент можно говорить о «семиотике повседневности» как особой области исследования.

Все эти изменения и привели в итоге к антропологическому перевороту в гуманитарном знании. Первыми его предсказали еще в предвоен-

---

²⁴ Шубина М.П. Указ. соч.

²⁵ Кром М. *Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия)* // *Источник. Историк. История. Вып.3. История повседневности.* СПб., 2003. С.10. ²⁶ Пушкарева Н.Л. *Предмет и методы изучения истории повседневности* // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>

²⁷ Кром М. *Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия)* // *Источник. Историк. История. Вып.3. История повседневности.* СПб., 2003. С.9-11.

ные годы французские историки М.Блок и Л.Февр, а также голландский исследователь Й.Хейзинга, которые предложили видеть в реконструкции «повседневного» элемент воссоздания истории в ее целостности. Именно в это время французские медиевисты выдвигают абсолютно новые принципы, в частности отказ от общепринятой дифференциации истории по направлениям, поскольку считают, что «реальная целостность исторической жизни заслонена фрагментированными ее изображениями»²⁸. Это была сознательная попытка вернуть истории этот ускользающий от нее общий смысл, а также преодолеть цеховую обусловленность от соседних дисциплин, ибо история есть наука о человеке в его конкретно социальном и ментальном облике.

Новые цели истории ярче всего проявились в концепции лидера второго поколения школы **Фернана Броделя**. Он понимал прошлое как медленное чередование периодов «большой длительности» (long duree), в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая. История повседневности выступала в указанных трудах частью макроконтраста жизни прошлого. Именно этот автор ввел в исторические исследования понятие «повседневность» в качестве самодостаточного объекта. Бродель считал, что главный предмет истории – это человек в его отношениях со средой, где сам ход исторического процесса незаметен и безвременен. Он делит все феномены на три группы: структурные (природно-географические), конъюнктурные (социальные) и событийные (индивидуальные), соответствующие трем измерениям времени: большой, средней и короткой продолжительности²⁹. Причем, по мнению исследователя, событийная история - это лишь пена на поверхности океана природы.

Ф.Бродель предложил видеть в экономике любого общества два уровня «структур»: жизни материальной и жизни нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень и был назван им «структурами повседневности». К ним он отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии). Для такого всестороннего изучения был необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума. Конечной целью «тотального» изучения прошлого должно было стать выявление не-

---

²⁸ Гуревич А.Я. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М., 1993. С.7.

²⁹ Гуревич А.Я. *Там же*. С.118.

коего инварианта – неизменной величины, присутствующей в формах быта данной историко-культурной общности³⁰. Фернан Бродель считал, что введение «структур повседневности» в историческое исследование обосновано тем, что оно позволяет сузить взгляд историка и тем самым вырисовать новые черты общества, незаметные при рассмотрении макропроцессов. Эти нюансы позволяют фиксировать различия одного общества от другого на глубинном уровне восприятия жизни. В конечном итоге «воссоздавать эти картинки – увлекательная игра, и я не считаю ее пустым занятием»³¹. В то же время труды Броделя заложили основы «глобальной истории», где «главная задача исследователя – обнаружить инвариант человеческого сознания и социального поведения», присутствующий во всех формах его существования³².

Одновременно с этим вариант истории по Броделю, пусть и с учетом повседневности, приводил к написанию картины широкими мазками, за которыми вновь был утерян человек и в этом отношении вновь происходит сближение с позитивистской событийной историей. В результате уже в 1970-е гг. среди представителей «новой исторической науки» вновь усиливается интерес к исследованию ментальности. Собственно, именно введение ментальных структур повседневности стало одним из основных достижений новой исторической науки. Заметим, что это не отменяло «тотальной истории» как принципа «новой исторической науки», стремившейся к созданию такого исторического труда, который бы отражал все аспекты человеческой жизнедеятельности, как это сделано в знаменитой работе Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю»³³ или не менее известной монографии Жака Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада».

Понятие менталитета в науку ввел Л. Леви-Брюль, который подчеркивал прагматичность и эмоциональную окрашенность сознания людей, не достигших стадии цивилизации и понимал под ним в основном «коллективные представления»³⁴. В то же время он и последующие исследователи (в частности функционалисты) подчеркивали, что эти качества являются скорее наиболее выраженными, но это не означает их постоянного

---

³⁰ Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>

³¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С.40.

³² Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С.229.

³³ Бабинцев В.А. Волшебник из страны Ок // Э. Ле Руа Ладюри. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). Екатеринбург, 2001. С.504.

³⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С.5.

использования, а лишь в случаях, где велика доля влияния случайности. Окончательно понятие в данном смысле закрепилось после трудов Эмиля Дюркгейма, который подчеркивал, что это совокупность верований и чувств, общих для всех членов сообщества, имеющих определенную систему и не зависящую от личного опыта. Они передаются из поколения в поколение и детерминируют всю жизнь человека³⁵.

По мнению А.Я.Гуревича, на данном этапе изучения ментальностей именно неопределенность термина в наибольшей степени способствует его исследованию³⁶. В современных работах под этим термином понимаются и способ мышления личности или группы, присущая им социально или биологически обусловленная духовность, склад ума, мировосприятие или мироощущение, глубинный уровень коллективного или индивидуального сознания, включая бессознательное, совокупность готовностей, установок, предрасположенностей индивида действовать тем или иным образом. В любом случае речь идет о неких стереотипах поведения и сознания. При этом еще Февр писал о том, что «мировоззрение людей формируется их образом жизни»³⁷.

Таким образом, представители «школы Анналов» третьего поколения расширили сферу повседневной истории за счет введения в нее исследований области мировоззрения, в том числе с помощью уже упомянутых этнографических методов. В конце концов, сила антропологического подхода в целом как раз и заключается в умении увидеть связь между различными компонентами любого общества и основы их объединения в единый комплекс³⁸.

Продолжатели этой традиции в России, в частности А.Я.Гуревич, ставят в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Они изучают в повседневности, прежде всего, его ментальную составляющую (общие представления, как и общие страхи, общие тревоги и одержимости). При этом доминирующее значение имеет т.н. «безмолвствующее большинство», которое ранее оставалось за пределами исторических трудов³⁹. Хотя существует вполне обоснованное мнение о том, что «возникновение интереса историков

³⁵ Токарев С.А. *История зарубежной этнографии*. М., 1978. С.211.

³⁶ Гуревич А.Я. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М., 1993. С.193.

³⁷ Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. *Ментальное измерение истории: поиски метода* // *Вопросы истории*, 1995. № 1. С.153-160.

³⁸ Сэбиан Д.У., Кром М., Альгази Г. *Введение. История и антропология: путь к диалогу* // *История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI веков*. СПб., 2006. С.9.

³⁹ Пушкарева Н.Л. *Предмет и методы изучения истории повседневности* // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>.

(России. – Д.М.) к структурам повседневности» - непосредственная заслуга Ю.Л.Бессмертного⁴⁰. Однако по своей теоретической концепции работы этого автора и его коллег ближе к тому направлению исторических исследований, которое сложилось в Германии и получило название «микроистории».

Такое понимание истории, в том числе повседневной, характерно для современной германской, скандинавской и итальянской историографии и представляет собой яркую противоположность броделевской концепции периодов «большой длительности» и глобальной по своему охвату истории. «От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к малым жизненным мирам» – так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать «новую социальную историю» – историю рядовых, обычных, «малых» людей. Критики «старой науки» в Германии (Х.Медик, А.Людке и др.) призывали молодое поколение переориентировать научные труды, обратив все силы на изучение «микроисторий» отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов, а через них – проблем культуры как способа понимания повседневной жизни и поведения в ней. Это была программа особого направления в германской историографии – «истории повседневности», которую иногда именуют «этнологической социальной историей»⁴¹.

По мнению Елены Зубковой, само понятие повседневности родилось в начале 1980-х годов в Германии, когда там возникла очень любопытная ситуация, связанная с необходимостью пересмотра истории нацизма через призму взгляда на это явление простого бургера⁴². В результате этого спора внутри микроистории зародилось новое направление «истории повседневности» (Alltagsgeschichte), в рамках которой необходимо было исследовать не только ее материальную составляющую, но и поведение, мышление и переживания. Именно к этому направлению близки и работы уже упомянутого третьего поколения Школы Анналов (Ж. Ле Гофф, Р. Шартье). Попытки последних вытеснить или ограничить «историю менталитета» в изучении повседневности были попытками дистан-

---

⁴⁰ Сэбиан Д.У., Кром М., Альгази Г. Введение. История и антропология: путь к диалогу // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI веков. СПб., 2006. С.29.

⁴¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>.

⁴² Зубкова Е. Новые ракурсы преподавания отечественной истории. История через повседневность // Информационный бюллетень общества «Мемориал». № 24. // <http://www.memo.ru/about/bull/b24/29.htm>.

цироваться от «неподвижной истории», какой она виделась Ф.Броделю. Эта неподвижная история концентрировалась только на устойчивом и повторяющемся на больших промежутках времени (по сути, своеобразный поиск закономерностей), но при этом игнорировала единичное, случайное и частное⁴³. За отправную точку в этом новом отношении к истории можно принять статью Ж. Ле Гоффа «Историк и человек повседневности», в которой автор указал на то, что история имеет тенденцию стать «этнологической историей». Рассматривая набор повторяющихся и ожидаемых событий и церемоний, историк меняет свое отношение к проблеме исторического времени, будет искать то, что изменяется в меньшей степени (например, менталитет или повседневность)⁴⁴. В то же время в микроисторическом исследовании, на наш взгляд, всегда существует опасность утерять в массе небольших случайностей и событий некие закономерности исторического процесса на уровне его более крупной единицы. Впрочем, возможен и другой ответ на эту проблему: разрыв между двумя историями существует лишь в сознании исследователя и микроистория наоборот, по словам Ж.Ревеля, «позволяет уловить конкретный облик глобальной истории»⁴⁵.

Тем самым на данный момент в рамках «истории повседневности» явно видны тенденции к объединению двух наиболее авторитетных направлений в исторической науке. Это сближение облегчалось и представлениями об «истории снизу», или истории безмолвствующего большинства, междисциплинарностью и попытками раскрыть семиотику культуры. Для современного этапа развития истории повседневности характерно стремление к объединению традиционных измерений повседневного пространства с системой взаимоотношений, ценностных установок, особенностей массового сознания. По сути, это поиск основ взаимодействия быта, повседневности, истории и культуры, в рамках которого мы при желании можем увидеть и поиск будущего в гуманитарных исследованиях.

---

⁴³ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>.

⁴⁴ Ле Гофф Ж. Историк и человек повседневный // Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С.200-210.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Менциков В.В. Концепт локальности в историческом познании // Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 3. Курган, 2007. № 2 (10). С.37-39.

ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Сегодня повседневность – это объект пристального внимания практически всех социально-гуманитарных наук, в которых исследуются различные аспекты и стороны повседневной жизни не только современного общества, но и других исторических эпох, выходит серия книг, посвященных этой теме, говорится о возникновении новых отраслей научного знания, непосредственно связанных с повседневностью, в частности, о социологии повседневности.

Однако так было не всегда. Долгое время науки «о духе», и философия в частности, не замечали повседневную жизнь. Философия (метафизика) размышляла о сверхчувственных причинах, сущности бытия, искала ответы на вечные вопросы, а реальный мир, в котором живут и действуют обычные люди, рассматривала как неподлинное, изменчивое и несовершенное бытие, искаженную копию бытия идеального, вечного и прекрасного.

К изучению повседневности философия, в лице немецкого мыслителя Э.Гуссерля (1859-1938), обратилась лишь в первой половине XX века. Размышляя о кризисе европейской культуры, который стал особенно очевиден в 30-е годы, в связи с активизацией в Германии фашистского движения, немецкий философ пришел к выводу о том, что духовный кризис в Европе вызван кризисом европейского естествознания и вообще европейской науки. По мнению Э.Гуссерля, естествознание потеряло всякий смысл, так как, стремясь к объективному, причинно-следственному познанию мира, оно утратило непосредственную связь с реальным миром и реальным субъектом познания. Мысленные конструкции естественных и вообще всех теоретических наук постепенно превратились в самостоятельно существующий и, более того, наиболее правильный, «истинный» образ самого мира, природы и ее законов. Так в естествознании, как, впрочем, и в философии, сформировался «перевернутый» образ мира. Этот мир, полагал Э.Гуссерль, нельзя считать «действительным», «истинным», так как его нельзя воспринимать непосредственно, с помощью органов чувств. «Идеальный» мир науки мы «видим» не чувственным, а другим, так сказать, «культурным зрением». Этому, по своей сути, вторичному идеализированному миру объективных наук Гуссерль противопоставил первичный, предметный мир непосредственного, чувственного опыта: «единственно действительный, действительно данный через восприятие ... через опыт осваиваемый и могущий

быть освоенным в опыте наш повседневный жизненный мир»⁴⁶. Этот жизненный мир – повседневная действительность – и есть единственный и забытый фундамент естествознания. И он должен быть восстановлен в своих правах не только в отношении науки и ее исторически и логически вторичного мира теоретических конструкций. Жизненный мир изначален, он постоянно «предан» людям, всему, что они в каждый данный момент уже сделали, делают или еще могут сделать⁴⁷. Так благодаря Э.Гуссерлю тема повседневности вошла в научный оборот философии, и хотя немецкий философ чаще использует другое понятие: «жизненный мир», но имеет-то он в виду ни что другое как повседневную жизнь, мир нашего непосредственного, чувственного переживаемого опыта, в который своими корнями уходит не только наука, но и вообще все дела и устремления человека.

Вторичными, зависимыми от повседневности оказываются и все другие формы духовной жизни человека: искусство, мораль, религия и т.д. Это позволяет рассматривать повседневность как некое синкретичное образование, основную и единственную действительность. Почему именно повседневность претендует на эту роль, императивно утверждает себя в качестве основной действительности, а не, например, мир наших снов, мистического опыта или виртуальная реальность? Хотя бы потому, что сны заканчиваются и мы просыпаемся, мистический экстаз, состояние измененного сознания также кратковременны, да и из виртуальной реальности человек вынужден вернуться в реальный мир для того, чтобы поддержать свое физическое существование. Кроме того, чувства, которое испытывает человек в названных мирах, зависят от самого человека и имеют неповторимый, субъективный характер. Их трудно, практически невозможно передать другому человеку. Опыт каждого человека в этом случае уникален. Восприятие повседневного мира происходит иначе. Его мы воспринимаем как мир, который существовал до нашего рождения и будет существовать после нашей смерти. У нас есть некая схема, «наличное знание», по терминологии А.Щюца (1899 – 1959), австрийского философа и социолога, ученика и последователя Э.Гуссерля, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Это «наличное знание» передается нам родителями и учителями, а также формируется в процессе собственного жизненного опыта⁴⁸. Согласно «наличному знанию», по-

---

⁴⁶ Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эмунда Гуссерля // *Вопросы философии*. 2007. №7. С.105.

⁴⁷ Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эмунда Гуссерля // *Вопросы философии*. 2007. №7. С.110.

⁴⁸ Щюц А. Структура повседневного мышления // *Социологические исследования*. 1988. № 2. С.129-130.

вседневность – это устойчивый мир привычных предметов, событий, явлений. Здесь все знакомо и более или менее понятно. На самом деле это кажущаяся понятность. В повседневности человек редко задумывается о том, что выходит за рамки его непосредственного опыта, например, о том, что такое мир вообще и как он произошел, есть ли смысл у всего происходящего или его нет? Человек убежден в том, что мир есть, он существует объективно и независимо от его желаний и интересов, а все происходящее значимо. Более того, человек убежден и в том, что другие люди воспринимают действительность так же и действуют по тем же правилам, что и он сам. При этом индивидуальные различия, связанные с особенностями физиологического (например, дети и пожилые люди), эмоционального состояния, специфики социального положения и т.п., не исключаются, однако существует как бы некий скрытый «всеобщий договор», который и гарантирует действительность повседневности. Этот негласный договор делает невозможным отрицание фактичности повседневности, однако не исключает отрицание ее ценности. Интерсубъективность, на первый взгляд, подтверждает объективность повседневной действительности, но на самом деле ее восприятие тоже субъективно. Нечто является или, напротив, не является «повседневным» только потому, что я его так воспринимаю. Сами по себе предметы, события не являются повседневными или не-повседневными. Повседневность или не-повседневность – это свойство вещей, это свойство, которым я их наделяю. Различие между повседневным и не-повседневным может быть произведено только субъектом⁴⁹. Для обычного человека праздник – это нечто выходящее за рамки обычного, он противопоставляет повседневности, так как нарушает привычный ход событий, его ждут, о нем мечтают, к нему готовятся. Для человека, который устраивает праздники, например, новогоднего Деда Мороза, это просто работа, будни. Праздник заканчивается, как бы долго он не длился, и жизнь постепенно входит в обычное русло. Мы возвращаемся, порой не без удовольствия, к привычному ритму жизни, к своим любимым или нелюбимым занятиям, к каждодневным обязанностям.

Главным в повседневности, таким образом, оказываются не предметы, события или явления, а те значения, которыми мы их наделяем. Повседневность, возникающая в общении между людьми, имеет интерпретативный характер. Предметы, процессы, составляющие повседневную жизнь, понимаются и оцениваются по-разному не только обществом в

---

⁴⁹ Макушинский А. Современный «образ мира»: действительность // Вопросы философии. 2002. № 6. С.12.

целом, но и каждым конкретным индивидом и какими-то социальными группами, например, различное отношение к семье, здоровью, деньгам, нравственным и эстетическим ценностям можно обнаружить не только в русском и американском обществе, но и внутри каждого из обществ. Еще в большей степени это относится к событиям, нарушающим нормальный, привычный ход жизни. В этом случае повседневность как основная действительность пытается восстановить свои права и ей необходим механизм, позволяющий это сделать. Интерпретация в этих условиях может рассматриваться как метод, защищающий повседневность, превращающий непонятное и бессмысленное в понятное и осмысленное. В повседневности есть механизмы, предназначенные именно для этих целей: милиция, медицина (в частности, психиатрия), религия, понимаемая как совокупность ритуальных действий. Это неотъемлемые части повседневной реальности, функция которых состоит в том, чтобы элиминировать воздействие трансцендентного, сведя его к повседневности. Каждый из этих социальных механизмов вырабатывает собственные специфические методы для достижения своих целей, в этой связи можно говорить о профессиональной интерпретации или экспертизе, но все они решают общую задачу заделывания «дыр» в повседневности и восстановление ее суверенитета⁵⁰. Интерпретативный характер повседневности порождает множество смыслов и значений, но при этом в повседневной жизни существует несколько стабильных, устойчивых интерпретаций, которые принимаются и разделяются большинством людей и образуют единую для данного общества систему представлений о мире, обществе и человеке, что и позволяет говорить о менталитете того или иного народа.

Итак, когда мы говорим «повседневность», то имеем в виду повседневную действительность, то есть тот предметно-вещественный мир, в котором происходит наша жизнь, не только телесная, но и духовная. Повседневная жизнь неотделима от мира культуры, которую создал человек, преобразовав и подчинив себе мир природы, поэтому понятие «повседневная жизнь» оказывается равнозначным понятию «повседневная культура». В современной литературе наряду с понятием «повседневность» встречаются понятия «обыденность», «обыденная культура». Одни авторы рассматривают понятия «обыденность» и «повседневность» как синонимы. Так, в частности, Т.С.Георгиева понимает повседневность «как жизнь в целом», «все жизненные реалии», «как ежедневный быт с его заботами и хлопотами, а культура повседневности – это то, во что погружен человек, где он живет, как живет, мыслит, ведет себя и т.п., обыденная

---

⁵⁰ Ионин Л.Г. *Социология культуры*. М., 1996. С.86.

культура – это специфический, только человеку свойственный способ его бытия»⁵¹.

Другие авторы различают понятия «повседневность» и «обыденность». Основанием для такого различения становится духовная наполненность жизни. «Повседневная жизнь – антипод жизни необычной и выдающейся. Но только утратившая свой смысл и цель повседневная жизнь становится изматывающей человека обыденностью. Не только рутина отличает обыденную жизнь, но и ее замкнутость на вопросах быта. Иначе говоря, обыденная жизнь – это жизнь, единственным содержанием которой стал быт и соответствующие ему ценности»⁵². Подобные рассуждения вполне обоснованны и имеют право на существование. Культура, как известно, – сложное явление, это нашло отражение во множестве смысловых значений самого понятия «культура». Для обычного человека культура – это прежде всего искусство, наука, философия и т.д., другими словами «высокая культура», то есть то, что возвышает жизнь человека, наполняет ее смыслом.

Повседневная или обыденная культура, связанная с каждодневным существованием человека, осуществлением наиболее важных жизненных функций, относится к срединной культуре, в которой смешиваются высокое и низкое, доброе и злое, прекрасное и безобразное. В то же время сама повседневность оказывается достаточно сложным образованием. В ней нет единой упорядоченной системы, она распадается на конкретные и локальные сферы. Особую сферу повседневности представляет низкая жизнь улицы, толпы, трущоб, криминальной сферы и т.п.⁵³

Сложный характер повседневности, наличие в ней рутины, повторяемости, предсказуемости («и завтра то же, что вчера»), ее бытовой прагматизм и позволяют некоторым авторам рассматривать повседневную жизнь как прозаические, серые будни («обыденность») и утверждать, что негативный характер повседневности является ее фундаментальным свойством⁵⁴. Однако не следует забывать и о том, что повседневность – это не свойство вещей или событий, а свойство, которым их наделяет человек. И только он будет определять привычные события своей обыденной жизни именно как события, как «праздник, который всегда с тобой» или как

---

⁵¹ Георгиева Т.С. *Культура повседневности: В 3 кн. Кн. 1. Частная жизнь и быт древних обществ.* М., 2006. С.17-18.

⁵² Марева Е.В. *С.Кверкегор: единство души силой выбора // Философские науки.* 2002. № 5. С.87.

⁵³ Ерасов Б.С. *Социальная культурология. В 2 ч. Ч.1.* М., 1994. С.143.

⁵⁴ Макушинский А. *Современный «образ мира»: действительность // Вопросы философии.* 2002. № 6. С.128.

рутину. «Показатели обыденности того или иного явления, момента в жизни и культуре относительны, зависят от точки зрения, с которой мы о них судим; к тому же эти критерии подвижны хронологически, меняются от страны к стране, у разных народов, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению»⁵⁵. Можно с уверенностью говорить и о том, что долгое время резкой границы между высокой и низкой, духовной и бездуховной (сугубо бытовой) жизнью не было. В далеком прошлом, там, где зарождались практически все современные формы культуры, определяющую роль в жизни людей играл миф. Он сообщал людям разнообразные сведения, задавал ценностные ориентиры и необходимые модели поведения. Миф имел сложную структуру, все составляющие ее элементы так или иначе были связаны с повседневной жизнью. Рассказы о жизни богов и героев вызывали у людей одновременно и священный ужас, и трепетное поклонение. Известно, что древние греки первоначально не строили храмов. Они поклонялись богам везде, где чувствовали их присутствие, поэтому пространство повседневной жизни было наполнено сакральным смыслом. Участвуя в ритуальных праздниках, люди воспроизводили поведение богов, так, отмечая праздник первых плодов, они изображали Дионисия и Деметру. На уровне жизненных задач миф вообще растворялся в повседневной деятельности. Кузнец, занимаясь своим делом, подражал Гефесту, пряжа – Арахне и т.д.⁵⁶

Присутствие сакрального начала в повседневной жизни можно было наблюдать и в последующие эпохи. Это и наличие «красного угла» в доме православного человека, ежедневная молитва перед началом всякого дела и те духовные усилия, которые он должен был совершать, исполняя заветы Бога. Другими словами, исторический опыт человечества показывает, что на протяжении веков повседневная жизнь людей была связана с различными проявлениями духовной культуры. Религия, искусство, в частности, фольклор были теснейшим образом связаны с бытом. Это можно объяснить тем, что основным и главным назначением повседневности было (и останется) воспроизводство человеческой жизни. Такое воспроизводство всегда коллективно. Оно подразумевает различные формы взаимодействия и общения людей, в процессе которого складываются определенные нормы и принципы, идеалы и вкусы, убеждения и верования. Известно, например, что многие религиозные и моральные нормы, идеалы, скажем, десять библейских заповедей, золотое правило нравственно-

---

⁵⁵ Касавин И.Т., Шавелев С.П. *Повседневность и альтернативные миры // Философские науки. 2003. №5. С.111.*

⁵⁶ Там же. С.107-108.

сти и многие другие, не являются изобретением соответствующего (религиозного или морального сознания), а представляют собой словесное и логическое оформление существовавших ранее бытовых норм и запретов. Особенность бытовой культуры в том, что она вырабатывает ценности простые, естественные и вместе с тем основополагающие, поэтому именно бытовая культура в большей степени содержит в себе ценности «вечные», общенациональные и общечеловеческие. Духовные ценности по своей сути нетождественны изначальному содержанию повседневного самовоспроизводства человека, но в то же самое время неотделимы от него. Воспроизводство человеческой жизни подразумевает не только биологическую, но и культурную (духовную) составляющую, без которой невозможно собственно человеческое бытие. Крестное знамение, сопровождавшее крестьянскую трапезу, – простейший акт биологического воспроизводства – было ее естественной и всем понятной составной частью, свидетельствующей о том, что насыщение и поддержание жизни связано с духовным единением людей, с верой в высокий, сакральный смысл человеческой жизни⁵⁷. Ценности, вырабатываемые повседневной культурой, являлись самодостаточными и обеспечивали личность вполне устойчивой системой ценностей, даже если она не усвоила ценностей, вырабатываемых другими формами культуры. И так было еще каких-нибудь лет 100-150 назад.

Ситуация начала меняться во второй половине XIX и особенно в XX веке. Невиданный прогресс сделал возможным приобщение к культуре широких слоев населения, кардинально изменил материально-бытовые условия жизни людей. И, на первый взгляд, казалось бы, невероятно сблизил повседневную жизнь с высокой культурой. Последняя, благодаря достижениям науки, стала привычным содержанием привычного быта миллионов людей. Однако на самом деле взаимоотношения между духовной и бытовой составляющей повседневности оказались гораздо сложнее. Индустриализация, урбанизация, НТР изменили не только образ жизни людей, его темп и ритм, но и систему ценностных ориентаций. Из повседневной жизни, и прежде всего из основополагающей ее составляющей – трудовой деятельности, исчезло творческое начало. Механизация и последующая автоматизация превратили трудовую деятельность в производство, а человека – в приложение всемогущей машины. Изменилась ценность труда. Он стал лишь способом зарабатывания денег. Десакрализация труда и вообще человеческой жизни привела к тому, что основной чертой, определяющей не только материальную, но и духовную жизнь

---

⁵⁷ Кнабе Г.Е. *Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С.42.*

общества, стало потребительство. Человек полностью сосредоточился на своей повседневной жизни, в которой ее бытовая составляющая начинает подчинять духовную, «начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям, а те, которые втянуть и подчинить не удастся, воспринимает как не адекватные ценности простого человеческого существования, ... а просто ненужные, “заумные”, раздражающие. Постепенно раздражение начинает вызывать все, несводимое к жизненной эмпирии и повседневному интересу»⁵⁸.

Сегодня сфера повседневности постоянно расширяется благодаря рекламе все новых и новых «мелочей быта», которые все увереннее вытесняют из сознания и жизни людей все остальное. Все несиюминутное, идеальное – религия, философия, искусство – становится в современной жизни необязательным. Культура требует усилий: духовных и душевных, собственно, культура – это и есть усилие быть. Создается впечатление (только ли впечатление?!), что самое большое усилие, на которое способен современный человек, – нажать кнопку телевизионного пульта.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ Г. КУРГАНА В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Вслед за определением проблематики исследования историк традиционно решает задачу обеспечения ее источниковой базой. Это одна из максим исторической эпистемологии, но при всей своей принципиальности названная процедура в большинстве случаев лишена теоретических изысканий, представляет сложность лишь с эмпирической точки зрения. Условия кардинально меняются, когда речь идет об изучении таких проблем, предмет которых четко не эксплицирован, дискуссионен, находится в стадии осмысления и т.п. В подобной эвристической ситуации невозможно обойтись без размышлений по поводу субъект-объектной корреляции, то есть взаимодействия субъекта познания - историка и объекта познания – исторического источника. Реконструкция повседневности г. Кургана являет собой частный пример обозначенных выше источниковедческих, а равно и эпистемологических проблем.

Нужно признать, что никаких особых, специальных источников для изучения повседневности не существует, следовательно, кроме вопроса – *что* изучать, какова источниковая база повседневности, не менее суще-

---

⁵⁸ Кнабе Г.Е. *Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С.43-44.*

ственным является вопрос – *как* изучать? Как традиционные источники, нередко уже введенные в научный оборот, «пропустить» сквозь призму истории/культуры повседневности? Как, перефразируя А.С. Лаппо-Данилевского, «реализованные продукты человеческой психики» сделать «пригодными»⁵⁹ для постижения жизненного мира ушедших поколений? Какие методы источниковедческой критики будут целесообразны? Каковы будут критерии проверки аутентичности, достоверности источников повседневности?

Ответы на эти принципиальные вопросы отчасти дает настоящая монография. Во-первых, в реконструкции повседневной жизни города были использованы известные на сегодняшний момент исторической науке типы и виды исторических источников; во-вторых, опираясь в основном на традиционные методы источниковедческого анализа, в работе с источником авторы шли через признание «принципа чужой одушевленности»⁶⁰, поставив в центр своего исследовательского поиска человека - горожанина с его проблема и заботами, мыслями и чувствами, внутренними переживаниями и стереотипами поведения. Исследовательская позиция, которую условно можно обозначить «от проблемы», позволила изменить отношение к источнику, оценить его сведения в ракурсе *alltagsgeschichte*. С другой стороны, позиция авторов «от источника» фактографически дополнила и разнообразила содержание повседневной жизни города.

Архитектоника повседневности г. Кургана объективирует не только проблемные аспекты, но и отчасти ее источниковую базу. Ряд структурных компонентов отличаются как фактическим наполнением, так и особенностями источников и методов работы с ними. Так, раздел «Городская среда обитания» включает работы, посвященные описанию и анализу городской инфраструктуры. Здесь представлено то, что наполняет урбанизированное пространство и отличает его от сельской «материальной среды» обитания. Изрядная часть исследований касается места и роли достижений технического прогресса в жизни курганцев. Автомобили, мотоциклы, велосипеды, телеграф, телефон, кинотеатр, огнестрельное оружие... Все это и «Городская среда обитания», и «Вещи вокруг и для человека». Кроме письменных источников (например, таких как периодика) при описании названных тем авторы не могли не использовать вещественные источники или непосредственно объекты самой городской среды. Так, история «дома с кокардой» и рассказ о появлении в городском пространстве кинотеатра опирались, в том числе, на памятники городской

---

⁵⁹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. М., 2006. С.291.

⁶⁰ Лаппо-Данилевский А.С. *Указ.соч.* С.290.

архитектуры; в статье о захоронении курганских священников привлекались материалы археологических исследований.

Картина повседневности не была бы полной без характеристики ценностей и представлений курганцев. Рассмотрение некоторых форм бытового поведения горожанина, выходя за рамки констатации факта, затрагивает вопросы этики, нравственности, ценностных приоритетов, формировавших повседневную культуру обывателей. Именно здесь как нигде экспонируется источниковедческая проблематика: не всегда источники говорят с нами напрямую, поэтому исследователю нужно извлекать информацию по крупинкам, пробираясь сквозь текст к его более глубоким смыслам. Например, динамичность окружающей человека действительности в начале XX века меняла его мировосприятие, о чем свидетельствуют имеющие самостоятельное значение лингвистические источники: появление новой традиции давать своим детям «революционные» имена (Серпик, Октябрина, Даздраперма), употребление сокращенных слов (перпункт, завжедор, завконт). А вот для изучения взглядов обывателей на гражданские чины потребовались документы личного происхождения. Названный вид - это один из самых востребованных видов письменных источников при изучении внутреннего мира человека. Действительно, где еще мы могли бы найти столько чувств и эмоций провинциальной барышни, как не в ее личном альбоме?

Для любого города характерно сосуществование обывателей различной национальной и религиозной принадлежности, поэтому он выступает как пространство толерантности. О Кургане в этом смысле целесообразно говорить лишь с 1830 - 1840-х гг., когда здесь появляется первая национальная община – польская. В начале XX столетия религиозная структура курганского общества еще более усложняется, включив католиков, лютеран, мусульман, иудеев, а также атеистов. В целом анализ самых разнообразных письменных источников по поводу взаимоотношений «коренных» русских и православных с инонациональными элементами на бытовом уровне свидетельствует о высокой веротерпимости и неконфликтности мировосприятия курганцев. Достоверность этого вывода доказана при помощи универсального метода сравнения сведений разных источников.

Одним из наиболее разработанных разделов является «Человек на службе городу», объединивший характеристики различных городских профессий. При описании трудовой деятельности извозчика, чиновника, фотографа, страхового агента раскрываются особенности их профессионального быта, служебной повседневности, в целом показывается, какую роль они играли в созидании городского общества. К вышеобозначенному

примыкает раздел «Человек коммерческий», целесообразность выделения которого обусловлена стремлением показать включение горожанина, независимо от его социальной и профессиональной принадлежности, в сферу торгово-промышленных отношений. Статьи об обмене валюты, рекламе товаров и услуг, ставшими для городского обывателя начала XX века привычным элементом каждодневного существования, не претендуют на создание полного образа человека коммерческого, но при этом являются частным подтверждением значимости торгово-промышленной сферы в жизни города. Не испытывая в целом нехватки источников для характеристики этих двух разделов, авторам не доставало, как правило, эго-документов. Тем более ценным стало письмо священника Варлакова (1844 г.), где он описывает некоторые нюансы употребления весовых мер из собственного опыта.

Прежде всего, письменные источники позволили реконструировать «Человека в культурной среде». Формирование культурного пространства в начале XX века, в частности, зарождение периодической печати, организация художественных выставок, преподавание изобразительного искусства и развитие музыкального образования, появление музея, дамского попечительного общества и многое другое приближало провинциальный Курган к «стандартам» повседневности развитых городов России. Разработанность данного проблемного направления – «заслуга» источников, которые в данном случае «не скупилась» на факты. Конечно, делать выводы о качестве проникновения вышеобозначенных явлений и фактов культурной жизни в массовое сознание курганцев на базе делопроизводственной документации не так просто, зато возможно на материалах местных газет, публиковавших всевозможные статьи и очерки, отзывы и мнения на тему местной культурной жизни.

Относительно хорошо обеспеченной источниками оказалась тема досуга городских жителей. Праздники и увеселения курганцев, формы и виды проведения досуга досоветского времени и периода нэпа (охота, конные бега, путешествия) – без этого невозможно представить дневной, недельный, сезонный, годовой циклы жизнедеятельности рядового горожанина. Источники позволили не только фактографически описать вышеназванное, но и проанализировать качество досуга горожан, подчеркнув преобладание традиций и выделив позитивный опыт, накопленный несколькими поколениями курганцев.

Классической проблемой, разрабатываемой в рамках теории повседневности, является «человеческое тело и забота о нем», которая представлена разделом «Культура питания. Здоровье горожанина». Объектом внимания стали такие темы, как появление в рационе питания курганцев но-

вых продуктов, производство и потребление различных напитков, профессиональные заболевания. И вновь не обошлось без периодической печати и текущей документации некоторых местных учреждений. В числе последней, например, наибольшей интерес для воссоздания состояния здоровья курганских служащих и опосредовано их отношения к своему здоровью представляют заявления самих чиновников к вышестоящему начальству с описаниями типичных заболеваний, докладные записки руководства в губернский центр с просьбами взять под контроль заботу о здоровье своих подчиненных. Эти сведения достаточно достоверны, тем более подтверждаются мемуарными записками и публицистическими заметками того времени.

В разделе, посвященном детской повседневности, преимущественно затрагиваются проблемы воспитания и образования. Учебные предметы, детские объединения, системы поощрения – рассказ об этом преломляет привычную реальность с точки зрения бытования молодого, растущего поколения. Узнать об этом стало возможным благодаря специфическим источникам, отложившимся в деятельности местных учебных заведений. Например, это учебные программы, протоколы заседаний педагогических советов, отчеты классных руководителей об успеваемости и поведении учащихся, планы внеклассных мероприятий и другие. Эти документы скрупулезно фиксировали школьную повседневность, хотя только с точки зрения педагогов, позиция самих учащихся представлена опосредовано.

Итак, композиционно структура повседневности является следующей:

- городская среда обитания;
- вещи вокруг и для человека;
- ценности и представления горожанина;
- город как пространство толерантности;
- городские профессии, человек на службе городу;
- человек коммерческий;
- человек в культурной среде;
- свободное время горожанина;
- культура питания, здоровье горожанина;
- дети: воспитание и образование.

Следует заметить, что некоторые повседневные реалии, такие как девиантное поведение, человек в катастрофе, повседневность в гендерном контексте, не были выделены в самостоятельные структурные составляющие, отчасти в силу неразработанности источников с этих точек зрения. Но они, будучи растворенными в других сферах бытования, не выпали из поля зрения исследователей. Так, способы жизни и выживания городско-

го социума и отдельного индивида в экстремальных ситуациях, маленьких и больших катастрофах (от пожаров и наводнений до голода, террора и войн, где по мнению Г.С. Кнабе, воплощается «непосредственное содержание феномена повседневности», которое состоит «в воспроизводстве человеческой жизни, ... обеспечении выживания трудом и борьбой с природой, с врагами...»⁶¹), прослеживаются в статье о пожарах; девиация - в статье о самогоноварении и пьянстве, гендерные аспекты – в деятельности Курганского дамского попечительного общества.

Таким образом, очерки повседневности г. Кургана представляют собой проекцию архивной ретроспективной информации: авторы опирались на первоисточники – в основном на документы Государственного архива Курганской области, часть которых тем самым вводилась в научный оборот. Хронологические рамки исследования, охватившие две эпохи - дореволюционную и советскую, задали круг соответствующих архивных фондов. Это материалы фондов органов власти и местного управления (от Курганской городской управы до Курганского горисполкома), фонды финансовых и кредитных организаций (от Курганского уездного казначейства до Курганского отделения Госбанка), материалы фондов таких учебных заведений, как Курганская Александровская женская гимназия и Курганское уездное училище, правоохранительных органов (Курганский окружной суд, Курганский горотдел советской рабоче-крестьянской милиции), религиозно-конфессиональных организаций (например, фонды Тобольской духовной консистории, Свято-Троицкой церкви, Римско-католического костела) и многих других.

Уже одно только перечисление названий архивных фондов характеризует источниковую базу настоящего исследования. Можно сказать, что особенности комплектования архивов обусловили направленность используемых историками материалов. Это, в первую очередь и в большинстве своем, так называемая официальная делопроизводственная документация. Таким образом, многочисленные циркуляры и распоряжения, протоколы и ведомости, отчеты и докладные записки, кассовые книги и балансы, уведомления и инструкции становятся текстами повседневности. Как было показано выше, они фиксируют частности, фрагменты, из которых, как мозаика, выстраиваются «человек на службе городу», «городская среда обитания» и другие выделенные аспекты жизненного мира курганцев. Вместе с тем, источниковедческий анализ делопроизводственной документации в плане выявления проблем микроистории требует особо-

---

⁶¹ Кнабе Г.С. *Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 42.*

го подхода к архивным источникам. Работая с документом при изучении повседневности, нужно ставить перед собой новые проблемные задачи, выходя за рамки традиционной истории, формулировать новые вопросы к уже изученному, неоднократно привлекаемому в исторических исследованиях источнику. Иными словами, исследователь должен быть одновременно историком, антропологом, психологом, социологом и т.д.

Отложившиеся в архивах документы требуют ранжирования по уровню отражения и воплощения в них моментов повседневности. Так, «удобными» для изучения повседневной реальности являются гражданские и уголовные дела, рассматриваемые Курганским окружным судом (1797 – 1897 гг.). По замечанию О.Е. Кошелевой, судебные материалы позволяют приоткрыть некоторые аспекты обыденной жизни горожан, уловить оттенки их речи. Использование судопроизводственных текстов с описанием конфликтных ситуаций дает возможность «оживить» население города.⁶² Именно судебно-следственная документация считается одним из основных источников для реконструкции девиантного поведения.

Грамотно организованная исследовательская процедура с опорой на информационный подход ведет к тому, что источником повседневности может стать учетная документация церковного делопроизводства. В частности, формальные актовые записи рождений, бракосочетаний и смертей наряду с онтологическими аспектами бытия (например, статистический анализ смертности дает представление о материальном качестве жизни) раскрывают аксиологические аспекты жизненного мира: взгляды и предпочтения жителей города на брачно-семейные отношения. Так, в результате анализа метрических книг как массового источника с помощью количественных методов исследования можно выявить богатую скрытую информацию, позволяющую проникнуть в глубинные и трудно верифицируемые пласты повседневности.

Однако реконструкция повседневности в рамках только официально-го дискурса невозможна, поэтому так важно, что в круг источников была вовлечена документная информация, возникающая в общественной сфере жизнедеятельности горожан и отложившаяся в фондах Курганского городского общественного Василия Богашева банка, Курганского городского общества взаимного от огня страхования, Курганского общества краеведения, Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства. Здесь мы «встречаем» «человека коммерческого», «человека в культурной среде», горожанина в свободное время.

---

⁶² Кошелева О.Е. *Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени*. М.: ОГИ, 2004. С. 17-18, 71-72.

Повидовой анализ письменных источников показал, что недостаточно широко была привлечена ретроспективная информация актовых материалов – духовных завещаний, купчих крепостей. Фрагментарное ее использование при написании ряда статей, конечно, не прошло бесполезно, однако достаточно полно обрисовать частную жизнь курганцев реально только в силу подхода к этой документации как к массовому источнику.

Почти все обозначенные в структуре монографии проблемные направления не обошлись без материалов периодической печати – газет и журналов губернского и уездного уровня. Среди губернских изданий в качестве наиболее информативного источника следует выделить «Тобольские губернские ведомости» и «Тобольские епархиальные ведомости». Первые фиксировали происходящие в уездах и городах происшествия: пожары, наводнения, засухи, эпидемии. Свое отражение здесь нашли как общезначимые для курганцев события (открытие новых школ, проведение ярмарок, благотворительные мероприятия и т.п.), так и текущие дела «маленького человека» (продажа и покупка недвижимости, судебные тяжбы, назначения на должности и т.п.). Дополняют общую картину повседневности православных обывателей «Тобольские епархиальные ведомости»: освящение храмов, церковные праздники, а также кадровые перемещения священнослужителей, деятельность Тобольской духовной консистории, Курганского духовного правления, отчеты миссионеров, некрологи, письма священников.

Незаменимым источником для освещения повседневной жизни Кургана начала XX века явились местные газеты - «Курганские известия» и «Курганский вестник». Для периода революций 1917 г. и гражданской войны базовыми источниками по истории повседневности стали газеты, издаваемые местными общественно-политическими организациями. Последние, как известно, находясь на разных политических полюсах, идейно конфликтовали друг с другом, значит, по-разному интерпретировали одни и те же события и явления. Сам факт расширения газетного круга чтения курганцев, давший им возможность выбирать, - это один из показателей постепенного включения в каждодневность горожан новых, ранее неизвестных форм бытования. Военный коммунизм и период нэпа меняет характер периодики. Теперь доминирующее положение занимают газеты большевистского толка. С 1920 г. фактически в городе остается единственная газета - «Красный Курган». Выхолощенный, конъюнктурный характер публикаций этого периода рисует образ квазиповседневности: почти все многообразие городской жизни сводится к социально-политическим проявлениям, становится нормой «пропускать» сквозь идеологическое сито даже обыденные действия индивида.

Другие периодические издания, например, «Известия Курганского городского общественного управления» (1914-1916 гг.), дают представление о повседневной жизни курганцев через деятельность Городской думы. Справочные издания - памятные книжки и адрес-календари Тобольской губернии за разные годы – содержат сведения о промышленных и торговых заведениях города, о сети учебных и здравоохранительных учреждений, страховых обществах и т.п. Своеобразным путеводителем по г. Кургану начала XX века может считаться «Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии», созданная А.И. Кочешевым в 1909 г. Благодаря этому справочному изданию городская инфраструктура наполняется конкретным содержанием. Фонарные столбы и ассенизаторские обозы, аптеки и кладбища, банки и трактиры, театры и бани, торговые лавки и храмы, и другие детали повседневности - все это не что иное, как городская среда, то есть та среда, со своими правилами, запретами, обязательствами, которая, собственно, и формировала образ жизни горожанина. Благодаря своей аутентичности и «открытости» информации газеты - «секундные стрелки истории»⁶³, как образно выразился А. Толстой, стали незаменимым источником изучения повседневной реальности.

Говоря о повседневности в источниковедческом контексте, особо следует выделить эго-документы. Несмотря на небольшой удельный вес в общем количестве источников изучения повседневности г. Кургана, по своему значению таковые занимают одно из первых мест. Образно выражаясь, картину повседневности нарративные источники рисуют другими красками: пропуская окружающую действительность сквозь личностное переживание автора, такие источники улавливают в буквальном смысле этого слова вкус, запах, настроение пространства и времени. Для создания повседневного облика Кургана XIX века традиционным является привлечение воспоминаний и мемуаров авторов, которых можно назвать «посторонними». Обобщенный портрет «посторонних» следующий – это люди, хорошо образованные, уроженцы Европейской России (не сибиряки), привыкшие к столичной, непровинциальной жизни, вынужденные в силу объективных обстоятельств некоторое время проживать в Кургане, как правило, политические ссыльные.

Самым ранним из этой группы источников является автобиографическая книга немецкого драматурга А. Коцебу «Достопамятный год моей жизни». Жилье, питание, одежда, нравы, занятия... Коцебу затронул почти все грани повседневности города на рубеже XVIII – XIX веков. Ме-

---

⁶³ *Высказывания об истории и историках // Вопросы истории. 1970. № 9. С.213.*

муары и письма декабристов Н.И. Лорера, А.Ф. Бриггена, А.Е. Розена, М.М. Нарышкина, Н.В. Басаргина и других содержат бытописания Кургана в 1830-1850-е гг.

Особую ценность эго-документы представляли для раздела «ценности и представления горожанина». Так, проследить взгляды обывателей на гражданские чины стало возможным благодаря мемуарным и публицистическим текстам тобольского губернатора В.А. Тройницкого, известного публициста и общественного деятеля С.С. Шашкова, а также других менее известных и именитых авторов. Будучи современниками описываемых явлений, они непосредственно переживали, чувствовали, оценивали окружающую действительность. Именно благодаря субъективности суждений трудно переоценить информационные возможности эго-документов для восстановления повседневных реалий, не снимая при этом проверки достоверности и интерпретационных сложностей.

Информацией иного рода богаты источники, относящиеся к виду научных сочинений (например, «Описание Западной Сибири» ссыльного И.И. Завалишина). Их использование для изучения повседневности можно назвать осторожным, ограниченным, что вполне оправдано. В частности, Завалишин в своей монографии приводит статистические, экономические, географические, этнографические данные по уездам Тобольской губернии на 1850-е годы. Не являясь первоисточником, подобные сведения есть результат обобщений, более или менее научного осмысления действительности, что отдаляет нас от повседневности. Подобная информация может быть полезной для характеристики общих исторических условий, создания некоего фона, на котором день за днем проходила городская жизнь.

Вполне самостоятельным источником повседневности можно считать рекламу, которая все активнее становилась обычной частью жизни курганцев в начале XX века благодаря распространению периодической печати. Будучи фактом повседневности, реклама может многое сказать и о мировосприятии своей аудитории, ведь художественные образы, которые она создает, язык, которым пользуется - это как раз те мостики, по которым можно добраться к дальним, спрятанным от посторонних глаз, редко напрямую фиксируемым уголкам жизненного мира обывателя. Данный факт еще раз подтверждает нашу мысль о том, как важно при исследовании повседневности не просто найти нужный источник, но и уметь грамотно извлечь информацию, найти в нем новые, неожиданные ракурсы, даже такие, о которых не подозревали их создатели, замечать не только то, что сказал источник, но и то, о чем он молчит.

Создание полного образа сибирского провинциального города было бы невозможно без фотографии, благодаря которой была визуализиро-

вана городская среда обитания конца XIX - начала XX века. Это фотоматериалы курганских фотографов А. Кочешева, И. Ожгихина, Д. Панкратьева. На публикуемых снимках представлены виды улиц, площадей, храмов, здания различных учреждений и организаций, наконец, лица городских обывателей. Роль фотодокументов в изучении повседневной культуры г. Кургана трудно ограничить иллюстративной. Общий внешний вид города и его жителей, элементы сословных и профессиональных костюмов, прически, предметы интерьера, даже выражения лиц и многое другое определяют самостоятельное информационное значение фотоматериалов, позволяя увидеть иные, не представленные в текстовом формате сферы повседневности.

Подводя итоги источниковедческому анализу, можно сказать, что авторам пришлось работать с разнообразными историческими текстами: просматривать клировые ведомости и исповедные росписи курганских церквей, разбираться с финансовой документацией городского общества взаимного кредита, изучать инструкции агентам по страхованию от огня, выявлять истории курганских домов и усадеб по делам горкомхоза, прочитывать больничные листы и заявления о приеме на работу сотрудников городской милиции, отслеживать приход и расход сумм Курганского городского хозяйственного управления, расшифровывать трудночитаемые книги на записку купчих крепостей горожан, рассматривать гражданские и уголовные дела Курганского окружного суда, интерпретировать «уездной барышни альбом» и мемуары декабристов, вчитываться в объявления «Курганского вестника». И не только. Конечно, в одной статье невозможно раскрыть, как образно говорят, исследовательскую кухню, но открыть главную особенность в изучении источников повседневности вполне реально. Отправной точкой и целью настоящего исследовательского поиска был человек повседневный, что качественно повлияло на отношение к источнику. Даже в уже хорошо известных исторических памятниках оказалось возможным уловить дыхание города, ритмы жизни его населения, насущные проблемы «маленьких людей», каждодневные радости и трудности горожан.

Результативность настоящего исследования изначально была определена качеством и разнообразием источниковой базы. Накопленный опыт критического осмысления источников повседневности позволил переоценить значение отдельных типов и видов документов, актуализировать использование традиционных источников, апробировать новые методы источниковедческого анализа.

ДОМ С КОКАРДОЙ: ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ

На углу улиц Горького и Комсомольской уже сто лет стоит двухэтажное красного кирпича здание, привлекающее внимание прохожих неординарным архитектурным решением. Этот дом - последний на перекрестке, которому удалось не просто дожить до XXI столетия, но и сохранить презентабельный вид.

Появление этого дома связано с жизнью одной семьи. Приехали издалека, со временем купили усадьбу, построили дом, жили, трудились... пережили смутные времена гражданской войны, были причислены в стан врагов народа, лишились имущества... История для первой половины прошлого века рядовая. Однако до сих пор жив прямой свидетель этой семейной истории - дом, который в силу своей значимости объекта культурного наследия заставляет поднимать старые архивы для удовлетворения вполне оправданного любопытства. Кто его построил и жил в нем, какие легенды хранят толстые стены старого особняка?

В 1902 году из Тары в Курган переехал «не имеющий чина» Яков Константинович Попов, к этому времени зарекомендовавший себя как преуспевающий нотариус. Перевод на новое место давал ему новые возможности и перспективы. Курган был больше и богаче Тары, значит, необходимость в нотариальных услугах здесь была гораздо выше и сулила немалые прибыли.

Первое свидетельство, подтверждающее деятельность Я. К. Попова в Кургане, относится к 7 марта 1902 года. Это выписка из крепостной книги Тобольского нотариального архива о сделке, совершенной в Кургане и заверенной Я. К. Поповым. Этот же документ свидетельствует о том, что в первые годы жительства в Кургане нотариус не имел собственного дома, а снимал помещения под контору и жилье в престижных кварталах города. Так, в начале 1902 года, его контора располагалась в доме Щербаковой

на улице Дворянской, в этом же году он арендовал помещение в доме Филинова на улице Троицкой, а в 1903-1906 годах – в доме Колпакова на углу улицы Дворянской и Думского переулка.

Усадьба, в которой было суждено на несколько лет поселиться семье Поповых, к началу XX века сменила нескольких хозяев. В начале XIX столетия это место считалось окраиной города, к тому же мимо него проходил путь на кладбище. Поэтому вполне закономерно, что долгое время территория оставалась незастроенной. По сведениям краеведа Б. Карсонова, первой хозяйкой этой городской усадьбы в 1840-е годы стала мещанка Матрена Кузнецова. Первый дом, выстроенный здесь, был деревянным и одноэтажным. Затем в 1860-е годы угловая усадьба перешла во владения Тимофея Спирёва. В 1880-е годы ее хозяином стал чиновник Иван Екимович Меньшиков, который надстроил дому второй этаж. Помимо обновленного дома на усадьбе находились деревянные надворные строения – амбар, завозня и стайка.

В конце XIX – начале XX веков улица Солдатская (а именно такое название носила улица М. Горького в то время) из окраинной превратилась в центральную, а потому городские власти, не мудрствуя, закрепили за ней это название – Центральная. Ранее неблагоустроенные кварталы стали стремительно менять свой облик. Деревянные строения постепенно сменили каменные, пустопорожние места активно застраивались. Угловая усадьба на пересечении Центральной улицы и Думского переулка оказалась расположена на бойком месте – недалеко Троицкая площадь с торговыми рядами, магазинами и присутственными местами, рядом две богатые купеческие улицы – Троицкая и Дворянская. Для Ивана Меньшикова наступил благоприятный момент для продажи к тому времени обветшалого дома и примыкающей к нему усадьбы. Вскоре нашлись покупатели. Как было зафиксировано в купчей, усадьба была продана не ранее 1902 года мещанке города Великий Устюг Анне Федоровне Поповой. Размер приобретенной усадьбы составлял 9 сажений по улице Центральной и 30 сажений по Думскому переулку.

При новой хозяйке началось каменное строительство. В 1906 году на ул. Центральной, 62 (такой официальный адрес был у дома в начале XX века) появился двухэтажный краснокирпичный дом, изящно вписавшийся в перекресток улиц.

По архивным документам не удалось установить родственников нотариуса Я. К. Попова. В каком родстве находились Анна Федоровна, официальная хозяйка дома, и Яков Константинович, разместивший в нем нотариальную контору, можно только предполагать с большей или меньшей долей вероятности. Распространенным явлением для состоятельных

семей того периода было официальное закрепление недвижимого имущества за женами. Поэтому допустимо предположение, что Анна Федоровна и Яков Константиновичем были супругами.

За строительством собственной усадьбы нотариус наблюдал из окон дома Колпакова, где он арендовал помещения. Дома соседствовали по Думскому переулку. 11 января 1907 года в купчей крепости он указал новое расположение своей конторы: «В первой части по Центральной улице, в доме номер шестьдесят второй».

Дом имел два главных уличных входа (соответственно с Центральной улицы и Думского переулка) и один дворовой. Планировка здания предусматривала возможность совмещения жилых и служебных помещений, хорошо изолированных друг от друга. 7 января 1914 года в газете «Курганский вестник» было опубликовано объявление о сдаче в аренду части дома и распродаже движимого имущества А. К. Поповым (возможно братом Я. К. Попова, либо самим Я. К. Поповым, в случае типографской опечатки в инициалах). В нем сообщалось: «Отдается квартира в 5 комнат с водопроводом для уборной и кухни по Центральной улице, угол Думского переулка. Спросить А. К. Попова. Тут же распродаются: квартирная обстановка, пальмы и другие цветы. Осматривать можно с 11 ч. утра». Это свидетельствует о передовом техническом оснащении дома. Чего только стоил в начале XX века водопровод! Электричество хозяйева, скорее всего, провели чуть позднее – когда в Кургане заработала первая электростанция. В течение шести лет сюда стремились горожане и жители близ окрестных сел и деревень оформить купчую, составить духовное завешание, скрепить договор... Сотни «нотариально удостоверенных» документов вышли из-под руки нотариуса Попова и его помощников.

Яков Константинович прекратил профессиональную деятельность в 1912 году. В адрес-календарях Тобольской губернии, в которых ежегодно публиковались сведения обо всех чиновниках губернии, на 1913 год и последующие годы его фамилия не значится. Причина, послужившая прекращению его частной практики, остается невыясненной.

Вновь Я. К. Попов появляется на подмостках курганской истории в трудные для города годы политической нестабильности. В 1919 году его имя фигурирует в документах Курганской Городской думы. Яков Константинович, будучи ее гласным, принял на себя обязанности члена городской управы – поступок, характеризующий его как человека гражданской мужественности. Ведение хозяйственных дел, которые были поручены бывшему нотариусу, в ситуации экономической неразберихи требовали приложения физических и умственных сил за гранью возможного.

Отличительной особенностью последнего состава Думы являлось пре-

обладание гласных разночинского происхождения: учителя, врачи, деятели кооперативного движения, чиновники средней руки (многие из них левых убеждений) явились последним оплотом, противостоявшим хаосу военного времени и хозяйственной разрухи. К июлю 1919 года стало понятно, что пребывание в Кургане деятелей белого движения становится небезопасным. Семья гласного Я. К. Попова максимально долго оттягивала свой отъезд из города. Но все-таки, поддавшись общему настроению паники и инстинкту самосохранения, Поповы оставили вещи, заколотили усадьбу и эвакуировались на восток.

В августе 1919 года в Кургане окончательно установилась советская власть. Одним из мероприятий, проводимых новыми властями, стала реквизиция движимого и недвижимого имущества классовых врагов. Дом Я. К. Попова оказался в рядах первых привлекательных зданий для размещения учреждений и квартир. В усадьбе закипела новая советская жизнь. К тому времени он получил адрес: улица Всевобуча (Всеобщего воинского обучения), № 72.

30 сентября 1920 года состоялось заседание межведомственной комиссии жилищного отдела Курганского коммунального хозяйства, на котором рассматривался вопрос «о возвращении движимого и недвижимого имущества гражданам, бежавшим с белыми по неосознанности и эвакуированным белыми бандами в Сибирь». На ней было заслушано ходатайство Анны Поповой о возвращении вещей. Советские чиновники отказали в удовлетворении этого прошения, аргументировав свою позицию следующим образом: «Ввиду того, что вещи были оставлены без присмотра и потому розданы Собезом. В реквизиционном складе данных нет, и ходатайства не возбуждать».

В 1920–1922 годы отделом Курганского коммунального хозяйства неоднократно поднимались вопросы о возможном возвращении ранее муниципализированных домов. Удовлетворялась незначительная часть ходатайств владельцев домов. Как правило, коммунальные власти возвращали бывшим хозяевам ветхие деревянные дома. Дом Поповых, который по разным оценкам того времени стоил от 10 до 24 тысяч рублей, представлял для города немалую ценность, поэтому не был возвращен прежним владельцам.

В начале двадцатых годов дом, уже бывший Попова, находился в ведении наробраза. Так, сокращенно назывался Курганский уездный отдел народного образования. Впоследствии на первом этаже здания разместился Курганский окружной финансовый отдел (сокращенно - ОкрФО). 7 октября 1927 года ОкрФО переехал в другое место, передав помещения первого этажа уездной конторе Госбанка.

Второй этаж дома был занят под жилые помещения сотрудников Окр-ФО. 17 января 1928 года агент жилотдела Екимов провел проверку дома, в результате которой установил, что в доме, не имея ордеров, проживали семьи кучера Корнева, безработного Мешкова, Кривоногова (место службы которого установить не удалось ввиду его отсутствия), а также черно-рабочий спиртоводочного завода Обухов и сторожика совбольницы – все бывшие работники окрфинотдела. За этой проверкой последовало решение о выдаче жильцам дома ордеров, тем самым, было узаконено их местожительство. Большие просторные комнаты были разгорожены. Дом погрузился в пучину коммунального быта.

Со временем разношерстная публика, населявшая дом в двадцатых годах, была отселена, а здание полностью отдано под государственные учреждения.

Если посмотреть на дом со стороны улицы Комсомольской, то хорошо виден эркер с карнизом гребневидной формы, подчеркнутым рельефной кладкой. Этот архитектурный элемент по форме напоминает полицейскую фуражку с кокардой. Из-за этого в годы советской власти дом получил репутацию образчика старорежимного вкуса его первых хозяев. Однако именно архитектурная «нетипичность» здания послужила основанием для присвоения ему статуса памятника архитектуры местного значения. В 1972 году Курганский облисполком вынес по этому вопросу соответствующее решение. Поньне этот дом является одним из немногих сохранившихся зданий в стиле модерн⁶⁴.

---

⁶⁴ Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Л. 65, 74, 88; Ф. 288. Оп. 1. Д. 8, 10, 32, 45; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 71. Л. 8, об., 13, 129 об.; Д. 77. Л. 3; Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 220. Л. 2, 3 об., 5-7, 13, 13 об., 20; Д. 427. Л. 1, 5; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 г. Издание А.А. Крылова. Тюмень: Типография А.А. Крылова, 1898. С. 83; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 г. - Тюмень: Типография А.А. Крылова, 1899. С. 101; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 г. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1899. С.33; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1900. С.37; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 год. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1904. С. 31; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1906 год. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1904. С. 31; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1907 год. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1907. С. 150; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1911 год. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1911. С. 202; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1912 високосный год. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1912. С. 20; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1913 год. Издание Тобольского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская типография, 1913. С. 36; Курганский вестник. 1914. 7 января. С.4.

О «ПОЛЬЗЕ» ПОЖАРОВ

Убедительным примером «сосуществования» бесконтрольного огня и человека может служить история Кургана. Ведь в формировании его облика немаловажную роль сыграли и пожары.

С момента основания слободы Царево Городище на Арбинском яру для первопоселенцев пожары были неизбежным злом. Частые поджоги степняков заставили жителей слободы оставить место первого поселения и основать Царево Городище на новом месте. Деревянная Царекурганская слобода очень часто горела по причине небрежного отношения самих жителей к кузницам, печному отоплению. Часто зерно сушили в овинах с примитивными глинобитными печами без труб, искры из которых сыпались прямо на солому. Вместе с овинами сгорали дома и надворные постройки.

Благодаря пожарам в Кургане исчезли строения, расположенные в хаотическом беспорядке и формировавшие кривые неказистые улочки. Поэтому очень быстро в жизнь был претворен первый генеральный план застройки города 1782 г. Уже в первой половине XIX века ничего не напоминало о прошлом деревенском облике: в Кургане имелось три прямых улицы, перпендикулярно пересекавшихся переулками. Сегодня мы с трудом отыщем дома постройки конца XVIII – первой половины XIX в. Заметим, что ни одного строения более раннего времени не сохранилось вообще. Находятся они в основном на современной улице Климова (бывшей Береговой), кстати, ближе всех расположенных к источнику воды – реке Тобол, что при тушении пожаров является благоприятным фактором.

Городские власти прилагали немало усилий для того, чтобы обезопасить город от огненной стихии. В 1823 г. была приобретена первая огнегасительная машина. Чуть позднее приобрели еще три таких машины, а также багры, ухваты, черпаки, ведра из кошмы, дубовые бочки и, наконец, была выстроена первая деревянная каланча. В последующие десятилетия пожарное оборудование совершенствовалось. Курган в пожарном оснащении являлся одним из передовых городов Тобольской губернии. В 1895 г. только в Кургане, Тюмени и Таре было учреждено постоянное дежурство пожарных машин, запряженных лошадьми, и бочек с водой⁶⁵. Со временем в городе появилось и Вольно-Пожарное общество, имевшее свое депо, необходимые инструменты и волонтеров, готовых к борьбе с пожаром.

Однако противопожарные меры не защитили город от сильных пожа-

---

⁶⁵ Тобольские губернские ведомости. 1895. 1 июня.

ров начала 1860-х гг., когда выгорело почти две трети Кургана. В июне 1860 г. пожарная команда, состоящая из четырех нижних чинов и восьми лошадей, не сумела спасти гостиный двор: огнем было уничтожено одно из самых важных зданий города. Сгорело 82 лавки, сорок из которых было с товаром. Городской торговле был нанесен серьезный урон на сумму 79 тысяч 319 рублей 70 копеек. Погибло и три человека из желавших спасти свой товар. Этот курганский пожар с легкой руки корреспондентов «Тобольских губернских ведомостей» вошел в историю как «замечательно несчастный»⁶⁶.

8 декабря 1865 г. жители города вновь услышали звук набата. Пожарная команда во всеоружии встретила огонь. За хорошую организацию тушения пожара тобольский губернатор объявил курганскому городничему М.А. Карпинскому и пожарной команде благодарность за рвение и самоотверженность в борьбе с огнем⁶⁷. Но погорельцам вряд ли от этого было легче.

Частые пожары 1860-х гг. заставили городских обывателей более основательно подойти к строительству новых жилищ. Стали отстраиваться каменные и полукаменные дома, крытые железом, в один и два этажа. Примером такого строительства может служить усадьба купца Семена Березина на улице Троицкой (ул. Куйбышева, 59-61), который не пожалел денег на возведение двухэтажного кирпичного дома, из кирпича были и надворные постройки. По предписанию властей была возведена высокая брандмауэрная (противопожарная) стена высотой более четырех метров для того, чтобы в случае загорания огонь не перекинулся на соседние усадьбы.

В начале XX в. Курганская городская дума приняла обязательное постановление о мерах предосторожности против пожаров. Всем городским жителям вменялось в обязанность по первой тревоге являться на место пожаров «с теми огнегасительными снарядами, инструментами и вспомогательными средствами, какие обозначены на прибитых у каждого дома дощечках». Предъявлялись особые требования к постройке домов и надворных строений. Кровли разрешалось крыть железом, тесом или дерном. Запрещалось использовать для покрытия крыш солому и другие легковоспламеняющиеся материалы. С 1 апреля по 1 октября все домовладельцы обязаны были иметь запас воды, доступный в случае экстренной необходимости. Владельцы колодцев во время пожаров должны были беспрепятственно и безвозмездно предоставлять воду из колод-

---

⁶⁶ *Тобольские губернские ведомости. 1860. 10 сентября.*

⁶⁷ *Тобольские губернские ведомости. 1866. 8 января.*

цев для тушения. Дымовые трубы должны были регулярно прочищаться (за летний период – не менее одного раза, зимой – каждый месяц). По городу запрещалось ходить «с огнем без фонаря: по дворам, сеновалам, конюшням, скотным дворам, чердакам, улицам и площадям; равным образом – курить в этих местах табак». Человека с папироской на улицах города можно было увидеть только с 1 октября по 1 апреля. На ярмарках при торговых помещениях, а также в сенном и дегтярном рядах воспрещалось «раскладывать огонь и ставить самовары». Керосин для розничной торговли разрешалось хранить только в каменных кладовых со сводами и за железными дверьми не более 18 пудов⁶⁸.

Статистические исследования, проводившиеся в Тобольске в конце XIX в., свидетельствуют о том, что в этот период ежегодно на каждый город Тобольской губернии в среднем приходилось до 19 пожаров, при которых истреблялось до 48 зданий и причинялось убытку на 45793 рубля⁶⁹.

Передовая общественность всерьез была обеспокоена вопросом сохранения лесных богатств края. В 1895 г. газета «Тобольские губернские ведомости» сообщала о значительном сокращении лесных массивов. Крестьяне не проявляли заинтересованности в рациональном использовании леса. Часто они сами из корыстных побуждений весной устраивали пал, и огромное пространство леса погибало от огня. Делалось это для того, чтобы на законных основаниях получить сухоподстойный лес.

В лесах распространению огня способствовало и то, что при рубке леса никто не заботился очищать лес от вершинника. У срубленного дерева брали только нужное, не заботясь о том, что остальное должно гнить и пропадать. Остатки валежника, сучьев представляли во время пожара горючий материал, и остановить огонь было невозможно. Пожар прекращался, когда огонь доходил до какой-нибудь дорожки или когда его заливал дождь. Ситуация по охране леса, в том числе и от пожаров, в лучшую сторону изменилась при учреждении в лесничествах отрядов лесных объездчиков.

Для современного человека пожар воспринимается как явление из ряда вон выходящее, стихийное бедствие, развитие которого можно оперативно предотвратить или вообще не допустить. Для городских и сельских обывателей позапрошлых столетий пожары, наводнения, эпидемии, кобылка на полях были ежегодными проблемами, с которыми приходилось мириться и даже извлекать из этого пользу.

---

⁶⁸ Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии: 1909 г. Курган: Типография А.И. Кочешева, [1909].

⁶⁹ Тобольские губернские ведомости. 1895. 1 июня.

НА ТЕЛЕГРАФНОМ ПЕРЕУЛКЕ: ИЗ ИСТОРИИ КУРГАНСКОГО ТЕЛЕГРАФА

Телеграфная связь в Кургане зарождается во второй половине XIX в. благодаря деятельности частных лиц – представителей местного купечества. Так, в 1869 г. купец первой гильдии Дмитрий Иванович Смолин пожертвовал на учреждение в нашем городе телеграфа и богадельни 800 рублей. А 26 сентября 1872 г. в доме мещанина Александра Пирожникова была открыта телеграфная станция. В 1880-е гг. телеграфная станция переехала в частные дома в один из городских переулков, который в последствии так и стал называться – Телеграфный переулок. Вплоть до 1927 г. это название напоминало жителям города о том, что в Кургане действует один из видов электросвязи – телеграф. Сейчас это улица им. Л.Б. Красина.

С появлением телеграфа курганцы уже не чувствовали себя обособленными от остальной России, ведь теперь за вполне разумную плату они могли отправить или получить весточку от родных и знакомых из любой части Российской империи. Так, в 1894 г. телеграмма на челябинском направлении стоила 10 копеек за слово, а на Томск – 5 копеек⁷⁰. В 1909 г. за каждую телеграмму из Европейской России в азиатскую часть страны взималось за каждое слово 10 копеек, а в самой Европейской России слово стоило 15 копеек, в Финляндии – 12,5 копеек. С городской корреспонденции бралась также плата по 1 копейке за каждое слово и 15 копеек поделешной платы.

В начале XX в. к услугам курганцев были телеграммы нескольких видов, а именно «телеграмма, посылаемая в сторону от телеграфной линии», «телеграмма с несколькими адресами», «телеграмма вслед», «телеграмма с оплаченной проверкой». Первый вид использовался в том случае, если человек желал препроводить свою телеграмму в сторону от телеграфной станции. Для доставки такой телеграммы можно было использовать эстафету или нарочного. Если нужно было отправить одну и ту же телеграмму в несколько адресов, то с отправителя бралась дополнительная плата за каждый адрес и каждые 10 слов в телеграмме – 15 копеек. Если телеграмма не заставала на месте адресата, то могла быть отправлена на новое его местожительство. Для этого на телеграмме делалась пометка FS - передать вслед - и деньги за такую телеграмму платил получатель. Если отправитель желал, чтобы его телеграмма во избежание искажения слов была проверена, то делал надпись «проверка оплачена» или

---

⁷⁰ *Тобольские губернские ведомости. 1894. 28 августа.*

TS, и за это вносил $\frac{1}{4}$ стоимости телеграммы. Существовали в то время срочные телеграммы, плата за которые была в три раза дороже, чем за обыкновенные, а также телеграммы до востребования.

Кроме того, правила пользования телеграфом 1909 г. гласили: «Подлинные телеграммы должны быть написаны четко, понятно и не должны содержать в себе неупотребительных в языке словосочетаний или оборотов и сокращений. В начале телеграммы должен находиться адрес получателя, а в конце - подпись отправителя. ... Наибольшая длина слова определяется в 15 букв, излишек считается за отдельное слово»⁷¹.

С появлением в Кургане нового учреждения - почтово-телеграфной конторы – увеличилось, хоть и незначительно, число чиновников. Как известно, в царской России стать чиновником мог не всякий подданный. Законодательство четко определяло, кто и при каких условиях имел право представлять государственную власть. В первую очередь принимались во внимание происхождение кандидата, а также его познания, то есть образование. Запрещалось принимать в гражданскую службу, например, иностранцев, купцов и их детей (кроме купцов первой гильдии), лиц бывших податных сословий и пр. Однако, на деле курганское чиновничество, к которому принадлежали служащие почтово-телеграфного ведомства, пополнялось людьми самых разных социальных слоев, в том числе лицами мещанского и даже крестьянского происхождения. Так, в ст. 146 Устава о службе говорилось, что в местных почтово-телеграфных учреждениях на должности телеграфистов, механиков и надсмотрщиков могут замещать должности даже те лица, которые по общим правилам не имеют права вступления в гражданскую службу⁷². То есть они числились в должности, исполняли все связанные с этим обязанности, но не получали чинов. Однако высшее и среднее звено Курганской почтово-телеграфной конторы представляли именно чиновники. Статус чиновника в досоветской России предполагал обладание рядом преимуществ, например, это единственная категория, которая имела право на пенсионное обеспечение.

Гражданская служба, как известно, была привилегией мужчин, эта монополия стала постепенно разрушаться лишь к концу XIX в. А вот в почтово-телеграфном ведомстве чаще, чем в других государственных учреждениях, служили женщины. Им в качестве преимуществ службы в отдаленных местностях предоставлялись прогонные деньги в усиленном

---

⁷¹ *Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии. Курган, 1909. С. 19.*

⁷² *Устав о службе по определению от правительства. Св. зак. Т. III, кн.1, по официальному изданию 1896 г. и продолжениям 1906 и 1908 гг. СПб, 1910. С. 40.*

размере для переезда к новому месту службы, пособие на подъем и обзаведение, прибавка к жалованью, пособие по выслуге десятилетия, отпуска на льготных основаниях, наконец, преимущества пенсионные.

Заметим, что телеграфные и почтовые служащие в царской России, в том числе и курганские, выполняли функцию цензоров, перлюстрируя корреспонденцию ссыльных. И только с конца 1874 г. по Высочайшему Указу государя Императора просмотр почтовой и телеграфной корреспонденции политических ссыльно-водворенцев, находящихся в Западной Сибири, прекратился⁷³. Тем не менее, такой вид деятельности еще долгое время оставался в руках этого ведомства. По образному замечанию современника, почтово-телеграфная служба состояла «в компрометирующих отношениях с департаментом полиции»⁷⁴. Что ж, служба есть служба.

Стабильное функционирование местной почтово-телеграфной сети было прервано в годы первой русской революции. 18 ноября 1905 г. Курганский уездный исправник рапортовал тобольскому губернатору о событиях в городе: «Доношу Вашему Превосходительству, что 17-го сего ноября в 10 часов утра все чиновники, почтальоны и служащие конторы самовольно оставили контору, забастовали и разошлись, прекратив занятия; ... телеграмм совсем не принимают. Здание почты и телеграфа охраняется военным караулом под наблюдением полиции»⁷⁵. Это время, когда менялись привычные условия жизни, и курганцев, как и всех россиян, впереди ожидали многие испытания...

В 1914 г. Государственная дума проявила огромный интерес к развитию почтово-телеграфного дела в России. Депутаты особенно много говорили о недопустимой эксплуатации служащих этого ведомства, об ужасных антисанитарных условиях их труда, о вмешательстве в личную жизнь телеграфисток со стороны вышестоящего начальства, о непосильной работе телеграфных рассыльных по 18 часов в сутки и пр. Работники курганского телеграфа с интересом читали эти материалы о заседаниях Государственной думы в «Курганском вестнике», так как названные трудности касались их непосредственно⁷⁶.

Местные власти также по мере сил старались решать назревавшие проблемы, которые обострились с началом Первой мировой войны. 15 января 1916 г. на очередном заседании Курганской Городской управы обсуждались вопросы развития городского почтово-телеграфного ведомства. В докладе, в частности, говорилось, что в условиях войны операции

⁷³ *Тобольские губернские ведомости. 1874. 23 ноября.*

⁷⁴ *Курганский вестник. 1914. 25 мая. С. 2.*

⁷⁵ *ГАКО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.*

⁷⁶ *Курганский вестник. 1914. 25 мая.*

Курганской почтово-телеграфной конторы значительно увеличились, а «между тем часы занятий Почтово-телеграфной конторы до сего времени остаются те же»⁷⁷. В эти годы особенно остро становится вопрос об усовершенствовании деятельности этого учреждения посредством увеличения штата служащих и изменения графика их работы. Докладчик Городской управы также сообщал, что в конторе «происходит буквально давка публики, ожидающей очереди получить или сдать для отправки корреспонденцию. Главный контингент ожидающих составляют лица с заказной, страховой корреспонденцией и с посылками, которые, однако, принимаются только одним почтовым чиновником по каждому отделу. Таким образом, назначение для приема заказной корреспонденции вместо одного, по крайней мере, двух чиновников разрешило публику в конторе и дало бы для общества наибольшие удобства»⁷⁸. Поэтому Городская управа ходатайствовала перед Почтово-телеграфным округом об установлении в Курганской почтово-телеграфной конторе приема заказной корреспонденции в течение всего дня и об увеличении штата чиновников. В итоге собрание Думы постановило: «Предварительно возбуждения ходатайства по данному делу поручить Городской управе выяснить путем переговоров с г. начальником Почтово-телеграфной конторы, какой способ может быть целесообразным для устранения указанных в докладе неудобств, т.е. открытие Почтового отделения, или увеличение операционных часов и штата служащих существующей Почтово-телеграфной конторы. Результаты переговоров доложить Городской думе»⁷⁹.

Но вскоре уже новая власть вносила проекты управления местным почтово-телеграфным ведомством. В 1918 г. Совет народных комиссаров утвердил проект управления почтово-телеграфным ведомством: было введено коллегиальное управление, во главе почтово-телеграфных округов поставлены комиссары, утверждаемые Народным комиссариатом, должности почтового директора, начальника конторы, начальника перевозки почт упразднены⁸⁰.

В годы гражданской войны курганский телеграф наряду с местными Городской управой, почтой, банком становился объектом «интереса» противоборствующих сторон. Например, 3 января 1918 г. после роспуска гарнизонного комитета 34-го полка и разоружения офицеров отряды крас-

---

⁷⁷ *Известия Курганского Городского общественного управления. 1916. 1 апреля. С. 24.*

⁷⁸ *Там же. С. 25.*

⁷⁹ *Там же. .*

⁸⁰ *Известия курганского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 25 апреля.*

ногвардейцев занимают одним из первых здание телеграфа⁸¹. Телеграфная связь являлась стратегически важным средством сообщения и в первые годы советской власти. Однако работа телеграфа не отличалась стабильностью. Так, в 1921 г. во время крестьянских выступлений на Урале и в Западной Сибири было прервано телеграфное сообщение по линии Курган – Петропавловск⁸².

После окончания гражданской войны и стабилизации положения в стране появилась возможность готовить специалистов для телеграфного дела, в чем так нуждалась и Курганская почтово-телеграфная контора. В нашем городе таких специалистов готовило фабрично-заводское училище связи. За полтора года желающие юноши и девушки могли получить специальность аппаратчика-телеграфиста. Учащиеся обеспечивались стипендией и общежитием. Канцелярия школы располагалась по ул. К. Маркса, 71⁸³. С 25 июня по 15 июля 1921 г. в Кургане проходил прием учеников в телеграфную школу. Новую специальность могли получить и юноши, и девушки старше 17 лет и имеющие образование не ниже двухклассной школы. Срок обучения 6 месяцев. Предполагалось специальное обеспечение, проще говоря, стипендия в размере 140 руб. в месяц и паек железнодорожника. Более того, учащиеся телеграфной школы приравнивались к статусу железнодорожника в правовом отношении⁸⁴. И по-прежнему, как в старые времена, телеграфисты были связаны с цензурой, охраной государственной тайны и прочими подобными делами. Недаром в июне 1922 г. зав. губернским управлением почт и телеграфов Пушкарев совершенно секретно писал: «Чтобы вменить в обязанности всем шифровальщикам, отстраняемым почему-либо от шифр-работы, давать подписку о том, что все государственные тайны, известные им как шифровальщикам, будут ими храниться в строжайшем секрете, а также они должны были уведомлять о своем местопребывании спецотдел при ГПУ, даже при увольнении в течение 1-2 лет»⁸⁵.

18 мая 1929 г. газета «Красный Курган» напечатала статью с говорящим названием «Под «стеклянный колпак» почту, телеграф и здравотдел». Здесь речь шла о рядовой для того времени чистке советского аппарата от «элементов разложившихся, извращающих советские законы, срещающихся с кулаком и нэпманом, мешающих бороться с волокитой,

---

⁸¹ *Курганские хроники. 1662 -2000. / А.М. Васильева, Н.Ф. Скородумова, Е.В. Тершукова. Курган, 2002. С.119.*

⁸² *Там же. С.137.*

⁸³ *Красный Курган. 1932. 27 июля.*

⁸⁴ *Там же. 1921. 26 июня.*

⁸⁵ *Красный Курган. 1921. Л. 19.*

по-чиновничьи, по-бюрократически относящихся к насущным нуждам трудящихся, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев»⁸⁶. Именно в мае 1929 г. этой «процедуре» подверглись служащие местного почтово-телеграфного ведомства. В результате коллектив избавился от пьяниц, лентяев и нерадивых работников, и наоборот пополнился «выдвиженцами из рабочих, бедняков, испытанных и классово выдержанных»⁸⁷. Однако стала ли почтово-телеграфная служба функционировать эффективнее в результате кадровой чистки, положительно сказать нельзя.

Пройдя за почти 60 лет непростой путь развития, к концу 1920-х гг. курганские учреждения связи занимают устойчивое и востребованное положение, растут почтовые и телеграфные обороты... Можно сказать, что буквально с момента своего возникновения телеграф сразу становится неотъемлемой частью обычной жизни курганцев: черкнуть телеграмму курганскому обывателю было в то время, наверное, как сейчас набрать номер на мобильном.

---

⁸⁶ *Красный Курган. 1929. 18 мая. С. 4.*

⁸⁷ *Там же.*

«АЛЛО, БАРЫШНЯ»: О ГОРОДСКОЙ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

Первая телефонная линия в Кургане была проведена в мае 1894 г. Предвосхищая это событие, газета «Тобольские губернские ведомости» писала: «Давно ли кажется послышался у нас первый свисток локомотива, а город уже принимает другую окраску... будет проведен телефон. Столбы уже поставлены, и на днях будет открыто действие». Первоначально телефонная линия связывала небольшие расстояния. Телефонные провода протянулись от квартиры исправника к полицейскому управлению, к тюрьме и пожарному депо. Возможность пользоваться телефоном имели только правительственные учреждения. Частных номеров не было⁸⁸.

Спустя четыре года, в 1898 г., из городского бюджета было отпущено 60 рублей на соединение телефоном управления воинского начальника с железнодорожным вокзалом⁸⁹.

В конце XIX века правила пользования телефоном были следующие: «1) Абонент, желающий с кем-либо говорить, вызывает центральную станцию звонком, для чего, не снимая телефона с рычага, делает несколько быстрых поворотов рукоятью (индуктором). 2) На ответный звонок абонент снимает телефон с рычага и прикладывает его к уху, а на вопрос центральной станции «*что угодно?*» - отвечает: «*соедините с номером таким-то*»; и получив в ответ: «*готово*», вновь вешает телефон на рычаг и дает знать вызываемому звонком, делая несколько быстрых поворотов рукояткою; 3) По окончании разговора дается краткий звонок, т.е. рукоятка поворачивается от 1/3 до 1/2 оборота. *Примечание.* Следует делать отчетливую разницу между продолжительным звонком, употребляемым при вызове центральной станции или абонента и коротким (в 1/3 до 1/2 оборота) при прекращении разговора, так как оба эти сигнала, не будучи ясно переданы, могут быть не поняты на центральной станции. 4) Говорить следует обыкновенным голосом на расстоянии от 4-х до 8-ми вершков от аппарата. 5) Окончив разговор, следует непременно вешать телефон на рычаг, так как без этой предосторожности портится аппарат и звонок перестает действовать...»⁹⁰.

Более широкое распространение телефон получил в начале XX века. Об этом свидетельствуют цифры, приведенные в «Курганском вестнике»

---

⁸⁸ Тобольские губернские ведомости. 1894. 29 мая.

⁸⁹ Там же. 1898. 24 февраля.

⁹⁰ Там же. 1895. 1 октября. С.1231-1232.

за 1914 год: на 1 января 1913 г. число абонентов городской телефонной станции было 230, а на 1 января 1914 г. – 252. Появилась так называемая дачная линия, соединяющая дачные поселки со станцией.

На протяжении 1910 – 1914 гг. вопросами развития и усовершенствования городской телефонной связи занималась одна из комиссий Курганской Городской думы – телефонная, в состав которой входили: исполняющий обязанности председателя, член Городской управы А. Т. Первухин, а также купцы Ф. Д. Смолин, С. А. Балакшин, А. И. Кочешев и К. М. Дунаев⁹¹.

В 1914 году Министерство внутренних дел утвердило Постановление Курганской Городской думы от 19 ноября 1913 года о займе денежной суммы в местном Общественном Банке по дополнительной городской смете на неотложные городские расходы, среди которых значилось расширение телефонной сети - 2297.50 рублей⁹².

Ввиду примитивности средств связи возникали всякие казусы. Долгое время единственными в городе столбами с проводами оставалась телефонная линия. В начале 1910-х годов в Кургане начались работы по устройству электрического освещения. Работы по натяжке проводов электроосветительной сети привели к нарушению телефонной связи. Так, в 1913 г. горожане жаловались «о напрасном вызове абонентов телефона неизвестными лицами, с одной стороны, а с другой – при желании переговорить с кем-либо из абонентов, отвечали и говорили несколько голосов сразу»⁹³. Порою телефонная линия становилась объектом хулиганских выходов. Так, 11 мая 1914 г. против пивной «Жигули» в девять часов вечера на Центральной улице (ныне улица М. Горького) на телефонные провода был наброшен расплетенный медный кабель низкого напряжения, вследствие чего перегорели и погасли все лампочки уличного освещения⁹⁴.

О низком качестве телефонной связи свидетельствует и извещение Технического отдела в апреле 1914 г. в газете «Курганский вестник»: «... с наступлением сумерек – с семи часов вечера до трех часов утра – переговоры по телефону не желательны для тех абонентов, у которых не поставлены предохранители высокого напряжения, черные коробочки, так как разговаривающий подвергается опасности. У не имеющих громоотводов таковые будут поставлены в течении недели»⁹⁵.

В период февральской революции 1917 г. в провинциальном городе

---

⁹¹ *Известия Курганского Городского общественного самоуправления. 1914. 23 августа. Вып. 12. С. 173.*

⁹² *Там же. 20 февраля. Вып. 1. С. 13.*

⁹³ *Курганский вестник. 1913. 25 декабря.*

⁹⁴ *Там же. 1914. 15 мая.*

⁹⁵ *Там же. 23 апреля.*

Кургане, как и в столичном Петрограде, телефонная станция наряду с городской и железнодорожной почтово-телеграфной конторой, полицией и жандармерией явилась одним их ключевых объектов, которые заняли солдаты курганского гарнизона.

В нестабильное революционное время Городская управа, занимающаяся вопросами городской телефонной связи, испытывала различные трудности при обслуживании абонентов телефонной сети. 13 июля 1917 г. Технический отдел на страницах городской газеты «Курганское свободное слово» известил абонентов телефонной сети о невозможности изготовления абонентских книжек на 1917 г. в связи с перегруженностью работой местных типографий и чрезвычайной дороговизной материалов⁹⁶.

В 1918-1919 гг. имущество телефонной сети состояло из сосновых столбов, рельс для основания столбов, телефонных крючков и изоляторов, кованых шпилей и фарфоровых втулок, кабельных ящиков, оцинкованной и железной проволоки. На городской телефонной станции был установлен центральный коммутатор на 200 двухпроводных номеров системы «Эриксон», центральный коммутатор на 100 однопроводных номеров системы «Эриксон», у абонентов установлено около трех сотен аппаратов системы «Эриксон», а также 15 коммутаторов «Геслера». Телефонная сеть имела деревянный дом, крытый железом, в котором располагалась дачная телефонная станция. Хозяйственное имущество состояло из иконы Николая Чудотворца, 20 письменных столов, 9 простых столов, 13 кушеток, одного шкафа, окрашенного масляной краской, настенных часов, зеркала, трех карнизов для окон, 9 ламбрекенов, 18 спиртовых ламп, вывески с надписью «Вход посторонним лицам воспрещен», трех штемпелей, 10 плевательниц, 9 эмалированных тазиков и лошади со сбруей⁹⁷.

В 1919 г. телефонная сеть города насчитывала 15 служащих, в том числе 4 монтера и 11 телефонисток⁹⁸. Желавших работать на телефонной станции было гораздо больше, чем свободных вакансий. Свои услуги в качестве телефонисток и канцелярских работников предлагали женщины, бывшие домохозяйки, которых голодное время гражданской войны заставляло искать любые источники доходов.

Телефонная сеть города относилась к электрической станции, которая в свою очередь подчинялась Техническому отделу Городской управы. Заведующим электрической станцией в 1919 г. был инженер Владимир Александрович Грейман⁹⁹.

---

⁹⁶ *Курганское свободное слово. 1917. 13 июля.*

⁹⁷ *ГАКО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1.*

⁹⁸ *Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 91.*

⁹⁹ *Там же.*

В марте 1919 г. инженер Грейман был откомандирован в г. Омск для разрешения вопроса о расчете за пользование телефонами 3-го Сибирского стрелкового полка за время пребывания его в Кургане¹⁰⁰. Проблемы с оплатой за пользование электричеством и телефоном возникали не только с военными, но и с курганскими обывателями. Поэтому Курганская городская управа была вынуждена рассылать уведомления следующего содержания: «Электро-технический отдел Курганской Городской управы просит Вас пожаловать на Электрическую станцию для производства расчета за электрическое освещение и пользование телефоном»¹⁰¹.

В смутное время гражданской войны у Курганской Городской управы существовали проблемы с оплатой труда служащих телефонной станции. В условиях высокой инфляции предпочтительным эквивалентом денежных знаков являлась водка. Так, в июне 1919 г. Курганская городская управа ходатайствовала перед начальником Курганского акцизного управления о выдаче водки служащим электрической станции и телефонной сети в расчете две бутылки на человека¹⁰².

Спустя месяц после установления советской власти в Кургане в сентябре 1919 года состояние электрической станции и телефонной сети оказалось в плачевном состоянии. С локомотивей электростанции «по распоряжению белогвардейских властей» были сняты и увезены золотники - самая важная часть двигателя, от чего станция лишилась возможности быть пущенной в ход. От телефонной сети, ранее состоявшей из 350 действующих аппаратов, осталось не более двух десятков в некоторых учреждениях и частных квартирах. С центральной части были увезены все коммутаторы. Таким образом, телефонная сеть в городе на тот момент фактически отсутствовала. К счастью для советской власти, удалось сформировать служебный персонал электростанции и телефонной сети. Так, бывшего заведующего инженером В.А. Греймана заменил инженер П.А. Флеммин, служивший здесь два с половиной года и знакомый с этим предприятием. Достаточный штат специалистов дал возможность быстро приступить к ремонту двигателей и по окончании такового немедленно пустить их в работу. На сентябрь 1919 года телефонная сеть состояла из 7 служащих: 4 монтеров и 3 телефонисток¹⁰³. Телефонную связь предполагалось наладить на 20 – 50 абонентов, в первую очередь с городскими и военными учреждениями. Однако самого важного для телефонной связи

---

¹⁰⁰ ГАКО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

¹⁰¹ Там же. Л. 93.

¹⁰² Там же. Л. 129.

¹⁰³ Там же. . 174, 174 об.

на тот момент не было – центрального коммутатора.

В первые годы советской власти остро стоял вопрос об обеспечении квалифицированными кадрами Курганской электростанции, в ведении которой находилась и телефонная сеть города. Руководство электростанции было занято каждодневной перепиской с гражданскими и военными властями, ходатайствуя о пополнении рабочих и служащих электростанции из числа заключенных в Курганской тюрьме, об отсрочке призыва на военную службу. Например, в августе 1920 года заведующий Курганской электростанцией обращался с просьбой в Отдел управления Енисейского губревкома Красноярска с просьбой откомандировать назад в Курган своего подчиненного товарища Назарова, мотивируя следующим: «С.К. Назаров как служивший здесь и коренной житель г. Кургана весьма необходим для конторы электростанции как счетовод по учету абонентов; для него, знающего местных жителей, дело это наиболее свойственно и он принесет здесь максимум продуктивности в работе, - в то время как контора электростанции лишена возможности пополнить штат своих сотрудников за отсутствием лиц даже на должности конторщиков, обязанности коих в данное время у нас исполняют подростки, от коих нельзя уже требовать серьезного отношения к делу и должной продуктивности в работе ... Кроме того и с точки личных интересов т. Назарова как человека трудящегося и обремененного большой семьей перевод в Курган, где у брата его есть свой дом (хотя и небольшой) не может быть безразличен, тем более жизнь в Кургане несколько дешевле»¹⁰⁴. Однако, «получить» товарища Назарова Курганской электростанции не удалось, возможно, он оказался нужнее в Красноярске.

Новая власть стремилась поставить под контроль вопрос социальной «чистоты» своих служащих. Это заключалось в проверке кадрового состава ключевых учреждений, в том числе телефонной сети. Под особое внимание власти попадали чиновники царской России, офицеры и солдаты белой армии и прочие социально чуждые новому строю элементы. Так, Политбюро в июне 1920 года требовало от заведующего электростанцией предоставить списки служащих и рабочих, «бежавших с белыми в глубь Сибири»¹⁰⁵. При этом при невыполнении данного требования или при неверных сведениях Политбюро грозило виновных привлечь к ответственности «по всем строгостям военно-революционного времени»¹⁰⁶.

В 1920-е годы ставился вопрос о передаче из муниципальной в ведом-

---

¹⁰⁴ ГАКО. Оп.2. Д. 5. ЛЛ. 116, 116 об.

¹⁰⁵ Там же . Л. 190.

¹⁰⁶ Там же.

ственную собственность зданий, в которых размещалась Курганская телефонная станция. В августе 1923 г. из Правления телефонными предприятиями Челябинской губернии поступил циркуляр начальнику телефонной сети Курганского уисполкома, где указывалось: «Из поступающих с мест донесений усматривается, что помещения, занимаемые Троицкой и Курганской телефонными станциями, до сих пор не закреплены за ведомством, вследствие чего происходят недоразумения как в смысле владения, так и ремонта.

В целях устранения недоразумения предлагается с получением настоящего циркуляра начтефам принять самые решительные меры о закреплении тех зданий, кои были в процессе революции заняты, но не закреплены за ведомством».

На этот циркуляр последовал ответ Курганского коммунального отдела, в котором сообщалось, что занимаемый дом телефонной станции будет передан в распоряжение на договорных началах, не выходя за нормы квартирной платы, т.е. фактически городские власти в просьбе телефонной станции о передаче занимаемых ею зданий в ведомственную собственность отказали. И только вмешательство вышестоящих властных структур позволило решить этот сложный вопрос. 06.07.1927 г. было принято Постановление СНК РСФСР о перечислении из муниципальной собственности в «национализированные здания, целиком занятых телефонными станциями», а именно: дома № 46, бывшего купца Шилова, по ул. Свободы в г. Кургане. Телефонная станция заняла бывшую купеческую усадьбу в центре города. Помимо деревянного дома на каменном фундаменте и крытого железом, на территории усадьбы находились амбары, сараи, баня. Передача зданий, национализированных Курганской почтово-телеграфной конторой (в том числе бывшего дома Шилова), состоялась 12 сентября 1927 г.¹⁰⁷

В отчете о деятельности Адмотдела (милиции) Курганского окрисполкома за 1925 г. состояние телефонного сообщения с районами оценивалось следующим образом: связь с местами облегчается тем, что с четырьмя районами имеется телефонная связь – постоянная, с пятью районами – телефонная через телеграф и с двумя только телефонами... с теми же районами, где нет телефонов, приходится ограничиваться письменной связью и выездами начальников районов милиции в отдел по мере надобности¹⁰⁸.

В первые годы советской власти местные органы управления пред-

---

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. Р-712. Он. 1. Д. 136.

¹⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-313. Он. 1. Д. 260. Л. 21.

принимали попытки реконструкции телефонной сети. В сведениях о работе коммунальной секции Курганского горисполкома за 1924-1925 гг. приводятся следующие данные о техническом состоянии этого важного вида связи: «До мая сего (1925) года в действии находился коммутатор старого типа на сто номеров. С первого же числа мая приступлено к оборудованию станции (с местной батареи на центральную), т. е. заменен коммутатор системы «Эриксон» на два коммутатора системы «Мюльтинс», в виду чего произошло увеличение абонентов по всем разрядам на 30 %, т. е. всего на 1 октября сего года значится 160 абонентов»¹⁰⁹. Таким образом, технические достижения досоветского периода были утрачены: в 1925 г. количество пользователей телефонной сети сократилось по сравнению с 1914 г. на 92 абонента.

Проблематично дела обстояли и с развитием междугородней связи. В 1927 г. обсуждался вопрос о соединении телефонной линией Кургана, окружного центра, со Свердловском. Разумно предполагалось, что телефонное сообщение с областным центром сократит командировочные и телеграфные расходы. На строительство линии требовалось 39100 рублей. Из-за отсутствия финансов в окружном и областном бюджете этому проекту не суждено было осуществиться¹¹⁰.

---

¹⁰⁹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 8. Л. 40, 91.

¹¹⁰ Красный Курган. 1927. 23 июля.

«УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА»: НАЧАЛО АПТЕЧНОГО ДЕЛА В КУРГАНЕ

Индустрия товаров и услуг на рубеже XIX - XX веков пополнилась в уездном городе Кургане нововведением – открытием частных или, как говорили раньше, вольных аптек. Вряд ли стоит говорить о том, насколько важным для «оздоровления» курганцев оказалось развитие аптечного дела. Теперь для того, чтобы поправить свое здоровье городской обыватель, держа в руках заветный листочек рецепта, мог быть обслужен в аптеках Земьянского, Рохлина, Фрейберга.

Наряду с аптеками, для открытия которых требовалось пройти сложную процедуру во врачебном отделении Тобольского губернского правления, в городе существовали и аптекарские магазины. Для учреждения аптекарского магазина было достаточно приобрести промысловое свидетельство второго разряда, которое позволяло на общих основаниях торговать сырыми и обработанными аптекарскими товарами, а также розовой и чемеричной водами, дегтем и креолином, душистым французским мылом, одеколоном, духами, кремами и прочими парфюмерно-косметическим штучками. В 1909 г. в Кургане аптекарские магазины содержали Калликст Сигизмундович Земьянский во втором корпусе Гостиного двора, что на Троицкой площади, Гилий Вульфович Дубровин на Троицкой улице в доме Бакинова, и здесь же на этой же улице в доме Бронниковой размещался магазин Ипполита Ивановича Манушевича. Для 25-тысячного населения города более чем достаточно.

Однако население города стремительно росло и к началу 1914 г. уже составляло более 33 тысяч человек. В этой ситуации демографического бума городские власти посчитали уместным учредить собственную аптеку, преследуя при этом две очень важные цели. Во-первых, учреждаемая курганская городская аптека имела своим главным направлением «более выгодное приобретение медикаментов для нужд городских лечебных учреждений и возможно дешевый отпуск лекарств городскому населению как по рецептам врачей, так и по ручной продаже». Во-вторых, аптечное дело в начале XX столетия было доходным предприятием, поэтому у города появилась реальная возможность пополнить свой скромный бюджет. Курганской Городской думой была образована специальная «Исполнительная Городская Аптечная Комиссия» для выработки инструкции управляющему «Курганской Аптекой», а также для формирования материальной части будущей аптеки (приобретения необходимого оборудования, устройства аптечных помещений и пр.).

В эту комиссию под председательством М.Ф. Врачинского вошли глас-

ные думы Н.М. Козлов, И.Я. Андреев, Г.П. Шубский, В.М. Каргаполов. За исключением И.Я. Андреева, курганского предпринимателя и домовладельца, остальные члены аптечной комиссии имели прямое отношение к медицине и ветеринарии. Для успешного развития этого начинания были выделены значительные ассигнования. Вскоре городская аптека начала свою непосредственную деятельность.

Начало работы городской аптеки совпало с новым непростым периодом в жизни Российского государства, а значит, и курганского общества – с началом Первой мировой войны. Условия военного времени требовали ужесточения общественных порядков: вскоре последовало введение «сухого закона». Казалась бы, торговля винно-водочной продукцией не имела прямого отношения к деятельности аптеки. Однако в условиях всеобщего запрета на торговлю «горячительными» напитками (исключение не делалось даже для пива и русских виноградных вин), спиртосодержащие аптечные товары становились предметом вождения многих горожан. Городская дума не замедлила исправить это несоответствие, и вскоре последовало ее постановление о воспрещении на все время войны продажи из аптек и торговых заведений медицинских препаратов, содержащих спирт, без рецептов врачей.

По поводу доходов городской аптеки в Кургане ходили нехорошие слухи, выразителем которых явился гласный городской думы П.П. Успенский, имевший прямой и независимый характер. 5 февраля 1916 г. на заседании думы врач Успенский заявил: «Если городская аптека как предприятие и дает доход, то этот доход получается только от продажи спирта, которым аптека торгует, как кабачок». Это обвинение в адрес городской аптеки и ее заведующего Б.В. Елькина в стенах городского самоуправления вызвало скандал. Мнения гласных Городской думы разделились. Одна часть городских депутатов была склонна разделить позицию исполнительной аптечной комиссии и признать высказывание П.П. Успенского «весьма некорректным, а по существу своему – идущим в разрез интересам города и его обывателей, - так как ни на чем не основанное голосовое обвинение, брошенное с кафедры городской думы гласным - врачом, подрывает доверие к аптеке, призванной служить интересам населения». Другая – меньшая часть Городской думы – была склонна считать поведение П.П. Успенского нормальной практикой в работе городского самоуправления. Путем закрытой баллотировки выяснили, что 14 голосов высказались за согласие с изложенным мнением Исполнительной аптечной комиссии и 9 голосов – против. После проведения баллотировки гласный П.П. Успенский заявил собранию, что «после создавшегося положения он далее принимать участие в городской общественной работе считает

для себя невозможным и из состава гласных Городской думы выходит».

Врач Петр Павлович Успенский достаточно долго занимался проблемами здравоохранения в Курганском уезде, в том числе, не понаслышке знал о существующих недостатках в отпуске лекарственных средств для населения города и уезда. Так, на Первом губернском съезде сельских врачей Тобольской губернии, состоявшемся зимой 1911 г., он отмечал, что имеют место факты незаконной продажи сильнодействующих лекарств в москательных лавках, носящих громкое название «аптекарских магазинов». П.П. Успенский как выразитель мнения врачей Курганского уезда указывал, что торгуют такие «аптекарские магазины» широко и берут со своих клиентов бешеные деньги. «Известно, например, что за 200,0 микстуры Лашкевича взимается 2 рубля, а за 10,0 цинковых капель - 1 рубль. Вред этой бесконтрольной торговли невежественными ротными фельдшерами сильнодействующими медикаментами понятен сам собой. К сожалению, на съезде выяснилось, что борьба с этим злом может вестись только полицейскими мерами. Получается любопытная картина, - отмечал в своем выступлении на съезде П.П. Успенский, - аптеки за малейшее нарушение правил торговли аптекарскими товарами подвергаются суровой каре, а хищническая торговля ничем не предусмотрена».

Однако справедливости ради отметим, что злоупотреблений в торговле аптекарскими товарами в городах было значительно меньше, чем в сельской местности. И, пожалуй, «аптечные страсти» зимой 1916 г. в Курганской думе являются неординарным случаем. Аптечное направление деятельности органов курганского городского самоуправления наряду с ремонтом улиц и их освещением свидетельствовало об общем росте благосостояния города и горожан. И порой повестка дня Курганской городской думы заключалась в обсуждении трех насущных проблем - «улица, фонарь, аптека». Что касается городской аптеки, то она переживала революции 1917 г. и функционировала вплоть до августа 1919 г. Ее неизменным провизором оставался Борис Васильевич Елькин¹¹¹.

---

¹¹¹ Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда. Курган, 1909. С.95; Труды Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии 20 января - 4 февраля 1911 года: Издание Тобольского Врачебного Отделения. Тобольск: Губернская Типография, 1913. С. 33-34; Известия Курганского Городского Общественного Управления. 20 февраля 1914 г. Вып. 1. Курган: Типография Народной Газеты, 1914; Известия Курганского Городского Общественного Управления. 20 сентября 1914 г. Вып. 13. Курган: Типография Народной Газеты, 1914; Известия Курганского Городского Общественного Управления. 25 октября 1914 г. Вып. 15-16. Курган: Типография Народной Газеты, 1914.

КИНОТЕАТР «ПРОГРЕСС» В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В истории городской застройки Кургана есть знаковые здания, которые в силу своего почтенного возраста соединяют разные времена и эпохи. Благодаря им городское пространство приобретает неповторимый облик и очаровывает стариной. Одним из них по праву можно считать здание кинотеатра «Прогресс».

В 1860-е гг. усадебное место, на котором расположено здание по ул. Советская, 94, принадлежало городскому обществу. Здесь был устроен общественный дом купцов и мещан. В 1870-е гг. усадьба перешла во владение Малышева Ивана Михайловича. В «Адрес-календаре и справочной книге торгово-промышленных фирм Курганского уезда Тобольской губернии» за 1909 г. владельцем этой усадьбы значится курганский купец Головизнин Михаил Александрович¹¹².

В начале XX века (не позднее 1911 г.) на территории усадьбы было выстроено каменное здание со зрительным залом, фойе и другими служебными помещениями, предназначенное для кинематографа. В 1911 г. М.А. Головизнин обратился в Курганскую городскую думу за разрешением на установку в каменном помещении на своей усадьбе динамо-машины для кинематографа. В августе этого же года здесь начал действовать кинотеатр «Прогресс»¹¹³. С этого времени он стал неотъемлемой частью городской повседневности. Динамо-машина использовалась М.А. Головизниным не только в культурно-просветительских целях. Для получения дохода он устроил на территории усадьбы раструстную мельницу, о чем было получено соответствующее разрешение Курганской городской управы¹¹⁴.

В конкурентной борьбе за зрителя М.А. Головизнину приходилось постоянно обновлять репертуар фильмов и широко их рекламировать в местной прессе. Так, в 1914 г. в кинотеатре «Прогресс» показывали мелодрамы: «Пляски любви, пляска смерти» с участием Лиды Корелли, «Жизнь – обман, любовь – мгновенье», «О жизни покончен вопрос» и т.п.¹¹⁵ Для привлечения зрителей помимо показа фильмов в кинотеатре устраивались лекции, собрания, гастроли артистов. В 1914 г. при кинотеат-

---

¹¹² *Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм Курганского уезда Тобольской губернии. 1909 год. - Курган: Изд. Типографии А.И. Кочешева, 1909. С. 69.*

¹¹³ *Курганский вестник. 1911. 28 августа.*

¹¹⁴ *Известия Курганского Городского Общественного Управления. 1916. 25 июня.*

¹¹⁵ *Васильева А.М. Забытый Курган. Курган, 1997. С. 343.*

ре была открыта электрофотография для моментальных снимков В.А. Каргашева.

Предположительно, в 1918 г. кинотеатр сменил владельца, им стал Гетлихерман Давид Израилевич. Новый хозяин кинотеатра и прилегающей к нему усадьбы явился активным сторонником власти белочехов в Кургане. 4 июня 1918 г. весь дневной сбор кинотеатра в размере 500 рублей поступил на усиление средств Добровольческого отряда Временного Сибирского правительства¹¹⁶. За это Д.И. Гетлихерману была объявлена благодарность начальника Добровольческого отряда поручика Грабчика¹¹⁷.

В декабре 1918 г. здание кинотеатра было реквизировано и отдано для размещения класса мотористов военно-авиационной школы. В январе 1919 г. кинотеатр «Прогресс» был занят 1-м Волжским корпусом генерала Капеля¹¹⁸.

В мае 1919 г. Д.И. Гетлихерман выставил на продажу принадлежащий ему кинотеатр «со всеми машинными отделениями, собственной электростанцией при двух двигателях и двух динамо-машинах»¹¹⁹. В июне этого же года он, понимая безнадежность продажи своего имущества, предложил городской управе принять «совместное с ним участие в эксплуатации кинематографа»¹²⁰. Однако Д.И. Гетлихерману пришлось покинуть Курган, так и не продав усадьбу. В конце 1919 г. его недвижимое имущество было национализировано советской властью.

В 1923 г. Курганским горкомхозом был составлен план здания, который позволяет установить первоначальную планировку помещений кинотеатра. Общая площадь здания составляла 496,08 кв. м. Самым большим помещением являлся зрительный зал. К нему примыкало большое фойе. Со стороны улицы Дворянской (Советской) располагались прихожая с кассой и две уборные для артистов. Первоначально в здании было устроено два парадных входа (сейчас на их месте находятся окна – второе и четвертое по главному фасаду). В советское время с западной стороны было пристроено дополнительное помещение, появились пилястры.

В начале 1920-х гг. работа «Прогресса» была восстановлена. 19 апреля 1924 г. жители Кургана впервые увидели здесь картину советского производства «Комбриг Иванов»¹²¹. В советское время кинотеатр «Прогресс» не сменил своего названия. Он стал одним из культурно-просветительс-

---

¹¹⁶ *Курганская свободная мысль. 1918. 15 июня.*

¹¹⁷ *Там же. 21 июня.*

¹¹⁸ ГАКО. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 71А. Л. 46, 98.

¹¹⁹ *Курганская свободная мысль. 1919. № 107.*

¹²⁰ *Земля и труд. 1919. 27 июня.*

¹²¹ *Красный Курган. 1924. 24 апреля.*

ких мест, пропагандировавших советский образ жизни. В 1928 г. в Кургане наряду с ним действовали кинотеатры «Рабочий», в 1932 г. – «Факел» и «Учебное кино»¹²². В истории Кургана «Прогресс» - единственный городской кинотеатр, которому удалось успешно работать в царское, советское и постсоветское время. Он прекратил деятельность в 2001 г.

---

¹²² *Красный Курган. 1932. 29 января.*

«ВЫЗЫВАЮТ В ОБЩЕСТВЕ ЖИВЕЙШИЙ ИНТЕРЕС»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В России сберегательное дело берет свое начало с 1841 г., когда по Указу императора Николая I были учреждены правительственные сберегательные кассы. Новый вид финансовых учреждений задумывался с целью «дать небогатым людям возможность составить небольшой капитал посредством сбережений маленьких сумм от обычных расходов»¹²³.

В Южном Зауралье сберегательное дело начало активно развиваться в последней четверти XIX в. В 1884 г. было разрешено учреждать кассы при всех губернских и уездных казначействах. В этом году при Курганском уездном казначействе начала действовать сберегательная касса № 540¹²⁴. С целью приближения сберкасс к широким слоям населения с 1889 г. было разрешено открывать кассы во всех филиалах почтово-телеграфного ведомства, а вскоре – и при волостных правлениях.

В 1895 г. с принятием нового Устава сберегательных касс¹²⁵ в Южном Зауралье начинается настоящий сберегательный бум. Это было связано с общим социально-экономическим подъемом нашего края: строительством железной дороги, расширением торговых связей, развитием маслodelьной кооперации, ростом городского и сельского населения, наконец, повышением уровня благосостояния населения.

В документах Государственного архива Курганской области первое упоминание о деятельности сберегательной кассы относится к 1896 г. Это – отношения волостных правлений и разных учреждений в Курганскую сберкассy на выдачу денег.

К началу XX в. сложилась следующая структура управления сберегательным делом:

Министерство финансов России

Государственный банк

Управление государственными сберегательными кассами

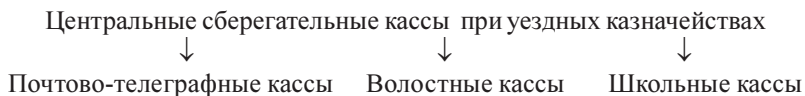

---

¹²³ *Энциклопедический словарь /Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1900. Т. XXIX. С. 39.*

¹²⁴ *Вычужжанин А.Л., Отрадных О.А. История банковского дела Тюменской области. Тюмень: Издательский дом «Слово», 2004. С. 217.*

¹²⁵ *Тобольские губернские ведомости. 1895. 13 июля.*

Уездные казначейства стали важным звеном в структуре сберегательного дела досоветской России, а служащие этого учреждения – в то время чиновники – первыми специалистами в области охраны и приумножений сбережений населения. Сберегательные кассы явились также родоначальниками государственного страхования в уральских и сибирских губерниях.

Управление сберегательной кассой было возложено на уездного казначея. В Кургане казначей непосредственно занимался приемом и выдачей вкладов. Контролером состоял старший бухгалтер, счетоводство и делопроизводство вел бухгалтер II разряда при помощи двух писцов. За исполнение «чинами казначейства обязанностей по государственной сберкассе» им полагалось дополнительное вознаграждение. В 1914 г. по приказу Управления государственными сберкассами Курганскому казначейству было выделено на вознаграждение служащих 1704 рубля 33 копейки. В следующем 1915 г. за выполнение сберегательных операций кассир II разряда И.С. Карпинский получил 9 рублей 46 копеек, счетные чиновники П.М. Урбанович и И.А. Мальков получили соответственно 34 рубля 9 копеек и 19 рублей 90 копеек¹²⁶. При этом оклад казначея на рубеже XIX – XX вв. составлял 1200 руб. серебром, бухгалтера I разряда – 1000 руб., канцелярист казначейства получал «по трудам и заслугам». Оценить величину жалованья чиновников помогут рыночные цены на предметы первой необходимости, существовавшие в Тобольской губернии на 1 января 1911 г. Так, 1 фунт мяса первого сорта стоил 15 копеек, 1 пуд пшеничной муки – 1 рубль 10 копеек, 10 штук яиц – 23 копейки, 1 пуд картофеля – 20 копеек¹²⁷.

Появление новых функций у казначейства обострило кадровую проблему. Курганский казначей статский советник Георгий Васильевич Россомахин, прослуживший в Кургане почти 20 лет (с 1897 по 1916 гг.), неоднократно докладывал в Тобольск, что «при таком ограниченном круге лиц операции и счетоводство приходится вести при очень напряженном труде», а привлекать других чинов казначейства «к занятиям по сберегательной кассе ... без ущерба для собственно казначейского дела представляется невозможным». Поэтому, а также ввиду «наблюдаемого ныне оби-

¹²⁶ ГАКО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 4. Л. 30; Ф. 175. Оп. 2. Д. 1022. Л. 30.

¹²⁷ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1409. Оп.6. Д. 1522. Л. 70.

лия вкладчиков и испытываемых ими неудобств в пользовании сберегательными кассами», Россомахин ходатайствовал перед управляющим Тобольской казенной палатой об увеличении штата вверенного ему учреждения.¹²⁸ В итоге, в первые годы XX столетия количество служащих казначейства, благодаря учреждению сберкасс, по сравнению с серединой XIX века (4 должности) увеличилось в шесть раз. Но и этого было мало, вследствие чего для облегчения исполнения сберегательных операций стали приниматься вольнонаемные, то есть не состоящие на государственной службе лица. В 1914 г. в операциях по сберегательному делу участвовали уже 28 служащих казначейства, 9 из них – присяжные счетчики - исполняли роль рассыльных¹²⁹.

Нередко кадровые вопросы усложнялись из-за случаев растрат некоторыми недобросовестными служащими денег вкладчиков. Например, осенью 1914 г. целых 45 рублей из Митинской волостной сберкассы похитил ее заведующий некто Зийле. Сумму убытка Управление государственными сберегательными кассами предписало «принять на счет сберегательных касс..., а в случае обнаружения местожительства Зийле» Курганская сберкасса должна была «принять меры к выяснению его материального положения и при благоприятных условиях, предъявить к нему гражданский иск, уполномочив ... кого-либо из должностных лиц»¹³⁰.

Документальных свидетельств относительно подобных инцидентов в стенах Курганского казначейства нет. Личный состав этого учреждения отличался постоянством и высокой квалификацией. Навыки в сберегательной отрасли чиновники приобретали опытным путем, за счет многолетней службы, а не за счет специального образования - таковое в это время еще отсутствовало¹³¹.

Среди вкладчиков сберегательных касс были люди самых разных слоев населения. Например, по отчету Курганской центральной сберегательной кассы № 540 за январь 1916 г. первое место по количеству занимали «земледельцы и занимающиеся сельскими промыслами» (110 вкладчиков), на втором месте – представители торгового сословия (90 вкладчиков). В числе индивидуальных клиентов сберкассы значились «1 землевладелец, 3 нижних военных чина, 26 гражданских чинов, 5 офицеров, 4 находящихся в услужении, 22 из духовенства». Всего на этот момент Кур-

---

¹²⁸ ГАКО. Ф. 269. Оп.1. Д. 2. Л. 157 – 159 об.

¹²⁹ Там же. Л. 49 - 49 об.

¹³⁰ ГАКО. Л. 7 - 7 об.

¹³¹ Подробнее о Курганском казначействе и его служащих см. в статье Т.В. Козельчук «Хранители казны государевой». Курган и курганцы. 2003. 28 января. С. 4.

ганская сберкасса насчитывала 400 вкладчиков, из которых 10 являлись юридическими лицами. Общая сумма вкладов составляла 622.042 рубля¹³². Коллективными клиентами Курганской сберкассы были Курганский сиротский суд, Курганское уездное полицейское управление, причты городских и сельских церквей¹³³.

Все значительные учреждения города располагались на центральной площади. Еще в конце XVIII в. по специальному проекту было выстроено здание казначейства на Троицкой площади г. Кургана. К началу XX столетия оно обветшало, поэтому в 1901 г. Курганское казначейство приобрело купеческую усадьбу С.И. Березина на Троицкой улице.

С учреждением Курганского отделения Государственного банка сберегательная касса переехала в другой купеческий особняк на этой же улице. Курганский купец А.Д. Смолин, сдавая свой дом в аренду, переоборудовал его в соответствии с пожеланиями банковских служащих. А именно, были организованы устройство кирпичного потолка на цементном растворе вместо деревянного, замена деревянных стен кирпичными, оборудование клозетов с двумя отделениями и писсуарами вместо ванной, приспособление помещений для электрической станции. Для своего времени здание Курганского отделения Госбанка было одним из самых современных и технически оснащенных¹³⁴.

Новый виток в развитии сберегательного дела Южного Зауралья связан с открытием Курганского отделения Государственного банка 7 декабря 1916 г. Сберегательная касса № 540 при Курганском казначействе была реорганизована в сберегательную кассу № 1126 при Курганском отделении Госбанка.

Учреждение нового финансового органа требовало значительных материальных вложений, а также привлечения дополнительного штата квалифицированных чиновников, в том числе знакомых со спецификой сберегательного дела. Как свидетельствуют документы, для открытия Курганского отделения Государственного банка были необходимы вывеска, полдюжины стульев, один шкаф, две деревянные скамейки для публики и часы¹³⁵. Казалось бы, самые простые вещи, однако в уездном городе многое оказалось проблемой. Прежде всего, нужно было решить вопрос с железным шкафом (слово «сейф» курганским финансистам того времени было незнакомо). Подходящий «железный шкаф» был в казначействе. Назначенный управляющим Курганского отделения Государственного

¹³² ГАКО. Ф. 269. Он. 1. Д. 4. Л. 1.

¹³³ ГАКО. Ф. 175. Он. 2. Д. 244. Л. 12; Ф. 269. Он. 1. Д. 3. Л. 148.

¹³⁴ ГАКО. Ф. Р-319. Он. 2. Д. 38. Л. 43-44.

¹³⁵ Там же. Д. 21. Л. 2.

банка Филиппов в августе 1916 г. написал ходатайство в Тобольскую казенную палату о передаче этого шкафа из казначейства. Последовал уклончивый ответ о невозможности сего мероприятия. Изготовить же неотъемлемый атрибут любой финансовой организации в самом Кургане было невозможно «за неимением железа».

Имущество для Курганского отделения Госбанка собирали со всей России: из Ломжинского отделения Госбанка по железной дороге прибыл необходимый железный шкаф, из Винницы – перфоратор Муса, из Петроградской конторы Госбанка – машинка «Ундервуд». В июне 1917 г. в Курганском отделении появились часы системы «Бюрь», доставленные из Петрограда. В июле 1917 г. из Уфимского отделения Госбанка был направлен еще один железный шкаф, который с большим нетерпением ждали курганские финансисты, но, как оказалось, совершенно напрасно. Двухстворчатый железный шкаф оказался не исправен.

Другой насущной проблемой, которую необходимо было решить перед открытием отделения Госбанка со сберегательной кассой, была охрана. Обеспокоенной вопросом безопасности управляющий Филиппов, соблюдая режим секретности, обратился к Курганскому уездному исправнику с просьбой об организации полицейского поста у здания Госбанка. В соответствии с новинками того времени была устроена сигнализация. Для охраны в штат отделения Госбанка были включены две должности сторожа. Со своей стороны Петроградская контора Госбанка считала необходимым материально оснащать подведомственные учреждения. Так, в октябре 1917 г. из Петроградской конторы для вооружения служащих Госбанка в Курган было выслано десять кинжалов...¹³⁶

На момент открытия штат Курганского отделения Госбанка состоял из управляющего, контролера, кассира, бухгалтера, помощника кассира, помощника контролера, счетного чиновника 1-го разряда, счетного чиновника 2-го разряда; по сберегательной кассе: из помощника кассира 2-го разряда, счетного чиновника 2-го разряда. Нижние чины составляли два счетчика и два сторожа¹³⁷.

В 1919 г. штат сберегательной кассы незначительно увеличился. Исполняющим обязанности директора сберегательной кассы был Сергей Иванович Якубов (одновременно управляющий Курганским отделением Госбанка). Его месячное вознаграждение за работу по сберкассе составляло около 600 рублей. Основная работа по сберегательной кассе была возложена на помощника бухгалтера 1-го разряда Ивана Анисимовича

---

¹³⁶ ГАКО. Ф. Р-319. Он. 2. Д. 21. Л. 2.

¹³⁷ ГАКО. Ф. Р-319. Он. 2. Д. 38. Л. 1-1об.

Ширяева, который в месяц получал 1125 рублей. Помощник бухгалтера 2-го разряда Михаил Ефимович Пономарев и помощник кассира 2-го разряда Аркадий Сергеевич Брут имели месячное вознаграждение в размере 940 рублей¹³⁸.

В конце 1916 – 1917 гг. деятельность сберегательных касс, пожалуй, впервые так особо занимает внимание общественности. Это подтверждают многочисленные циркуляры Управления государственными сберкассами, приходившие в Курганское казначейство в это время. «Обращая внимание, что за время войны государственные сберкассы заняли выдающееся положение среди других правительственных кредитных установлений, и что сведения о деятельности сих касс вызывают в обществе живейший интерес», управляющий сберегательным делом в России Д. Куриленко просил «курганскую кассу облегчить Управлению опубликование годового отчета»¹³⁹. Финансовая сторона деятельности сберкасс, таким образом, в «обстоятельствах переживаемого времени» приобрела прозрачность для общественности.

В этот период выросло количество частных вкладчиков: на 1917 г. таких было 683, а общая сумма вкладов Курганской сберкассы составила чуть больше полутора миллионов рублей¹⁴⁰.

Отлаженный механизм сберегательного дела Южного Зауралья в 1918 – 1919 гг. переходил буквально из рук в руки: от Советской власти к Временному Сибирскому правительству, а затем снова к Советской власти. В августе 1919 г. Курганское отделение Госбанка со сберегательной кассой № 1126 были эвакуированы из города. Для охраны ценностей Госбанка был создан караул, который состоял из двух счетчиков и двух сторожей отделения банка. Они были вооружены казенными револьверами системы «Наган» и тесаками¹⁴¹. Ценности (кредитные билеты, оплаченные купоны, монеты и др.) были описаны и погружены в ящики. По железной дороге имущество Курганского отделения Госбанка было доставлено в г. Нижнеудинск, где Советская власть еще не установилась.

В августе 1919 г. на территории Южного Зауралья окончательно утвердилась Советская власть. Наследуя опыт царской России, Советы расширили назначение сберегательного дела, отдавая им основную роль в области государственного кредитования. С этого момента началась перестройка финансово-кредитной системы: к местным отделениям Народного бан-

---

¹³⁸ ГАКО. Ф. 175. Он. 2. Д. 1326. Л. 46 об.

¹³⁹ ГАКО. Ф. 269. Он. 1. Д. 11. Л. 100, 101.

¹⁴⁰ Там же. Л. 134.

¹⁴¹ ГАКО. Ф. Р-319. Он. 1. Д. 57. Л. 71.

ка переходило «заведывание банковскими операциями казначейств» и Госбанка. Теперь хранением вкладов населения занимались сберегательные кассы при Народном банке¹⁴². С учреждением в 1920 г. финансовых отделов при Курганском уездном исполкоме сберегательное дело перешло в их ведение. Для скорейшего восстановления операций в кредитных учреждениях и сберкассах в г. Челябинске в 1920 г. был проведен съезд представителей уфинотделов по вопросу реорганизации финансовых органов на местах. В частности, было отмечено, что из всех кредитных учреждений, сберегательных касс, функционировавших в Челябинской губернии, возвратились к работе только служащие банков в Челябинске и Куртамыше. Сложнее всего ситуация была в Кургане, поскольку старое отделение Госбанка эвакуировало с собой все ценности и документы¹⁴³.

Наиболее острой проблемой того периода был кадровый вопрос: опытные чиновники царской России были дисквалифицированы как классовые враги, а собственных специалистов сберегательного дела новая власть еще не воспитала. Поэтому местное руководство неоднократно настаивало «укомплектовать сберкассy лучшими силами, обеспечив им соответствующие условия для работы и установить регулярное живое инструктирование»¹⁴⁴.

Новая экономическая политика потребовала новой постановки сберегательного дела. 26 декабря 1922 г. в Советской России были организованы Государственные сберегательные кассы. В следующем году реформированные сберегательные кассы вновь появляются на территории Южного Зауралья. В Кургане первая сберкасса советского образца за № 201 начала работу в доме № 88 по ул. Советская в октябре 1923 г.¹⁴⁵ С 1926 г. появляются новые типы касс – при учреждениях и предприятиях.

Становление сберегательного дела в г. Кургане связаны с именем Чердынцева. Кроме ответственного поста заведующего Курганской центральной сберегательной кассой, он длительное время возглавлял окружную комиссию по содействию сберкассам. Последняя была создана решением Курганского окрисполкома 18 января 1928 г., как подчеркивалось в документе, вследствие «огромного значения сберегательного дела» для развития страны¹⁴⁶.

Выступая на окружном совещании работников сберкасс Курганского округа 12 октября 1928 г., Чердынцев говорил не только о социально-эконо-

---

¹⁴² ГАКО. Ф. Р-467. Он.1. Д. 1. Л. 5 об.

¹⁴³ ГАКО. Ф. Р-467. Он. 1. Д. 11. Л. 17-17 об.

¹⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-315. Он.1. Д. 389. Л. 12 – 12 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-638. Он.1. Д. 668. Л. 9 – 9 об.

мическом, но и о большом культурном значении советских сберкасс. По его мнению, современные сберкассы не имели ничего общего с царскими, поскольку последние «служили интересам капиталистов, а советские всецело служат интересам трудящихся». Вместе с тем Чердынцев отмечал и недостатки в работе своего ведомства, ссылаясь на «стихийность» становления сети сберкасс на территории Южного Зауралья¹⁴⁷.

Выступая на окружном совещании работников сберкасс Курганского округа 12 октября 1928 г., Чердынцев говорил не только о социально-экономическом, но и о большом культурном значении советских сберкасс. По его мнению, современные сберкассы не имели ничего общего с царскими, поскольку последние «служили интересам капиталистов, а советские всецело служат интересам трудящихся». Вместе с тем Чердынцев отмечал и недостатки в работе своего ведомства, ссылаясь на «стихийность» становления сети сберкасс на территории Южного Зауралья¹⁴⁸.

Начиная с двадцатых годов XX века, главным стимулом развития сберегательного дела в стране государство считало разъяснительно-массовую работу среди населения или, проще говоря, рекламу. Местные средства массовой информации, культурные учреждения, общественные силы разными способами настойчиво призывали население нести свои скромные сбережения в сберегательные кассы. Особое внимание в этой пропаганде уделялось крестьянству¹⁴⁹. Местная газета «Красный Курган» нередко оживляла свои страницы рисунками, карикатурами, шуточными стихами на тему «Сберегательная касса - верный кошелек крестьянина»:

За червонцы Пров боится. Вор, пожар ему все снится.

Не житье ему, а мука! Отчего такая штука?

Вот Нефед спокойно спит – деньги в кассе он хранит.

*И спокойно, и доход – это каждый пусть поймет!*¹⁵⁰

Проблемные статьи по привлечению вкладов населения, особенно крестьянства, в «Красном Кургане» публиковал Чердынцев и другие ответственные за развитие системы сберкасс в Южном Зауралье лица. В одной из подобных статей с говорящим названием «Сберегательная книжка должна быть у каждого трудящегося» читаем: «Крестьяне тра-

---

¹⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-315. Оп.1. Д. 389. Л. 1, 1 об.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. Л. 28; Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 668. Л.1, 7.

¹⁵⁰ Красный Курган. 1929. 12 февраля. С.3.

тят свободные средства совсем на непроизводительные цели. ... Крестьяне не сдают и десятой доли того, что отнимают у них хотя бы одни только праздничные расходы. Сберкасса - друг и помощник трудящихся»¹⁵¹. В этот период сберегательные кассы действительно играли воспитательную роль, представляя альтернативу таким человеческим порокам старого режима, как пьянство, ростовщичество и пр.

---

¹⁵¹ *Красный Курган. 1929. 14 февраля. С. 4*

НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ ГОРОЖАН: КУРГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ (1917 – 1919 ГГ.)

История страхового дела России берет свое начало в конце XVIII столетия, когда был опубликован манифест Екатерины II «Об учреждении государственного заемного банка». Новому банку разрешались операции лишь с теми домами, «которые на страх в сей же банк будут отданы». 26 декабря 1786 года для осуществления этой цели была учреждена особая страховая экспедиция, принимавшая на страх в обеих столицах и во всех городах строения, но «только каменные, крытые железом». Потребность населения в компенсации убытков от пожаров вызвало появление Первого Российского страхового от огня общества, учрежденного в 1827 году, а затем и Второго страхового от огня общества, основанного в 1835 году.

В сибирском городе Кургане страхование от огня недвижимого имущества получило повсеместное распространение во второй половине XIX века. К началу XX столетия в г. Кургане действовало около десятка страховых акционерных компаний. Их названия для неискушенных курганских обывателей звучали патриотично и доверительно: «1-ое Российское от огня имуществ общество», «Россия», «Русское», «Российское», «Северное», «Волга», «Якорь», Надежда», «Саламандра» и т.п. Среди агентов страховых кампаний были видные местные предприниматели и общественные деятели, такие как А.И. Кочешев и Г.М. Мягких. Жители Кургана страховали свое движимое и недвижимое имущество от огня, наводнений, краж, реже собственную жизнь. Приметой начала XX столетия стали жестяные таблички на домах горожан, которые фиксировали факт страховой сделки. Летом 1917 года в Кургане появилась еще одна разновидность таких вывесок: в центре две руки, зафиксированные в жесте доверия – рукопожатии и надпись полукругом «Курганское общество взаимного от огня страхования».

В истории страхового дела нашего края Курганское общество взаимного страхования занимает отдельную страницу. Свою деятельность оно начало в сложное революционное время. 12 июля 1917 года члены Курганской городской думы под председательством городского головы М.К. Сажина положили начало новой городской организации – «Обществу взаимного от огня страхования». Общество создавалось под эгидой Курганской городской думы, поэтому вопросы с помещением и кадрами решались очень просто. Председателем правления был избран М.К. Сажин, который предложил расположить контору общества в здании город-

ской управы на Береговой улице. Ценным работником оказался гласный Г.М. Легких, имеющий опыт страхового агента.

Основная деятельность Курганского общества взаимного страхования заключалась в страховании движимого и недвижимого имущества курганцев от огня. Авторитет «отцов города» располагал курганских обывателей именно к этой страховой организации. Поэтому в течение года с момента основания Курганского общества взаимного страхования набрало значительные обороты и стало приносить доход в городскую казну. Свои преимущества актив Курганского общества взаимного страхования обнародовал в газете «Курганская свободная мысль», в частности, приводя следующие аргументы: «Скажет ли кто-нибудь, что сделали в интересах граждан-страхователей акционерные страховые общества... Кажется ничего ровно... Отсюда два вывода: 1) Акционерные общества способствуют отливу капиталов на иностранный рынок, взаимные – наоборот, все средства держат дома – в России. 2) Капиталы акционерных страховых обществ обращаются со спекулятивной целью и вся прибыль поступает на обогащение предпринимателей-страховщиков, взаимные же общества значительную часть прибылей расходуют на нужды всего населения и в интересах самих страхователей, прежде всего». И действительно, городские гласные, они же члены правления Курганского общества взаимного страхования, одним из приоритетных направлений своей общественной работы считали безопасность города – безопасность от огня, наводнений, эпидемий. Первым шагом в этом деле явилось в 1918 году приобретение для города на средства общества паровой пожарной машины стоимостью 500 рублей. В следующем 1919 году Вольно-Пожарному обществу был выделен кредит на ремонт пожарного депо и каланчи в размере 2000 рублей.

На протяжении всего периода деятельности Курганское общество взаимного страхования предпринимало попытки интеграции с сибирскими обществами взаимного страхования. Целесообразность нового сообщества была обусловлена нестабильностью сообщения с центральной Россией в условиях начавшейся Гражданской войны.

После 2 июня 1918 года, когда в Кургане к власти пришли белочехи и была восстановлена деятельность городской думы, Курганское общество взаимного страхования расширило территорию страховых сделок, включив помимо самого города и его пригороды, и даже планировалось в курс операций общества включить страхование жизни.

Несмотря на нестабильное военное время, правление общества брало на себя ответственность за рискованные сделки. Так, в мае 1918 года на риск общества было принято имущество завода С.А. Балакшина без со-

гласия Союзного правления, правда, на сумму не выше 200 тысяч рублей. В декабре этого же года на крупную сумму было застраховано имущество (строения кожевенного завода, товары) торгового дома «Гольдстон и Ревзон». Гражданская ответственность членов Курганского общества взаимного страхования проявилась в случае с Никольско-Уссурийским страховым обществом, когда для ликвидации чрезвычайного пожарного убытка на Дальнем Востоке курганские коллеги перевели 700 рублей.

Осознавая важность страхового дела для города, городской голова М.К. Сажин исполнял обязанности председателя общества за скромное вознаграждение. Более того, для того чтобы сохранить при обществе практика страхового дела Г.М. Легких, М.К. Сажин отказался от 200 рублей ежемесячного вознаграждения в пользу последнего, оставив себе 100 рублей. Заметим, что курганским страховщикам везло: первый страховой случай произошел лишь в марте 1918 года. В здании мастерской ремесленной школы произошел пожар. Общество «понесло убытку» около 2,5 тысяч рублей.

Ни смена властей, ни природные катаклизмы, ни инфляция не влияли на стабильное функционирование Курганского общества взаимного страхования. Однако окончательное установление Советской власти в г. Кургане в августе 1919 года вынудило одиозных (с точки зрения новой администрации) деятелей взаимного страхования прекратить свою работу. 31 июля 1919 года состоялось последнее заседание Курганского общества взаимного страхования в родном городе. Все ценности общества были эвакуированы на Дальний Восток.

В течение последующих двух лет курганцы, утомленные голодом, квартирным вопросом, да и просто нищетой, были лишены возможности страховать остатки своего движимого и недвижимого имущества. Однако до конца XX века на воротах и домах обветшалых курганских усадеб можно было лицезреть «заржавленные документы», давным-давно утратившие свои полномочия: «Первое Российское Страховое общество. 1827 г.», «Курганское общество взаимного от огня страхования»¹⁵².

---

¹⁵² ГАКО. Ф. Р-423. Он. 1. ДД. 1-12.

К ИСТОРИИ КЛАДБИЩ КУРГАНА

В настоящее время места захоронения первых жителей Царекурганской слободы XVII – XVIII вв. точно не установлены. О самых ранних кладбищах жители нашего города не помнили уже в XIX в. Так, в 1895 г. велико было удивление городских обывателей, когда во время строительных работ по переносу главного павильона губернской сельскохозяйственной выставки рабочие при копании ям натолкнулись «на массу человеческих костей». Заметим, что этот павильон располагался в Бакиновском переулке между улицами Дворянской и Солдатской (сейчас это район сквера у школы искусств № 1 и столовой КГУ по улице Володарского). Это происшествие было настолько неординарным, что заметка о нем тут же последовала в «Тобольских губернских ведомостях». Спустя сто лет (в начале XXI в.) при очередных строительных работах было обнаружено захоронение в квартале между улицами Куйбышева, Советская, Ленина, Комсомольская. На сегодняшний день вопрос о первом слободском кладбище остается открытым.

В 1786 г. у г. Кургана появился первый план регулярной застройки, который предусматривал специально огороженное место для захоронения усопших, отстоящее на изрядное расстояние от городских кварталов. Первое «градское» кладбище занимало часть нынешнего городского сада, и находилось к востоку от Александро-Невского храма.

По существующим санитарным нормам и традициям XIX в., которые, кстати, мало изменились, кладбище должно было значительно отстоять от жилых кварталов (не менее чем на 100 саженей); должно было быть обнесено оградой, не препятствующей проветриванию кладбища. На кладбище, по желанию, одиночное или семейное захоронение могло быть обнесено отдельной неглухой оградой не выше двух аршин с цоколем, а также мог быть поставлен надгробный памятник. Предполагалось устройство бесплатных могил, которые кладбищенские служители должны были засеивать травой. Как правило, в городах Тобольской губернии, в том числе и Кургане, плата за место захоронения не взималась. Кладбища находились в ведении духовенства, так как погребение было тесно связано с религиозным культом (т. е. каждое кладбище принадлежало определенной конфессии). По российскому законодательству опустевшие кладбища не могли быть обращаемы под пашню, никакие строения на них возводить не позволялось.

Территория города расширялась, население медленно, но верно прибавлялось, и к середине XIX в. усадьбы вплотную приблизились к «градскому» кладбищу. В 1860 г. оно оказалось среди плотно застроенных квар-

талов, поэтому городские власти приняли решение о закрытии и устройстве на его месте сада и церкви. Как сообщала газета «Тобольские губернские ведомости», Курганская городская дума 28 сентября 1881 г. разрешила открытие нового православного кладбища на 8 кварталов. Однако городские обыватели и церковные причты не торопились осваивать новые места для захоронений. Архивные источники свидетельствуют о том, что в Кургане продолжали хоронить на «общем градском» кладбище, официально уже закрытом. И только с 1883 г. в метрических книгах Троицкой церкви и Богородице-Рождественского собора указывается, что захоронения горожан стали происходить на приходских кладбищах – соответственно Троицком и Соборном.

По сведениям 1903 г. Троицкое приходское кладбище от жилых строений находилось на расстоянии 250 саженей, было прочно огорожено заплатами из плах. Первоначально его площадь составляла 60х40 саженей. На кладбище было несколько ценных мраморных памятников. К началу XX в. кладбище оказалось переполнено могилами. Потребовалась дополнительная прирезка земли, что и было осуществлено в 1902 г.: с восточной стороны на площади 60х40 саженей было разбито 150 квадратов для устройства новых могил. На территории кладбища находилась березовая роща. В этом же районе находились старообрядческое и лютеранское кладбища. Троицкое кладбище продолжало действовать и в советское время. В 1926 г. горсовет постановил его закрыть по причине близости жилых строений.

Общепринятой практикой досоветского периода являлось устройство на кладбищах церквей и часовен. Курган, который изначально был и долгое время оставался городом православных, не имел ни одного кладбищенского храма. В чем причина столь невнимательного отношения городских обывателей к делам духовным, сказать трудно. Хотя попытки устройства церкви на Троицком кладбище предпринимались. В 1895 г. курганский исправник И.Я. Трофимов выступил инициатором сбора средств. Его начинания были укреплены епископом Тобольским и Сибирским Агафангелом, посетившим город 6 февраля этого же года. Были сделаны первые пожертвования в размере 17 тысяч рублей. Но после этого наступило затишье. Очередная попытка строительства кладбищенской церкви связана с именем курганского благочинного – священника Дмитрия Кузнецова. В 1903 г. благодаря его старанию на дополнительном участке земли, отведенном для кладбища, была оставлена небольшая площадка для церковного строительства. Архитектором Николаем Юшковым был разработан проект храма, купцом Петром Смолиным пожертвовано 100 тысяч штук кирпичей. Однако, по-видимому, капитала Троицкой церкви (в

ведении которого находилось кладбище, а значит, и стройка на нем) было недостаточно, а горожане не испытывали большого рвения. Планы и проекты о. Дмитрия Кузнецова так и остались на бумаге, хотя именитые горожане, свыкшиеся с идеей устройства кладбищенской церкви, продолжали жертвовать средства. Так, 10 ноября 1917 г. Тобольский окружной суд слушал дело об утверждении к исполнению нотариального завешания курганского купца Павла Соколова, где в том числе значилось на построение «предполагаемой церкви на кладбище, принадлежащем Градо-Курганской Троицкой церкви 500 рублей и причту ее за вознаграждение за вечное поминовение о душе покойного и его родителей 500 рублей».

Кладбище Богородице-Рождественского прихода располагалось на территории современного парка Победы. Со временем рядом с ним были отведены кварталы для католического, магометанского, иудейского и военного кладбищ.

В 1919 г. настоятелем Богородице-Рождественского собора, главным врачом Курганского военного лазарета и Курганским мусульманским приходским попечительством на заседании Временной городской думы был поставлен вопрос о расширении православного, военного и магометанского кладбищ, находившихся по соседству. К этому же времени относится открытие на католическом кладбище памятника чехословацким воинам, «павшим за возрождение России в Курганском районе».

В двадцатые годы за кладбищем в районе современного парка Победы на короткий срок официально закрепили название Коммунистического. В июне 1928 г. горсовет принял решение о прирезке дополнительной площади для Коммунистического кладбища в размере около 1,5 тысяч кв. метров с северо-западной стороны.

В 1956 г. городские власти постановили закрыть в виду перегруженности кладбище по улице 9 Января, тогда оно именовалось «городским». С этого времени заведующий похоронным бюро обязан организовать захоронение умерших на вновь открываемом кладбище в поселке Рябково. Все надмогильные памятники, надписи, ограды, дорожки и аллеи на территории старого кладбища должны были содержаться в полном порядке и сохранности.

Очередной официальной вехой умирания этого кладбища стал 1968 г., когда в целях выполнения работ по благоустройству города горкомхозу было разрешено строительство районного сада (имеется в виду Советский район города) на площади 7 га. Спустя десять лет за подписью первого заместителя председателя горисполкома Е.А. Листратова вышло решение о ликвидации кладбища по улице 9 Января. Его размеры на этот момент определялись площадью 6 га. Причинами для его закрытия горсовет

определил следующее: «Окруженное с четырех сторон городской многоэтажной застройкой, кладбище в основном с отдельными, разбросанными по всему участку могильными холмами, находящимися в захлапленном состоянии, не отвечает ни санитарным, ни архитектурным требованиям и не является историческим или архитектурным памятником». На месте старых захоронений был организован парк с сохранением памятника воинам Великой Отечественной войны, умершим от ран в госпиталях г. Кургана и памятника В.И. Бурову-Петрову. Останки умерших по желанию родственников или других заинтересованных лиц было разрешено перезахоронить на другом кладбище.

Современный парк Победы являлся местом захоронения горожан на протяжении более семидесяти лет. Сейчас это место захоронения православных, католиков, иудеев, мусульман и военных служит горожанам местом тихого отдыха, в котором сосредоточен мемориальный комплекс, построена Николаевская часовня¹⁵³.

---

¹⁵³ *Тобольские губернские ведомости. 1896. 25 февраля; Тобольские епархиальные ведомости. 1882. 1 мая; Тобольские епархиальные ведомости. 1895. 16 февраля; Проект правил для устройства и управления городским кладбищем, составленный учрежденным Комитетом для заведования кладбищем //Тобольские епархиальные ведомости. 1901. № 19; Красный Курган. 1926. 31 июля. № 146. С. 4; Тобольские губернские ведомости. 1881. 28 ноября; ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 98. Л. 163; Д. 69. Л. 141; Ф. Р-1418. Оп. 2. Д. 8. Л. 19; Ф. Р-465. Оп. 4. Д. 131. Л. 59; Оп. 5. Д. 176. Л. 13; Оп. 6. Д. 767. Л. 23-24; Д. 2228. Л. 40; Оп. 7. Д. 360. Л. 75-76; Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 46. Л. 58, 100; Ф. 235. Оп. 1. Д. 119. Л. 136-137; Д. 122. Л. 2, 4.*

«МИР ПРАХУ ТВОЕМУ»: О ЗАХОРОНЕНИИ СВЯЩЕННИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОБОРА В НАЧАЛЕ XX В.

17 октября 2005 г. на территории бывшего завода деревообрабатывающих станков во время проведения строительных работ было обнаружено захоронение. Сохранившаяся одежда указывала на то, что здесь покоятся останки священника. Найденный склеп располагался за алтарем ныне несуществующего Богородице-Рождественского собора. Местоположение и содержание захоронения даже на первый взгляд выглядело далеко не ordinarily: кирпичная сводчатая кладка, богато украшенный гроб, парчовое облачение небесно-голубого цвета, добротные кожаные сапоги... Кто же был удостоен высокой чести быть похороненным не просто на городском кладбище, а в ограде главного курганского храма начала XX столетия?

Значение Богородице-Рождественского храма для г. Кургана, пожалуй, сопоставимо со значением Исаакиевского собора для Санкт-Петербурга. Выстроенный в византийском стиле, он поражал своей основательностью и монументальностью, на Троицкой улице собор занимал целый квартал.

История Богородице-Рождественского прихода города началась в 1836 году, за девять лет до начала освещения первого придела самого храма. С этого времени причта «было положено – два священника, один диакон и четыре причетника». В 1845 году начались службы в летней неотапливаемой части храма. К этому времени было освящено три престола: главный – во имя рождества Пресвятой Богородицы, правый – во имя Аристратига Михаила, левый – во имя Алексия, человека Божия. Со временем был достроено еще два придела: во имя Св. Симеона Богоприимца и во имя Святителя и Чудотворца Николая. Территория храма была обнесена каменной оградой с чугунными узорчатыми решетками. Собор строился среди плотно застроенных городских кварталов, поэтому для приходского кладбища было отведено место на окраине города, т.е. изначально захоронения рядом с храмом не предполагались. Тем не менее, за особые заслуги на поприще служения городу и Церкви были сделаны исключения минимум для четырех человек.

Год 1913-й для курганского духовенства ознаменовался большими потерями. В апреле на Пасху от воспаления легких умер священник Троицкой церкви о. Иоанн Лапшин, в июне - от болезни почек настоятель

Богородице-Рождественского собора о. Дмитрий Матвеев, в октябре – от горловой чахотки священник Александро-Невской церкви о. Петр Серебренников, а в ноябре – от старости заштатный протоиерей Богородице-Рождественского собора о. Иоанн Волков. «...Новая могила охватывает душу какою-то жутью. За что Господь прогневался на нас? И так в Кургане духовенства очень немного... Будь между этими случаями больший промежуток времени, не так было бы жутко», - такие неутешительные слова прозвучали в некрологе, посвященном о. Иоанну Волкову, написанном настоятелем Александро-Невской церкви о. Николаем Богословским. В этом году в ограде Богородице-Рождественской церкви появилась два новых креста.

В метрической книге Богородице-Рождественского собора за 1913 год в части третьей «Об умерших» запись № 88 очень пространна и занимает почти треть страницы. Связано это с тем, что многие духовные лица города посчитали необходимым засвидетельствовать смерть молодого о. протоиерея Дмитрия Апполоновича Матвеева. Настоятель собора о. Дмитрий пользовался в Кургане заслуженным уважением. Современники особенно отмечали его педагогические таланты. До назначения в курганское духовное училище о. Дмитрий преподавал духовную историю в Тобольской семинарии. Один из его бывших подопечных семинаристов отзывался об о. Дмитрие таким теплыми словами: «...он был близок нам, как товарищ, он заменял нам непонятные и сухие книги, и мы любили его, как самого близкого нам человека; беседы с ним возбуждали в нас желание работать, успокаивали наши тревоги, окрыляли нас надеждами». Погребение о. Дмитрия совершали два протоиерея, пять священников, три диакона и четыре псаломщика при большом стечении народа. Запись в метрической книге дает конкретное указание на то, что он был похоронен в ограде собора, настоятелем которого являлся.

В начале XX столетия Иоанн Филиппович Волков по праву считался старейшим представителем духовенства Тобольской епархии. Более пятидесяти лет он служил в Богородице-Рождественском соборе. В Кургане во многих семьях о. Иоанн был причастен к крещению всех членов семьи, начиная от дедов и заканчивая внуками. Неслучайно, что его смерть 3 ноября 1913 года не оставила равнодушным ни одного горожанина. В последний путь «весь город провожал своего старца». 85-летний протоиерей о. Иоанн был торжественно погребен в соборной ограде рядом с протоиереем о. Дмитрием. Место захоронения зафиксировано в метрической книге Богородице-Рождественского собора.

После смерти о. Д. Матвеева место настоятеля Богородице-Рождественского собора долгое время оставалось вакантным. Лишь в феврале 1914 г. из Олонецкой епархии в Курган был переведен протоиерей о. Вик-

тор Петрович Регов, которому поручили слегка расстроенное хозяйство собора. Курган встретил нового священника очень настороженно. По замечанию одного из духовных лиц равнодушное и даже недружелюбное отношение к о. Виктору были связаны с предвзятостью, с которой «вообще встречают земляков начальства, непременно видя в них фаворитов и даже временщиков». Начавшаяся первая мировая война не позволила воплотиться плану нового настоятеля «о поновлении живописи и величественного иконостаса в соборе».

Служение о. Виктора в Кургане было недолгим. 25 сентября 1916 года звоном в большой колокол на соборной колокольне было оповещено о кончине 60-летнего настоятеля. 27 сентября последовала телеграмма из Тобольской духовной консистории о захоронении о. Виктора в церковной ограде, о чем была сделана соответствующая запись в метрической книге.

Впоследствии, как и положено, о. Иоанном Редькиным в «Тобольских епархиальных ведомостях» был опубликован некролог, посвященный о. В. Регову. Благочинный г. Кургана о. И. Редькин, наверное, и не подозревал насколько важное примечание он сделал в этом некрологе. Читаем: «Могила новопреставленного о. протоиерея – в ограде храма, рядом с могилой о. протоиерея Иоанна Волкова». Далее в сноске дается очень ценное для нас примечание: «Теперь здесь рядом три могилы настоятелей собора: о. Д. Матвеева, о. И. Волкова и о. Регова, и несколько поодаль – о. А. Тутолмина (1884 г.)».

18 октября состоялся осмотр погребения. Из склепа были извлечены обшивка гроба из материи зелено-голубого цвета, фрагменты самого деревянного гроба и останки священника. Покойный был похоронен в ризе голубого цвета (этот цвет символизирует праздник Рождества Пресвятой Богородицы). В руках священник держал деревянный крест и евангелие. Здесь же были найдены тонкие восковые свечи и стеклянный стаканчик с остатками одной из свеч. По заключению предварительной медицинской экспертизы возраст покойного превышал семьдесят лет.

Спустя десять дней был вскрыт еще один склеп. На гробе обнаружен ислетвший букетик полевых цветов. В гробу прикрытые саваном в нарядной парчовой ризе (тоже голубого цвета) – останки покойного. Были в наличии и обязательные атрибуты захоронения священнослужителей: покрытый патиной бронзовый крест, евангелие в бархатном переплете. На этот раз удалось развернуть разрешительную молитву и прочитать имя похороненного в этой могиле – протоиерей Димитрий¹⁵⁴.

¹⁵⁴ ГАКО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Ф. 235. Оп. 4. Д. 160. Л. 148 об.-149; Ф. 235. Оп. 4. Д. 312. Л.Л. 106 об.-107; Тобольские епархиальные ведомости. 1913. 1 декабря. № 23; 1913. 16 июля. № 14; 1916. 8 ноября. № 42.

Вещи вокруг и для человека

ПРОКАТИТЬСЯ НА «ПЕКАРСУЛЬМЕ»: ВЕЛОСИПЕДЫ И ВЕЛОСИПЕДИСТЫ НАЧАЛА XX В.

Как только весной курганские дороги освобождаются от снега, на наших улицах появляются велосипедисты. Легкий шорох велосипедных шин - это не натужный рев автомобильного мотора: он ласкает слух окружающих, навевая сладкие воспоминания о собственном детстве, когда покупка велосипеда была целым событием для всей семьи.

А ведь и правда, в начале прошлого века (а именно тогда появилась эта диковинка в Зауралье) велосипед был предметом роскоши. Более того, Курганская городская Дума в 1918 г. (напомним, что в это время в городе правила «белая» власть) с него и налоги брала как с предмета роскоши, так же как «с лошадей, собак и экипажей», считая велосипед, по-видимому, неким симбиозом коня и пролетки¹⁵⁵.

Курганцы, состоятельные и не очень, покупали велосипеды в торговом доме «В.Т.Харламов и Сыновья» на Дворянской улице, где среди самых лучших марок английских велосипедов всегда можно было подобрать что-нибудь по своему вкусу¹⁵⁶. Названия фирм были соответствующие – английские, которые в силу своего необычного звучания немало веселили зауральских мальчишек, но, наверное, как это было здорово для любого из них прокатиться перед ватагой своих друзей на воплощенной мечте под непонятным, но от этого еще более привлекательным названием «Дукс» или «Пекарсульм»!¹⁵⁷

Хотя, думается, что велосипед долгое время был все-таки принадлежностью взрослого быта – вещью дорогой и оберегаемой, которой не стыд-

¹⁵⁵ Курганская свободная мысль. 1918. 7 июля.

¹⁵⁶ Адрес-Календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Курган и его уезда. – Курган, 1909. С. 99.

¹⁵⁷ Курганский вестник. 1914. 23 апреля.

но было похвастать перед друзьями и родными, особенно если они жили где-нибудь в отдаленной деревеньке.

Велосипедное братство в Кургане быстро росло: почтовые и железнодорожные служащие, приказчики и учителя обзаводились «железными конями». Во избежание крупных транспортных (читай - велосипедных) аварий Курганской городской Думой в 1905 г. было издано постановление «О порядке езды по г. Кургану на велосипедах», где составленные правила могут сравниться только с современными правилами автомобилевождения. Естественно, все велосипеды снабжались индивидуальными номерами, ездук, после сдачи экзамена в полицейском управлении получал специальные «права».

Среди прочей полезной информации в правилах можно было узнать, что велосипедист должен был «в случае беспокойства лошадей от появления велосипеда остановиться, сойти с велосипеда и по возможности скрыть его от испуганной лошади». Отдельным пунктом оговаривалась одежда: «употребление при езде на велосипедах неприличных для публики, обращающих на себя внимание костюмов» запрещалось¹⁵⁸.

О ценности велосипеда говорит и тот факт, что в период гражданской войны все велосипеды подлежали мобилизации – например, в г. Кургане начальником гарнизона города Соловьевым 8 июня 1920 г. (в это время в городе уже руководили «красные») был издан приказ, по которому было необходимо «всем организациям, спортивным обществам, учреждениям гражданского ведомства г. Кургана и уезда, а также всем волвоенкомам и исполкомам, все оставленные ранее во временное пользование велосипеды сдать в склад при уездном военкомате»¹⁵⁹.

И хотя время быстро меняет своих любимцев, привязанность курганцев к велосипедам оставалась постоянной величиной: меняются марки железных «друзей», но все так же, из года в год, на наших дорогах появляются приверженцы этого шумного транспорта.

---

¹⁵⁸ Адрес-Календарь... С.52.

¹⁵⁹ Красный Курган. 1920. 15 июня.

«ХАРЛЕЙ-ДЭВИДСОН» В КУРГАНЕ: О РАЗВИТИИ МОТОЦИКЛЕТНОГО ТРАНСПОРТА В НАЧАЛЕ XX В.

Мода на мотоциклы то приходит, то уходит... А между тем, у курганских байкеров славная история...

Первые мотоциклы в Курганском уезде появились почти сто лет назад. Привозились они издалека, продавались в магазине «Торговый дом И. Брандта и К^о» дорого, и прокатиться с ветерком на модном виде транспорта мог позволить себе только достаточно состоятельный гражданин: служащий железной дороги, приказчик или лесничий...

В начале XX века в г. Кургане уже набралось достаточное количество любителей быстрой моторной езды, и 6 августа 1912 г. были проведены велосипедно-моторные гонки с призами на звание лучшего в городе ездока, о чем и сообщила городская газета «Юг Тобола».

«Мотоциклетный» азарт продолжался недолго: грянула первая мировая война и всю годную технику мобилизовали на фронт. Согласно телеграмме Тобольского губернатора Станкевича Курганской городской думой для приема техники была создана Комиссия по приему автомобилей и мотоциклетов для надобностей войск во главе с гласным думы М.Ф. Врачинским. Население, по-видимому, неохотно расставалось со своим имуществом, поскольку из представленных 15 автомобилей и 25 мотоциклов годными для несения военной службы, по заключению известного курганского фельдшера (!) М.Ф. Врачинского, оказались 4 автомобиля и 1 мотоцикл. Остальная техника курганцев была признана неисправной. К началу гражданской войны ее, видимо, починили, и представитель Временного Сибирского правительства, начальник курганского гарнизона полковник Вайдьло объявил о новой регистрации техники. В распоряжении гарнизонного командования от 5 июля 1918 г. значилось, что «все учреждения и граждане г. Кургана и его окрестностей, имеющие у себя мотоциклеты, должны указать местонахождение мотоциклетов и сообщить следующие сведения: род машины, фирма, мощность и номер двигателя, размер покрышек и год выпуска». Лица, виновные в несоблюдении этих требований, подвергались наказанию.

Остатки зауральской автотехники начала XX века были реквизированы уже «красными». В октябре 1919 г. Челябинским уездвоенкомом Овчинкиным был издан приказ «О мобилизации автомобилей и мотоциклов», по которому была объявлена 50%-ная мобилизация автомобилей и мотоциклов, находящихся в распоряжении гражданских ведомств (отдельные граждане лишились своего транспорта, видимо, немного раньше).

Во исполнение приказа всем гражданским учреждениям предлагалось в трехдневный срок представить все подлежащие мобилизации мотоциклы в волостные и станичные военные комиссариаты. В первую очередь подлежали мобилизации мотоциклы системы «Харлей Дэвидсон» и «Самбилли». Уклонившиеся привлекались к ответственности по всей строгости революционного времени.

Элитному мотоциклетному парку г. Кургана, преимущественно состоявшему из машин известных иностранных фирм, был нанесен непоправимый удар.

Вновь рокочущий звук мотора зазвучал на улицах зауральского города только в 1930-е годы: согласно небольшой заметке в «Красном Кургане» целых четыре курганца стали владельцами мотоциклов. Конечно, это были уже не «Харлеи», а почти не уступающие им первые ижевские мотоциклы. В мае 1941 г. при районном комитете физкультуры и спорта была организована мотосекция, в которую записались 12 мотоциклистов со своими машинами. Но... началась очередная война, и весь мотопарк был снова мобилизован.

Война внесла свое слово в развитие мотоциклетной техники и пристрастия мотолюбителей: в столицах и провинциальных городах России появились трофейные (BMW, «Цюндап») и ленд-лизовские («Харлей Дэвидсон» и «Индиан») мотоциклы. Были разработаны новые марки советских двухколесных машин, ныне известные как «Днепр» и «Урал». Чуть позже по дорогам страны, а, значит, и у нас, в Сибири, стали ездить и чешские «Явы» и «Че-Зеты».

Почти пятьдесят лет мотоциклы прочно занимали свою транспортную нишу и еще недавно, во времена тотального дефицита автотехники, владельцы «Уралов», «Ижей» и «Днепров» ощущали себя счастливыми обладателями престижной техники. Но грянули 1990-е годы, и малопомалу рынок заполнили всевозможные иностранные и отечественные автомобили, а мотоциклы временно были оттеснены на обочину транспортной истории.

Сейчас мотоцикл, со всеми его яркими атрибутами байкерского движения, возвращается на зауральскую дорогу – но теперь он, скорее, не банальное средство передвижения, а нечто другое – символ определенного, отличного от других, образа жизни¹⁶⁰.

---

¹⁶⁰ *Известия Курганского городского общественного управления. 1914. 20 сентября; Юг Тобола. 1912. 3 августа; Курганская свободная мысль. 1918. 22 июня; Красный Курган. 1935. 6 апреля; 1939. 4 октября; 1941. 28 мая.*

ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ «МАУЗЕР»: ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И КУРГАНЦЫ В 1917 – 1919 ГГ.

Вопрос о разрешении ношения личного огнестрельного оружия довольно часто вставал перед россиянами. Курганцы не были исключением. Особенно актуально проблема оружия звучала во время исторических катаклизмов, периодически поражавших нашу страну. 1917 год был не самым спокойным: разгар первой мировой войны, революции, власти в полной растерянности, а народные массы, переполненные мятежной энергией, в хаотическом порядке куда-то бегут и чего-то требуют. Обывателям страшно и одиноко. Они понимали, что защита их жизней, их частного имущества, находилась только в их собственных руках. Осознав, что положение сложное, Тобольский губернский комиссар В. Пигнатти на основании постановления Временного правительства от 19 сентября 1917 г. издал документ, по которому каждый законопослушный гражданин после выполнения пустяковых формальностей мог получить разрешение на ношение любого оружия. И сразу же на имя Курганского уездного комиссара М.В. Алексеева посыпались заявления с одной единственной просьбой – разрешить ношение уже приобретенного оружия. Причины указывались различные: кто-то покупал «для себя» и «для жены», кто-то охранял свой личный пороховой погреб и большие суммы денег, а кто-то приобретал средство защиты просто «ввиду переживаемого мятежного времени». Проблем с покупкой у курганцев не было: в Торговом Доме «Харламов и Сыновья» в Гостинных рядах можно было найти все душе угодно: от миниатюрного дамского пистолета до роскошного бельгийского охотничьего ружья с инкрустацией, не говоря уже о других оружейных «мелочах». Было бы разрушение на покупку.

Кто же из курганцев решил вооружиться? Люди небедные: купцы Дерягины, Харламовы (в т.ч. и все женщины), заводчики Балакшины. Встречались и простые чиновники – железнодорожные, банковские и заводские служащие, лесничие. Видимо, помня поговорку «На Бога надейся, а сам нем плошай», начали приобретать оружие и священники. Один из них – диакон Василий Парышев из с. Лопушинского «ввиду смутного времени» слезно умолял начальника Курганской уездной милиции г. Светковского выдать разрешение на право «имения ему леврвера», доставшегося от недавно умершего родителя священника Григория Парышева. Вкус у последнего был отменный: в наследство сыну достался револьвер «Смит-Вессон» 38 калибра.

Подавляющее большинство курганцев, и мужчин, и женщин, приоб-

ретали именно этот вид оружия. Встречались и более редкие модели: некоторые представители сильного пола выбирали револьверы систем «Наган», «Маузер», «Кольт», «Бульдог», «Лефоше». «Велодог», а некая Антонина Яковлевна Пузырева купила себе маленький изящный «Браунинг». На руках у населения находились ружья системы «Монте-Кристо» и «Буффало», винтовки «Льеж» и обычные трехлинейки и еще многое другое.

Легальное «всеобщее вооружение» продолжилось около года – вслед за недолгим правлением Советской власти в 1918-1919 годах пришел черед чехословаков и представителей Колчаковского правительства. Одним из первых был издан приказ коменданта города подпоручика Б. Губа о немедленной сдаче всего боевого оружия, включая винтовки, револьверы, шашки, сабли, штыки и бомбы. В случае неисполнения ослушавшимся грозил арест до 3 месяцев. Трудно сказать, насколько действенна была эта угроза, но еще долго по Зауралью в гражданскую войну, да и после нее, всплывало оружие, не учтенное ни красными, ни белыми¹⁶¹.

---

¹⁶¹ ГАКО. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 36. Л. 1, 165-233; Ф. Р-383. Оп.1. Д. 5. Л. 32; Ф. Р-465. Оп.1. Д. 1 а. Л. 102; Курганский вестник. 1914. 23 мая; Курганская свободная мысль. 1918. 18 мая.

*Ценности и представления
горожан*

УЕЗДНОЙ БАРЫШНИ АЛЬБОМ

Кто из девочек не вел в школьные годы альбомы? В такие альбомы старательным детским почерком записывались первые любовные истины, например, такие:

Сердце – не камень, кровь – не вода,

Парень поцелует – это не беда.

Традиция ведения альбомов насчитывает не одно столетие. В России коллекционирование альбомных стихов, рисунков, автографов становится повсеместным уже в первой половине XIX в. Такие альбомы отличались особым изяществом. На розовых или голубых страницах можно было встретить посвящения именитых поэтов, рисунки известных художников. Здесь же соседствовали стихотворные комплименты неизвестных авторов и наброски дилетантов.

Введение альбома – удел образованного человека. В провинциальном городе Кургане вряд ли дамские альбомы существовали ранее конца XIX столетия, поскольку долгое время курганские девочки могли получать лишь домашнее образование или, в лучшем случае закончить несколько начальных классов. Ситуация изменилась с преобразованием женской прогимназии в гимназию, после окончания которой девочки получали среднее образование. Именно ученицы Александровской женской гимназии, открытой в 1903 г., стали вести первые в городе альбомы. В них мы едва ли найдем персональные посвящения и рисунки, достойные художественного признания. Да и сами альбомы являли собой обычные школьные тетрадки. Кстати, тетради столетней давности ничуть не отличались по своим размерам и материалу от современных. Такие же линованные листы, картонная обложка, да и содержание альбомов девочек-подростков мало изменилось. Вспомним А. Пушкина: в поэме «Евгений Онегин» поэт довольно точно уловил неизменную особенность этого рукописного жанра:

Конечно, вы не раз видали

Уездной барышни альбом,

*Что все подружки измарали
С конца, начала и кругом.
Сюда назло правописанью,
Стихи без меры, по преданью,
В знак дружбы верной внесены ...*

Пушкинская характеристика альбома провинциальной девушки первой половины XIX в., пожалуй, универсальна для всех времен, не исключая и век двадцатый.

Что же писали в такие заветные тетради девочки сто лет назад, о чем мечтали, какие секреты доверяли своим лучшим подругам? У нас есть возможность заглянуть в один из их. Перелистнув обложку, на первой странице читаем:

*По новым дорогам, средь новых друзей,
Ты жалкую память о мне не разлей.*

Далее идут таинственные инициалы, указано место написания послания – станция Макушино. Можно предложить, что обладательница этого альбома покидала прежнее место жительства. На следующей странице мы узнаем, что хозяюке альбома зовут Пея, а последующие рифмованные откровения написаны уже в Кургане. Так почему же девочка Пея покинула родное Макушино и поселилось в Кургане? Ответ на этот вопрос мы нашли в архивах Александровской женской гимназии. Евлампия (уменьшительно – Пея) Мальцева родилась 10 октября 1897 г. Ее отец Федор Миронович преуспевал на торговом поприще – торговал мукой. Семья жила в Макушино. Родители хотели, чтобы их дочь получила хорошее образование, а потому отправили Пею в Курган. Девочка поступила в женскую гимназию и поселилась на хлебах у Анны Чернышовой по улице Центральной, 93. Заметим, что десятая часть курганских гимназисток были иногородними и жили на квартирах.

В Кургане у Пеи появились новые подруги: Зина Меньшикова, Зина Пальмова, Люба Крючкова... Аккуратно, без помарок и клякс гимназистки переписывали на память Пее стихи Надсона, Бальмонта, Некрасова. Есть в тетрадке и традиционные нехитрые альбомные стишки про дружбу, любовь, измены. Например, нижеприведенное четверостишие на память не утратило своей «актуальности» и сегодня:

*Хотя ничтожны эти строки,
Но пусть напомнят обо мне,
Как скучной осени листочки
Напоминают о весне.*

Большое место в альбоме занимали стихи про любовь, как правило, неразделенную:

*Я не хочу, чтоб мир узнал
Мою таинственную повесть
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть.*

Более всего в альбом писала Клава Орлова. Они с Пеей были очень дружны. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, был ли герой Клавы реальным или это лишь абстрактный образ романтического возлюбленного:

*Я его полюбила.
Так кроток был звук его тихих речей,
Такая задушевность сквозила
Во взгляде его темно-карих очей.*

Однако есть у альбома уездной барышни начала XX столетия и своя особенность. В тетради Пееи мы видим много патриотических стихов, утверждавших активную жизненную позицию:

*Светает, товарищ!
Работать давай!
Работы усиленной требует край...
Работать руками,
Работать умом,
Работать без усталости
Ночью и днем.*

Эти строки, как и большинство записей в тетради, написаны в 1914 г.

В 1916 г. состоялся выпуск 7-го класса, в котором училась Евлампия Мальцева. Курс гимназии в этом году кончило 36 учениц. 29 из них, в том числе и Пеея, продолжили обучение в 8-м дополнительном педагогическом классе. После его окончания девушки могли приступить к практической педагогической деятельности или без дополнительного испытания поступить в высшие учебные заведения.

Пеея продолжила свой альбом, возвратившись из Кургана в родное Макушино. Последняя запись тетради сделана 31 августа 1930 г. 32-летней Пеее посвятили еще одно романтическое признание синим карандашом:

*Пеея! Пеея! Я страдаю,
И томлюся, и рыдаю,
Когда нет тебя со мной.*

Перелистывая пожелтевшие страницы старого альбома, становится очевидным, как похожи в своем стремлении к счастью, дружбе, любви девочки прошлого и настоящего веков¹⁶².

---

¹⁶² Курганский областной краеведческий музей (далее КОКМ). Необработанные материалы.

ВЗГЛЯДЫ ОБЫВАТЕЛЕЙ НА ГРАЖДАНСКИЕ ЧИНЫ

Любой представитель дореволюционной эпохи, наследуя родительские имя и имущество, наследовал и так называемую сословную принадлежность. Происхождение человека в большинстве случаев помогало верно оценить его воспитание и образование, материальное положение и политические взгляды, даже состояние здоровья и качество питания. Визитной карточкой подданных Российской империи служила также целая система рангов, или другими словами, чинов.

Сегодня для нас чины являются одним из ярчайших символов минувшей эпохи. Удостоверить это могут народные пословицы и поговорки, весьма точно передающие колорит чиновничьей атмосферы: «всяк подьячий любит калач горячий», «пуля чинов не разбирает», «дома жить – чина не нажить», «чин чина почитай, а меньшей садись на край».

Слова «чин», «чиновник» существовали в древнерусском языке с незапамятных времен. Первое означало «порядок», второе – книгу, по которой отправлялись церковные службы. С легкой руки Петра Первого – после появления в начале XVIII века знаменитой «Табели о рангах» – чины стали неотъемлемой частью российской действительности. С этого момента до начала XX века они выступали в роли своеобразной гарантии, обеспечивающей своим обладателям не больше не меньше – «место под солнцем».

Дело в том, что тот или иной человек (купец, мещанин или, наконец, крестьянин), поступив на государственную службу, имел вполне реальную возможность «выйти» из своего сословия. Но что самое главное – он мог подняться вверх по социальной лестнице! Ведь по достижении определенных чинов закон предусматривал присвоение их обладателю дворянского достоинства – сначала личного, а затем и потомственного. До середины XIX в. подобные превращения российских подданных в дворян осуществлялись с помощью чина VIII класса, а именно коллежского асессора, впоследствии лишь с получением чина V класса – статского советника. Конечно, чем ниже было происхождение чиновника, тем меньше у него было шансов попасть в ряды избранных. Кроме того, добраться до заветной ступеньки на бюрократической лестнице также было не просто. Но это уже другой вопрос!

Весьма многие наши предки подобным образом изменили свое положение в обществе, например, Илья Герасимович Васильев, служивший в начале XX в. приставом Курганского полицейского управления. Будучи по рождению сыном крестьянина, Илья Герасимович поступил на государственную службу и, пройдя путь от канцеляриста до губернского секре-

таря, повысил свой общественный статус. И хотя его чин был невелик, для окружающих, в том числе родственников – крестьян, он стал барином. Пусть только коллежский регистратор, но уже «ваше благородие»!

Стать дворянином чины помогли и курганскому окружному судье Захарию Федоровичу Иваницкому. По Указу Правительствующего Сената от 29 ноября 1896 г. выходец из духовенства (его отцом был диакон) Захарий Федорович был утвержден в потомственном дворянстве.

Вообще, наши отечественные, значит и курганские, чиновники имели массу связанных со своим особым положением преимуществ. Они являлись единственными, кто обладал законодательно оформленными *социальными гарантиями*, например, стабильным жалованьем, двухмесячным отпуском, правом на пенсионное обслуживание. Не так уж мало, не правда ли? Обязательное ношение мундира, в свою очередь, заметно выделяло чиновников из окружающей массы людей, как бы еще раз подчеркивая в их же глазах некую избранность. А чего стоило избавление от позорной практики быть подвергнутым телесному наказанию, значит, физическому и нравственному унижению!

Недаром свидетельства современников подтверждают, что гражданская служба в Российской империи являлась весьма заманчивой. Как отмечал министр внутренних дел при Александре II П.А. Валуев, «едва ли существует в целом мире государство, где столь значительная часть населения живет в разных должностях за счет остальной части этого населения, как в России». Действительно, государственной службе посвящали себя целые поколения, благодаря чему уже к середине XIX столетия профессия чиновника превратилась в наследственную. Одно из ярких тому доказательств - происхождение нашего известного земляка Леонида Борисовича Красина, который имел «бюрократическую» родословную: его прадед, дед, отец и дядя - все были представителями чиновничества Тобольской губернии. Да что говорить, около половины курганских чинов продолжили фамильное дело.

Разумеется, для отпрысков из аристократических семейств военная карьера, в отличие от судьбы служаки-бюрократа, была значительно престижнее. К тому же в любой момент, пресытившись ратными подвигами, они могли легко перевоплотиться в столоначальников, миновав тем самым весьма непривлекательную для многих канцелярскую ступень.

Другое дело - обедневшее дворянство. Зачастую только приобретением чина выходцу из разорившейся, да вдобавок многолетней дворянской семьи удавалось хоть как-то спасти свое положение в обществе. Как же не служить, если, не имея чина, даже дворянину придется писаться недорослем? Но поскольку дворян в Кургане почти не было, эта проблема мало волновала умы наших земляков.

Не стоит думать, однако, что за гражданскими чинами «охотились» все российские сословия поголовно. Представителям купечества, например, не было нужды искать себе средства к существованию тяжелым канцелярским трудом. Приумножать имеющиеся капиталы привычным для их круга способом – торговой и предпринимательской деятельностью – было куда сподручнее. В истории нашего края имеется много свидетельств тому, как купцы, проявляя себя на общественном поприще, приобретали тем самым уважение земляков и звания почетных граждан, а отнюдь не табельные чины. То есть представление о чинах было различным у различных групп местного населения.

Конечно, на особую симпатию окружающих чиновник не рассчитывал. Общество, как известно, не очень-то жаловало служителей закона, чему имело, к сожалению, множество оснований. Достаточно вспомнить яркие образы отечественных бюрократов, созданные А.П. Чеховым, Н.В. Гоголем, которые вызывают в нас далеко не возвышенные чувства. Курганцы – коренные сибиряки – не любили чиновников, особенно из приезжих. Даже ссыльные приживались у нас быстрее, чем столичные бюрократы! Одновременно в сознании курганских обывателей существовала разница в отношении к чинам как одному из путей улучшения своего положения в обществе и чиновникам как олицетворению порой такой несправедливой власти. Зачастую граница между двумя этими взглядами была довольно прозрачной.

И все-таки такое понятие как «чины» крепко засело в умах людей, проникнув во все сферы жизнедеятельности российского общества. Вспомним, что чиновниками в царской России являлись не только представители органов власти, но и врачи, учителя, преподаватели, инженеры, ученые, библиотекари. И в первую очередь для подданных Российской империи чины олицетворяли более или менее выгодное место в социальной иерархии. Ведь благодаря их приобретению можно было изменить свое настоящее и будущее своих детей¹⁶³.

---

¹⁶³ ГАКО. Ф. 236; Ф. 175; *Тройницкий В.А. Неурожай в Тобольской губернии 1891 года // Исторический вестник. 1913. №34. Август; Не столь отдаленные места Сибири (Наброски из воспоминаний ссыльного) // Отечественные записки. 1875. №7 (июль). С. 21; Завалишин И. Описание западной Сибири. М., 1862. С.86; Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Кентавр. 1995. № 3; Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. Август; *Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Часть 2. СПб., 1864; Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века как социальный слой: Дис ....канд. ист. наук. Курган, 2002.**

ВЕНЧАЕТСЯ РАБ БОЖИЙ: БРАКОСОЧЕТАНИЯ КУРГАНЦЕВ В НАЧАЛЕ XX В.

С давних пор на Руси священные слова - «венчается раб Божий...» - возвещали о рождении новой семьи, навечно связывая брачными узами не просто двух людей, а целых два рода, за которыми порой стоял не один десяток поколений. И молодая семья, наследуя огромный багаж особенных черт характера и внешности, привычек и традиций, взглядов и образа жизни, должна была не просто его пополнить, но, в свою очередь, сбечь для потомков...

Но прежде немного статистики¹⁶⁴. В 1900 г. в Кургане были зафиксированы 127 бракосочетаний, то есть 254 человека узаконили свои отношения. В их числе на долю повторных браков приходилось всего 7,5%: 14 мужчин и 5 женщин официально вступили в брак вторично, причем большая доля лиц мужского пола в повторных браках по сравнению с женским является относительно устойчивым параметром. В 1915 г. повторные брачные союзы заключили 18 мужчин и 10 женщин при общей доле вторичных бракосочетаний 15 %.

На 1900 г. средний возраст заключения браков составил для курганских мужчин 25 лет, для женщин – 20 лет; на 1915 год - соответственно 27 и 23,5. Выявленный средний возраст заключения браков у мужского населения г. Кургана соответствует аналогичному показателю в крупных и средних российских промыслово-промышленных городах¹⁶⁵. Напротив, на среднем возрасте курганских невест более чем на женихах сказалась сельскохозяйственная специфика Курганского уезда и преимущественно крестьянское их происхождение. То есть взгляды местных женщин на брак в отличие от мужчин представляли собой сельскую модель брачности при замужестве в возрасте до 21 – 22 лет.

Самый молодой жених г. Кургана как в 1900 г., так и в 1915 г. заключил брак в возрасте 18 лет; самая молодая невеста - соответственно в 15,5 лет и в 15 лет 9 месяцев. Наоборот, самым старым среди мужчин в 1900 году стал 53-летний, а в 1915 году – 63-летний жених; для невест этот возрастной параметр был следующим: 41 год в 1900 г. и 61 год в 1915 г.

---

¹⁶⁴ Результаты анализа данных метрических книг Богородице-Рождественского собора и Троицкой церкви г. Кургана за 1900, 1915 гг. ГАКО. Ф. 235. Оп. 3. Д.251; Оп.4. Д.232.

¹⁶⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. Л. 168 - 169.

Итак, выбору будущего супруга или супруги родители жениха и невесты придавали огромное значение, стремясь найти для своих чад партию выгодную во всех отношениях. Если это была купеческая семья, то, конечно, глава семейства подбирал дочери жениха с капиталами, преследуя цели сохранения и приумножения богатства и фамильных традиций. К этому важному делу курганские предприниматели подходили по обыкновению со своей сибирской степенностью и основательностью: жених должен быть и с деньжатами, и образованный, да не безродный какой, не выскочка! Предложения со стороны обывателей иных сословий вряд ли рассматривались положительным образом. Недаром курганское купечество – семьи Смолиных, Балаксиных, Харламовых, Дунаевых – представляли собой отдельную династию сродни монархическим династиям европейских держав.

Дворянские семьи также предпочитали родниться с людьми своего круга в интересах сохранения «голубой» крови, хоть в нашем крае делать это было достаточно трудно при условии малочисленности этой самой крови, то есть лиц дворянского звания. Кстати, мезальянсы среди прихожан Курганского римско-католического костела стали прямым следствием данного обстоятельства. В частности, дворянин Гродненской губернии Лукаш Петровский женился, понятное дело, не на своей ровне - на крестьянской девице Марии Федорович¹⁶⁶, зато одной веры, чем как бы компенсировал неравенство. Наверняка, исходя из религиозных соображений, семейство дворян Шабловских позволило дочери Леонтине стать супругой крестьянского сына Станислава Гриневича¹⁶⁷. Да, не благородного корня жених, однако вера у него своя, что вдали от родных мест поважнее аристократизма будет.

Но если католики или лютеране все-таки старались «держать марку» женитьбами на представительницах лучших слоев курганского общества, то православная дворянская элита была куда менее требовательна. Вот отчего Виктор Самсонович Пашков¹⁶⁸, хоть и был потомственным дворянином, в жены взял простую мещанскую девицу и, наверняка, был с ней вполне счастлив.

Что же касается лиц духовного звания, то они стремились держаться друг друга. Ведь не простое сословие: как-никак посредники между земной и небесной сферами! Имеющие место быть исключения, типа бракосочетания сына статского советника Виктора Аглицкого и дочери местно-

---

¹⁶⁶ ГАКО. Ф. И-305. Оп.1. Д.1. Л. 26.

¹⁶⁷ Там же. Л.28.

¹⁶⁸ ГАКО. Ф. И-235. Оп.4. Д.390. Л. 98 об – 99.

го протоиерея Зинаиды Редькиной, состоявшегося 14 января 1918 г. в Свято-Троицкой церкви и освященного самим тестем протоиереем Иваном Редькиным¹⁶⁹, как известно, только подтверждают правило.

Не стоит сомневаться и в том, что сельскому обывателю (как было принято именовать представителей крестьянства после отмены крепостного права) в образе спутницы жизни виделась какая-нибудь соседская девица, нежели горожаночка - мещанка, не говоря уже о дворянке. Не удивительно, ведь воспитание и образование барышни не предусматривало ведение крестьянского хозяйства! Разумеется, если крестьянин перебирался в город и хотел здесь закрепиться, жениться ему следовало исключительно на горожанке, желательно бездетной вдове со своим уютным домиком. Ну, почти как у крестьянина Семена Иванова и курганской мещанской вдовы Зинаиды Стрельниковой.

Если не получилось с первой семьей, можно попытаться счастья еще раз. Тем более к началу XX столетия вторые и третьи браки уже перестали удивлять даже саму церковь, судя по тому, что подобные союзы ею регистрировались и освящались, значит, были легитимны и для небесной канцелярии. Да, не смогли устоять крепкие сибирские нравы под натиском неумолимого прогресса! Так, в июле 1918 г. Курганская Свято-Троицкая церковь зарегистрировала третий брак местного крестьянина Ивана Шоломова и крестьянской вдовы¹⁷⁰. Для мещанина Кургана Ивана Кондратовича Головизнина союз с крестьянской вдовой из Могилевской губернии стал вторым по счету, для нее, в свою очередь, третьим¹⁷¹.

Нельзя забывать, что во все времена женитьба или замужество использовались людьми особо практичными как средство для улучшения своего материального благосостояния и положения в обществе. С женщинами вопрос обстоит проще, так как жена после свадьбы автоматически получала статус своего мужа. А вот мужчины.... Как-то не солидно важной птице родниться с простым, к тому же, небогатым семейством. Так что зачастую приходилось принимать поистине гамлетовское решение: выбирать между любовью (если таковая случалась так некстати) и семейными интересами. Проблемы не хуже, чем у царей, заключавших браки, как известно, исключительно ради государственной выгоды!

Опять же обыкновенному рядовому гражданину не видать было знатной невесты. В этом смысле повезло мелкому чиновнику Павлу Осипову, заключившему брачный альянс аж с потомственной дворянкой¹⁷². Его

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. И-235. Оп.4. Д.388. Л. 106 об. – 107.

¹⁷⁰ Там же. Л. 155 об. – 156.

¹⁷¹ Там же. Л. 177 об. – 178.

¹⁷² Там же. Оп. 3. Д.251. Л. 107 об. – 108.

избранница Любовь Михайловна происходила из рода смоленских дворян Кублицких. Ее столь высокое положение ничуть не пострадало оттого, что представители этой фамилии, обосновавшись в Кургане, стали чиновниками.

Курганский рынок женихов и невест разнообразили беженцы, наводившие сибирские тыловые районы в годы Первой мировой войны. Они женились как на уроженках своих губерний, так и на местных жительницах. Последний вариант был наиболее выгоден, ибо в данном случае «чужой» официально становился «своим», то есть полноправным членом курганского общества. Так, крестьянин Гродненской губернии Николай Романович Адамчик в 1918 г. заключил брак со своей землячкой – крестьянской вдовой Натальей Яковлевной Ермолик¹⁷³. А вот гражданин Леонид Стасевич поступил умнее – женился на местной мещанской девице Анастасии Петровой.¹⁷⁴

Красота наших женщин прельщала не только соотечественников, но и иностранцев, волею судеб оказавшихся в Курганском уезде. Прелести крестьянской вдовушки Елены Григорьевны Кургановой покорили сердце не кого-нибудь, а великобританского подданного Чарльза Гримстона Брея, чьи серьезные намерения благополучно реализовались в венчании парочки в Александро-Невской церкви г. Кургана 11 января 1917 г.¹⁷⁵

Протестант венчался в православной церкви, удивитесь вы? Ничего из ряда вон выходящего в этом как раз не было, вполне обыденный для Кургана факт, судя по количеству подобных случаев. Различие вероисповеданий для наших предков вовсе не мешало оформлению законных отношений: любая курганская церковь беспрепятственно совершала подобное таинство. Что говорить, если даже военнопленные чехи совершенно свободно заключали союзы с курганскими жительницами. Можно только позавидовать такой веротерпимости наших предков, да, пожалуй, поучиться у них относится к людям иной веры, национальности и взглядов, по крайней мере, спокойно.

Вот и получается, что женитьба, хоть и самое обыденное явление, однако ж скрывает под собой целую брачную философию!

---

¹⁷³ ГАКО. Ф. И-235. Оп.4. Д.388. Л. 155 об. – 156.

¹⁷⁴ Там же. Л. 160 об. – 161.

¹⁷⁵ Там же. Оп.7. Д.418. Л. 98 об. – 99.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ СТРАХОВЫХ АГЕНТОВ НАЧАЛА XX В.

На рубеже XIX – начало XX столетий акционерные страховые общества «Русское», «Надежда», «Саламандра», «Якорь» «Волга» и более известные «Первое Российское от огня имущества общество», «Петербургское общество страхований» и другие имели разветвленную сеть своих агентов во всех уголках огромной России. Сибирский провинциальный город Курган, начавший бурно развиваться после строительства железной дороги в 1893 году, представлял несомненный интерес для разношерстной «публики» страхователей. Не следует забывать, что агенты акционерных страховых компаний были поставлены в условия жесткой конкуренции. Тем не менее, вряд ли кто-нибудь из них решился бы нарушить негласный профессиональный кодекс.

Важным моментом в страховом деле, прежде всего, была репутация представителя страховой компании. Молва о неблагоприятных поступках агента в небольшом городе могла свести на нет его страховую деятельность. Поэтому неслучайно, что в «Инструкции господам агентам по страхованию...» настоятельно рекомендовалось в отношении к публике быть предупредительными и внимательными. Ведь успех страхового дела зависел «главным образом от личного знакомства, влияния и симпатии, которыми представитель страхового общества пользовался в среде местного населения».

Более того, агентам вменялось сохранять хорошие отношения к представителям других страховых обществ, и даже совместно обсуждать общие меры защиты интересов страховых компаний. В стараниях по приобретению страхований агенты должны были держаться в «пределах правильной и солидной конкуренции».

Немаловажной составляющей коммерческого успеха в страховом деле являлся выбор страхований. Здесь важно было обращать внимание на их качество, а не на количество. Особо следовало остерегаться страхования имущества, от приема или возобновления которого отказались другие агенты. Ну а если все-таки соблазн был велик, то сделка должна была быть заключена «не иначе, как с величайшей осмотрительностью, по исследованию причин отказа, о коих подробно извещать общество».

К «приему вовсе не разрешаемому» относились ювелирные магазины, торговля художественными и древними вещами, склады картин и легковоспламеняющихся веществ, химические и спичечные заводы, паркетные и столярные фабрики, а также винокуренные, спиртоочистительные и искусственной шерсти производства. Правления страховых

компаний также не брали на себя ответственность за автомобили, отдаваемые внаем, автобусы, аэропланы и дирижабли.

Типичный портрет страхового агента провинциального города выглядел следующим образом. Это был мужчина средних лет, добропорядочный семьянин, имеющий собственное дело (заводик, типографию, газету, торговлю модными новинками), прогрессивных взглядов, не боящийся новаторства и оригинальных идей. Так, у Алексея Ивановича Кочешева, представителя Первого Российского страхового общества, в начале XX столетия дела шли более чем успешно. Владелец самого большого фотографического салона, типографии и канцелярского магазина пользовался и как страховой агент популярностью у курганских обывателей. Среди его клиентов были чиновники и купцы, предприниматели и зажиточные крестьяне, домохозяева и священники. Работы было настолько много, что А. Кочешеву приходилось нанимать субагентов.

Таким образом, на рубеже XIX – XX веков страховое дело было выгодным предприятием для деловых, активных людей, которым были не чужды законы морали и гражданской ответственности. Господа страховые агенты (заметим, что дамы изначально исключались из этого бизнеса), вооруженные инструкциями из центра - Москвы и Петербурга, на свой страх и риск открывали конторы, делали нарядные вывески и страховали, страховали, страховали...¹⁷⁶

---

¹⁷⁶ ГАКО. Ф. Р-423. Он. 1. ДД. 1-12.

«ВСЕМ ЗАВКОНТ, ЗАВОТ, ЗАВПОТ, ЗАВЖЕДОР»: О СЛОВАХ-СОКРАЩЕНИЯХ В ЛЕКСИКОНЕ КУРГАНЦЕВ В 1920-Е ГГ.

«...Это, в общем, не секрет, что народ наш сотни лет шел по жизни прямиком, выражая мысли точным, ярким, образным и сочным добрым русским языком...» - это высказывание с определенной долей иронии характеризует процесс новообразований слов в русском языке в 1920-е гг.

Действительно, наш язык по количеству слов – один из самых богатых, к тому же многие слова имеют несколько значений. А по своему звучанию он настолько разнообразен, что включает в себе звучания почти всех языков мира.

...Но, видимо, столь ошеломляющие богатства несколько смутили деятелей зарождавшейся советской власти... По этой причине, или руководствуясь принципом «речь хороша, когда коротка», большевики активно принялись вводить в употребление в огромном количестве слова-сокращения. Сокращались в основном названия должностей и наименования учреждений.

В документах Курганского уездного исполнительного комитета часто встречаются такие новообразования: «заворганзаготд», «вридупродкомиссар», «зампредсовтрударм», «завинстр.информ.подГубрабсельхозпродбюро». В качестве еще одного примера хочется привести заголовок циркулярного письма исполкома от 4 октября 1921 г. «Всем чрезвычайно Уполномоченным Упродсовещания, в Упродком, УОНО, Правлению Союза Рабпроса, всем ВолОНО и всем месткомам Сорписка». Действительно, мало говорено, да много сказано.

Судя по документам, нельзя было назвать слова-сокращения очень удобными для пользования по той простой причине, что многие из них совсем не поддавались расшифровке. Скорее всего, именно поэтому некоторыми ведомствами были составлены специальные списки сокращенных наименований учреждений своей отрасли. Так, например, в том же 1921 г. был создан список сокращенных адресов почтово-телеграфного ведомства, позволяющий быстро разобраться в терминах «радиолеп», «цетемас», «нобупр» и понять разницу между «планкомтеlem» и «завцентелеm».

И все же не обходилось без казусов. 23 декабря 1923 г. всем отделам Курганского окружного исполнительного комитета, учреждениям и предприятиям г. Кургана было разослано циркулярное письмо следующего содержания: «При сношениях всякого рода с Окрисполкомом зачастую

встречается как в заголовке, так и в тексте вместо слова “окрисполком” термин “окрик”. С момента получения сего предлагается не употреблять такого термина, а писать словами: окружной исполнительный комитет, или сокращенно “окрисполком”...» Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что и курганскую провинцию захлестнула модная волна «изобретения» новых слов-сокращений¹⁷⁷.

---

¹⁷⁷ ГАКО. Ф.Р-315. Он.1. ДД.1-14.

... И НАЗВАЛИ НАСЛЕДНИКА СЕРПИКОМ: «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ» ИМЕНА ГОРОЖАН

В 1920-е гг.

Мы все давно уже привыкли к тому, что у каждого из нас есть имя и фамилия. И только какие-то особые обстоятельства могут заставить нас поменять то или другое. Чаще всего такое случалось с людьми, имена которым давались любящими родителями под влиянием быстротечной моды. Самыми урожайными на необычные имена в Зауралье, впрочем, как и во всей стране, были 20-30-е годы прошлого столетия. Нет, таких экзотических имен как Оюшминальда (сокращенно от «Отто Юльевич Шмидт на льдине») или Даздраперма («Да здравствует первое мая!») курганцы своим детям не давали. Но и от моды не отставали: мальчики получали имена Виль, Владилен, Владлей или просто Владимир – в честь главного организатора Октябрьской революции Владимира Ленина; Лев – в честь Льва Троцкого, Карл – в честь Карла Либкнехта, ну а имя Ким расшифровывалось и того проще – Коммунистический Интернационал молодежи. В головы молодых строителей светлого будущего приходили идеи и пооригинальней: Афанасий Герасимов назвал сына Ивилием (соответственно «Идей В.И. Ленина»), а в д. Баксары родители нарекли своего отпрыска совсем уж странно – «Серпик».

Выбор новых женских имен был небогат (что уж говорить, их и в традиционных святцах намного меньше, чем мужских). Юным советским гражданкам давали чаще всего имена Роза или Клара (в честь известных немецких революционерок Розы Люксембург и Клары Цеткин). До сих пор ласкает наш слух нежное имя «Майя», которое на заре социалистической революции давали девочкам, памятуя о пролетарском празднике международной солидарности 1 мая, а совсем не о майских дождях и яблоневом цвете. Видимо, ограниченный выбор женских имен заставил рабочего Юргамышского лесопильного завода проявить личную фантазию: свою дочку он назвал Апрелицей. Вот и живет где-то, наверное, до сих пор, если не поменяла имя, Апрелица Михеева.

В первые годы Советской власти оригинальные имена получали не только новорожденные. Наиболее увлеченные строители нового общества, желая окончательно порвать с опостылевшим прошлым, меняли сразу все – и имя, и фамилию. На страницах газеты «Красный Курган» можно было найти немало интересных примеров таких метаморфоз: так, Михаил Васильев превратился в Коминтерна Либкнехта, а Александр Поляков – в Гая Люксембурга. Цензуры – никакой: захотел новое имя или фамилию – заплатил деньги, дал объявление в местной газете и придумал

все, что душа пожелала. И ведь придумывали! Гражданин Гуречков стал гражданином Анджело, Зюзька – Борисовым, а Гаврила Якунин – Георгием Гранатовым.

Но, видимо, мода на имена тоже недолговечна: детей больше не называют Апрельцами, Серпиками и Кимами. Вернулись старые добрые имена. Да и фамилии Либкнехт и Люксембург встречаются нам только в названиях улиц и площадей, как напоминание об ушедшей эпохе...¹⁷⁸

---

¹⁷⁸ *Красный Курган. 1920. 30 марта; 1920. 15 мая; 1924. 19 февраля; 1924. 9 марта; 1924. 10 апреля; 1924. 6 мая; 1924. 29 мая; 1924. 9 декабря; 1929. 5 февраля; 1930. 31 мая.*

Город как пространство толерантности

МЯТЕЖНИКИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО: ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ В КУРГАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

На протяжении XIX в. уездный город Курган Тобольской губернии являлся местом политической ссылки. В исторической литературе стали хрестоматийными имена декабристов, которые жили на поселении в Кургане. Однако участники декабристского движения - не единственные ссыльные, пребывавшие в городе I половины XIX в. Например, в 1832 г. в Курган были определены солдаты, высланные за восстание против военных поселений в Старой Руссе. Своеобразный колорит в провинциальную городскую жизнь внесли и «мятежники Царства Польского».

История поляков в Кургане первоначально связана с политической ссылкой. Польская ссылка в Сибирь началась в XVIII в. Правительство выделяло неблагонадежных поляков в особую группу ссыльных – «политических преступников», отличную от «государственных преступников».

За исключением единичных случаев мы не можем обозначить конкретные фамилии поляков, отбывавших наказание в уездных городах Тобольской губернии до 1830 г. Вместе с тем уже в 1829 г., т. е. до репрессий 1830-1831 гг., городничий г. Ишима Стотчен в донесении генерал-губернатору упоминает поляков как обособленную группу политических ссыльных¹⁷⁹. Первым ссыльным польского происхождения в Кургане следует считать Ивана Соколова. О дружбе с ним в 1800 г. упоминает опальный немецкий драматург Август Коцебу в автобиографической книге «Достопамятный год моей жизни».

После подавления восстания 1830-1831 гг. в Польше начинается массовая ссылка поляков в Сибирь, что привело к появлению нового этнического образования в этом регионе вообще, и в Кургане в частности. Увеличе-

¹⁷⁹ Ишим далекий-близкий: Научно-популярные очерки. Ишим, 1997. С. 40.

ние количества ссыльных польского происхождения, относительная длительность их пребывания в Кургане привели к формированию польской общины в середине 30-х годов XIX в. Такой вывод позволяет сделать анализ документов Государственного архива Курганской области. В облгосархиве сведения о «мятежниках Царства Польского» в первой половине XIX в. носят отрывочный характер. Они упоминаются в исповедных росписях, метрических книгах, брачных обысках Троицкой церкви и Богородице-Рождественского собора. Выявить конкретные фамилии, определить материальное положение отдельных персоналий и пр. позволяет фонд Курганского окружного казначейства¹⁸⁰. В делах этого фонда содержатся сведения об отпуске средств на прогоны возвращающихся на Родину поляков, на содержание политических ссыльных. Интересные подробности о привычках, характере, занятиях поляков в Кургане содержатся в воспоминаниях и письмах декабристов А. Е. Розена, Н. И. Лорера, А. Ф. Бриггена, М. А. Назимова.

В 1830-е – 1840-е годы численность поляков превосходила численность декабристов и составляла 18 человек, при этом не учтены рядовые Курганской инвалидной команды польского происхождения. С 1830 по 1837 гг. в Кургане находилось 7 декабристов, из них двое с женами и детьми (с 1830 по 1857 гг. в разное время проживало 13 человек).

Потребность в общении, общность судьбы изгнанников послужили причиной для сближения поляков и декабристов.

Князь Киприан Воронецкий, участник польского восстания, 10 декабря 1831 г. был приговорен на житие в Сибирь с лишением всех прав состояния и титула, а также наследства. 12 октября 1832 г. официальным местом поселения была определена Падеринская волость Курганского округа¹⁸¹. В Сибири К. Воронецкого ожидали трудности и материальные лишения. Н. И. Лорер называет его «бедняком, достойным жалости»¹⁸². Более снисходителен к нему А. Е. Розен. В своих «Записках декабриста» он дает такую характеристику поляку: «Старец 80 лет с глубокими сабельными ударами на голове, но пользовался завидным здоровьем, румянец играл на изрубленных ланитах; каждый день ужин его состоял из десятка круто сваренных яиц»¹⁸³. Чтобы хоть как-нибудь облегчить жизнь бывшего князя, семья декабриста М. М. Нарышкина приглашала его «разделять с ними трапезу, а Воронецкий вызывался в знак благодарности ходить ежед-

---

¹⁸⁰ ГАКО. Ф. И-175.

¹⁸¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 52. Д. 58/4. Л. 9.

¹⁸² Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 172.

¹⁸³ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск. 1984, С. 301.

невно на базар для закупок к их общему столу»¹⁸⁴. После отъезда семьи А.Е. Розена из Кургана в 1837 г. Воронежский поселился в их курганском доме на улице Дворянской. Однако прожил он в нем недолго. 14 января 1837 г. был подписан документ об отпуске денег для казака, «имеющего командироваться за препровождением возвращающегося на Родину бывшего князя Воронежского до города Тобольска»¹⁸⁵. Выделялось 44 рубля 95 копеек. Он покинул Курган в 1838 г.

Одиноко, без семьи, как и Воронежский, жил в Кургане Людвиг Францевич Савицкий. Он родился в Белостоке, происходил из шляхтичей. В 1833 г. был арестован за связь с заговорщиками. 10 августа 1834 г. местом его поселения был назначен г. Курган¹⁸⁶. В 1845 г. Л. Савицкий получил разрешение вернуться домой. В январе этого года на прогоны от Кургана до Тобольска им было получено 13 рублей 48 $\frac{1}{2}$ копейки серебром из экстраординарных сумм курганского окружного казначейства¹⁸⁷.

Более чем на десятилетие Курган стал местом ссылки для помещика Гродненской губернии Эразма Клечковского. 13 июня 1834 г. Э. Клечковский был определен в Смолинскую волость Курганского округа¹⁸⁸. Анеля Клечковская решила разделить участь мужа и добровольно последовала за ним в Сибирь. В мае 1837 г. в Кургане Клечковские купили дом у купца Д. Шушарина на Средней улице (Троицкой). В августе 1841 г. на имя А.С. Клечковской был приобретен еще один дом по Дворянской улице. В октябре 1842 г. Клечковские продали дом на Средней улице за 400 рублей серебром¹⁸⁹.

В исповедных росписях Богородице-Рождественского собора с 1836 по 1849 г. среди поселыщиков проходит Клечковский Герасим Каэтанович и его семейство. Помимо жены Анели Станиславовны упоминаются дочери Елисавета (с 1836 по 1840 г.), Юлия (с 1842 по 1849 г.), Валерия (с 1842 по 1849 г.), Софья (с 1846 по 1849 г.), дворовые люди: Семен Кудин (с 1836 по 1840 г.), Емельян Кордимонов с женой Натальей Филипповной (с 1842 г.). В 1836 г. крестным отцом Юлии Клечковской стал А. Ф. Бригген, имевший дружеские отношения со многими поляками. В 1849 г. Клечковские продали последнее недвижимое имущество в Кургане и навсегда покинули город.

---

¹⁸⁴ Лорер Н. И. *Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 172.*

¹⁸⁵ ГАКО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

¹⁸⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 52. Д. 58/4. Л. 56.

¹⁸⁷ ГАКО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 224. Л. 112.

¹⁸⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 52. Д. 58/4. Л. 34.

¹⁸⁹ ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 98. Л. 1-2.

В начале 1840-х годов (~1841 г.) на поселение в Курган под надзор полиции была определена политическая преступница, шляхтенка Магдалина Саковская, родом с Волыни. Была сослана в Сибирь за распространение патриотических стихов брата. Первоначальным местом ссылки М. Саковской был г. Березов. В Кургане участие в ее судьбе приняла А. С. Ключковская, которая приютила юную соотечественницу в своем доме. А. Ф. Бригген очень трогательно описывает ее в письме к дочери Марии 25 мая 1843 г.: «Эта бедная девушка едва старше 20 лет, довольна хороша лицом, нежная и очень порядочная, была игрушкой злой судьбы, которая сделал ей гримасу, захотела, наконец, улыбнуться»¹⁹⁰. Счастливым поворотом в жизни Магдалины Саковской Бригген связывает с событием, которое произошло накануне. 21 мая 1843 г. в Богородице-Рождественском соборе она заключила брак с Иосифом Федоровичем Боярским 35 лет, римско-католического вероисповедания. Жених имел чин коллежского регистратора и служил в Петропавловской таможне. Поручителем по жениху были декабрист Н.В. Басаргин и чиновник В. Пасек, по невесте – декабрист Ф. М. Башмаков и ссыльный поляк Э. Ключковский¹⁹¹. Смеем предположить, что после бракосочетания М. Саковская последовала за своим мужем в Петропавловск.

В письмах и мемуарах декабристов Бриггена, Лорера, Розена, Назимова называются помимо вышеназванных фамилии ссыльных поляков, с которыми они вместе были на поселении в Кургане: Кошко (Кижо), Дудкевич (Додкевич), Порфирий Важинский, Эразм Черминский, Кастин Закржевский (Закричевский, Краевский), Юлиан Росцишевский, братья Роман и Евстафий Хельмицкие. Официально на поселение в Курганский округ, помимо вышеперечисленных, были определены Грунецкий (с 31 августа 1832 г.), Цирпинский (с 27 августа 1832 г. в Падеринскую волость)¹⁹².

Шляхтичи Плоцкой губернии Евстафий и Роман Хельмицкие были переведены из Ишима в 1835 г.¹⁹³ В Кургане находился их племянник Ю. Росцишевский. Перевод Хельмицких был необходим «для поддержания последнего по бедному состоянию и слабости здоровья»¹⁹⁴. Хельмицкие поселились в пустующем доме Розена на улице Дворянской. Евстафий Хельмицкий в 1840 г. покинул Сибирь и вернулся в Царство Польское. Однако сохранились его связи с оставшимся на поселении в

---

¹⁹⁰ Бригген. А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск. 1986. С. 169.

¹⁹¹ ГАКО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 19. Л. 217.

¹⁹² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 52. Д. 58/4. Л. 12.

¹⁹³ Государственный архив Омской области (далее ГАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 17973, связка к-1037.

¹⁹⁴ Бригген. А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск. 1986. С. 477.

Кургане Бриггеном. Е. Хельмицкий пообещал справиться ссыльному декабристу еотовую шубу по очень сходной цене и выслать ее в имение отца жены Бриггена Софьи Михайловны¹⁹⁵.

Заметной фигурой среди ссыльных поляков был шляхтич Юлиан Росцишевский. Антиправительственные выступления 1830 г. в Польше прервали его учебу в Варшавском университете. В 1833 г. 21-летний Юлиан Росцишевский был арестован за то, что в своем доме принимал заговорщиков. Его поместили в Варшавскую цитадель, а в 1834 г. в кандалах отправили в Сибирь. В Тобольской губернии он, как и многие его товарищи по несчастью, сменил несколько мест ссылки. Жил в Таре, Ялуторовске.

26 апреля 1843 г. в г. Курган под надзор полиции был поселен Непомуцен Решинский. В «Ведомостях о государственных и политических преступниках, находящихся в Тобольской губернии» за 1849 г. дается его характеристика: 48 лет, бывший подпоручик, был адъютантом «мятежных войск» Дверницкого, лишен чинов и дворянства¹⁹⁶. В середине 1840-х Н. Решинский был единственным из сосланных в Кургане поляков военным. А. Ф. Бригген, увлеченный переводом «Записок Цезаря», нашел в Решинском полезного помощника. Решинский сделал копии карт Галлии для иллюстрации походов Цезаря. Этой работой Бригген остался очень доволен.

Одновременно с Решинским в Кургане на поселении находился шляхтич Ковенской губернии Адольф Монстович. Первым его местом заключения был Шлиссельбург. В феврале 1836 г. политический преступник Монстович был выслан в Тобольскую губернию под тайный надзор полиции. Есть косвенные указания на то, что он был сразу же поселен в Кургане. Однако в документах ГАКО первые упоминания о А. Монстовиче относятся лишь к 1849 г. В этом году Монстовичу было отведено 15 десятин пахотной и покосной земли «из дачи прежде отводимой таковым же преступникам Розену со товарищи...»¹⁹⁷. Однако, не имея возможности обзавестись сельскохозяйственными орудиями труда и пр., Монстович от земельного надела отказался¹⁹⁸.

7 июля 1857 г. курганский городничий А. Бучковский просил окружное казначейство выделить под его расписку деньги на прогоны возвращающимся на Родину политическим преступникам А. Монстовичу до г. Ковно 143 рубля 89 $\frac{1}{2}$ копейки и Н. Решинскому до г. Варшавы 154

---

¹⁹⁵ Бригген. А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск. 1986.. С. 141.

¹⁹⁶ Там же. С. 492.

¹⁹⁷ ГАКО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1982. Л. 13.

¹⁹⁸ Там же. Л. 9.

рубля 21 копейку¹⁹⁹. Заметим, что Адам Бучковский в Кургане долгое время был единственным среди чиновников католиком. Вероятно, просьба городничего была отклонена. Деньги на отъезд Н. Решинский занял у курганского купца Федора Шишкина, который впоследствии получил за него пособие 100 рублей²⁰⁰. А. Монстович выехал из Кургана 21 августа 1857 г. На дорогу ему было отпущено 21 рубль 22 $\frac{3}{4}$ копейки серебром²⁰¹.

Вдалеке от привычного окружения поляки сохраняли национальные традиции и даже поддерживали патриотические настроения. Подтверждение тому находим в воспоминаниях А. Е. Розена: «По безлюдным улицам Кургана часто слышны были пение или насвистывание национальной польской песни. 3 мая собрались они у себя торжественно и праздновали память Костюшки»²⁰². Последний год пребывания первых курганских декабристов М. М. Нарышкина, А. Е. Розена, Н. И. Лорера, М. А. Назимова, В. Н. Лихарев ознаменовался грандиозным по курганским меркам рождественским сочельником накануне 1837 г. в доме Нарышкиных. На ужин были приглашены также курганские чиновники и ссыльные поляки. Н. И. Лорер в своих мемуарах это праздничное событие описывает следующим образом: «Был ужин персон на двадцать. После ужина Нарышкина села к роялю, и восхитительные звуки национальных польских песен и гимнов полились по зале. Поляки были тронуты до слез, а бедный Савицкий более всех... Нарышкина перешла к веселым мотивам, заиграла мазурки, краковяки, и мало-помалу горечь этих патриотов дала место разгулу, и мы весело провели этот вечер и поздно разошлись по квартирам»²⁰³.

Многие ссыльные не получали материальную помощь от родных и близких и не имели достаточных средств к существованию. Случайные заработки, как правило, – работа по найму в огородах, на строительстве – не давали большого дохода. На содержание «государственных преступников» и «польских мятежников» власти отпускали определенные денежные суммы. Так, 9 октября 1838 г. на «вспомоществование» декабристам и полякам было выдано 730 рублей 70 копеек²⁰⁴. Но все-таки приятные исключения были. В 1834 г. возможность заработать 100 рублей ассигнациями получил ссыльный Франц Чернецкий. Для города «на большом

---

¹⁹⁹ ГАКО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 185. Л. 48.

²⁰⁰ ГАКО. Там же. Л. 428.

²⁰¹ ГАКО. Там же. Л. 269.

²⁰² Розен А. Е. *Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 175.*

²⁰³ Лорер Н. И. *Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 175.*

²⁰⁴ ГАКО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 31. Л. 92 об.

листе александрийской бумаги» им был выполнен план и фасад Богородице-Рождественского собора, под которым подписался тобольский архитектор Трофимов²⁰⁵.

Часть «польских мятежников» (солдаты и разжалованные офицеры) направлялись для службы в сибирские военные полки. Численность поляков, отбывавших наказание рядовыми в Курганской инвалидной команде, установить сложно. В Кургане в 1830-е гг. служили «поляки из пленных»: Яков Мелешук, Франц Ковальский, Михаил Волковинский, Григорий Беднажевский²⁰⁶. В отличие от шляхтичей они не получали государственных пособий. Некоторые из них, чтобы каким-нибудь образом поправить свое материальное положение и обрести семейную поддержку, вступили в брак с местными женщинами. Так, в 1835 г. в курганской Троицкой церкви состоялись обряды венчания рядовых Курганской инвалидной команды Франца Ковальского и Якова Мелешука на дочерях мелких чиновников. При этом женихи давали подписку: «Сим обязуюсь детей, имеющих произойти от брака нашего, крестить в православную греко-римскую веру»²⁰⁷.

В 1857 г. по Кургану числились политические преступники Валериан Ржажевский (Жонжевский) и Антон-Агатон-Гилярий Марцинкевич. Как и многие ссыльные, они не имели собственных средств к существованию.

В год им выделялось пособие в размере 114 рублей 28 $\frac{1}{2}$ копейки²⁰⁸. Летом 1858 г. А.Марцинкевич был возвращен на Родину²⁰⁹.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что поляки жили автономно. Языковое и религиозное отличия и вытекающие из этого особенности национальных традиций явились главным препятствием для их сближения с местным населением. Не имея возможности посещать в Кургане костел, поляки ходили на службу в православные храмы, но при этом в исповедных росписях обозначали свою принадлежность к католической вере. Брачные союзы они заключали в городе крайне редко и, как правило, только с католиками. В отличие от декабристов, которые, как и большинство поляков, принадлежали к дворянскому сословию и являлись носителями прогрессивной культуры, ссыльные поляки не оказали заметного влияния на развитие курганского общества. В конце 40-х – начале 50-х годов XIX в., получив возможность покинуть Сибирь, они навсегда расстаются с городом Курганом. Исключением является семейство

---

²⁰⁵ ГАКО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 80. Л. 96 об.

²⁰⁶ ГАКО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 19. ЛЛ. 71, 55.

²⁰⁷ ГАКО. Там же. Л. 55.

²⁰⁸ ГАКО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 207. Л. 791.

²⁰⁹ ГАКО. Там же.

И. Воротынского, дети и внуки которого жили в городе до 30-х годов XX в.

Вторая волна польской ссылки в Сибирь связана с подавлением восстания в Польше 1864 г. В 1860-е гг. подавляющее большинство ссыльных в городе были участниками антиправительственных выступлений в Польше. Для объективного освещения количества ссыльных в Кургане и их влияния на городскую жизнь недостаточно ориентироваться на официальные списки. По указам Тобольской казенной палаты ссыльные поляки числились мещанами г. Кургана. Однако наблюдается тенденция, когда причисленные к одному населенному пункту, ссыльные в нем не находились, а проживали в другой местности. Вместе с тем в середине 1860-х гг. в Кургане и Курганском округе приблизительно проживало около ста ссыльных польского происхождения. После окончания срока наказания большинство ссыльных поляков покинули город. Вместе с тем экономические и семейные отношения, сложившиеся у ссыльных поляков (например, у Д. Карчевского, Л. Дзенгелевского, А. Горбачевского) за несколько лет пребывания в Сибири, заставили их навсегда остаться в Кургане.

Долгое время польский след в истории Сибири связывали только с польским освободительным движением и ссылкой его участников. Однако есть и другой аспект проблемы. Это добровольное переселение поляков. Наиболее заметным и интенсивным оно было в последней четверти XIX в. Этническую принадлежность переселенцев установить на данный момент является сложным, поскольку в архивных документах не зафиксирована их национальная принадлежность. Причины, заставляющие покидать жителей западных губерний России родные места, были разные: нехватка земли, неурожай, вынужденное батрачество, плотная заселенность и пр.

В конце XIX – начале XX вв. в Кургане сложилась устойчивая польская диаспора, которая явилась основой для формирования в городе римско-католической общины. В 1860 г. ее численность составляла 68 человек, в 1899 – 145, 1913 – 120²¹⁰.

Еще одна причина миграции в Курган представителей польской и других национальностей (белорусов, украинцев, и пр.) из западных губерний России связана с военными событиями 1914 -1918 гг. С 1914 г. в Кургане наблюдается большой приток беженцев и военнопленных с запада страны. В это время появились общественные национальные организации. В городе действовала польская школа, существовал Польский военный комитет, Польское землячество (Гмина), проводились акции в пользу ра-

---

²¹⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4.Д. 557. Л. 9 об. С. 115; *Обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск, 1900; Обзор Тобольской губернии за 1913 г. Тобольск, 1915.*

ненных польских солдат. Общественная деятельность поляков отражена на страницах местной печати 1914 -1920 гг.: «Курганский вестник», «Народная газета», «Свободное слово» и др.

В 1920 г. в Кургане значилось 1151 человек польской национальности (0,8 % от общего числа горожан), в 1925 – 192, в 1928 – 220²¹¹. На сокращение численности поляков в Кургане очень сильно повлияли политические репрессии 1937-1938 гг. Многие курганские поляки были обвинены в антисоветской деятельности, в причастности к польским контрреволюционным организациям.

---

²¹¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 16. Л. 43; Д. 34. Л. 1 об.

ИЗ ИСТОРИИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ Г. КУРГАНА

Католическая церковь в Зауралье имеет не такую долгую историю, как Русская православная церковь. И это вполне понятно: Сибирь осваивалась православным населением Российской империи, а ее граждане, придерживавшиеся католического вероисповедания, оказывались в отдаленных местах страны исключительно благодаря репрессивным действиям царского правительства уже значительно позже основного заселения края русским православным населением. Между тем, католики, оказавшиеся на поселении, в ссылке, или по иным причинам в Зауралье, несмотря на свою малочисленность, оказали несомненное влияние на жизнь и развитие Курганского уезда.

Неофициальный отчет существования группы курганских католиков можно вести с того времени, когда в уездном Кургане появились ссыльные поляки – участники национально-освободительных восстаний в Польше в 1830-31 и 1863-1864гг.²¹² Хотя отдельные персоны, исповедовавшие католицизм, появлялись здесь и ранее (вспомним австрийского писателя Августа Коцебу, также находившегося несколько лет в Кургане в ссылке). Часть ссыльных после отбытия наказания возвращалась домой, а другая оседала в Сибири, обзаводилась семьями, обрастала завидным хозяйством, благо экономика Сибири позволяла предприимчивым и образованным людям (а ведь практически всех ссыльных поляков можно было причислить к этой группе) очень быстро обрести капиталы. Ярким примером может служить Доминик Свенчиц-Карчевский, прибывший вместе с партией ссыльных поляков в 1863 году в Курган. К концу XIX века он уже был обладателем двух обширных поместий в окрестностях города, молочной фермы и конезавода, а главное – он пользовался несомненным уважением у самых почтенных граждан города.

Первое официальное упоминание о существовании римско-католической общины в г. Кургане относится к 1900 г.: на заседании Курганской городской думы 12 июля 1900 г. рассматривалось прошение уполномоченного по постройке католического молитвенного дома Владислава Феофиловича Сокульского (кстати, имевшего очень высокий чин старшего инспектора Министерства сельского хозяйства по молочной промышленности). Сокульский ходатайствовал об уступке городом в собственность католического общества участка земли площадью в 900 кв. саженей, находящегося на углу Запольной улицы и Телеграфного переулка. Решение о продаже

---

²¹² ГАКО. Ф.8. Он.1. Д.207. Л.47.

земли Курганской думой было принято, и после согласования с Министерством внутренних дел и Тобольским губернатором в 1902 г. вступило в силу²¹³. Необходимость строительства костела именно в этот момент возникла неслучайно: на границе XIX – XX века через Курган прошла Сибирская железная дорога, а среди строителей, обслуживающего и инженерного состава Курганского участка тяги железной дороги было большое количество выходцев из западных российских губерний, традиционно придерживавшихся римско-католической веры. Вновь прибывшие вызвали на новое место жительства свои семьи: уже в Зауралье рождались дети, умирали старики, заключались новые браки. В 1904г. в Кургане по официальным данным насчитывалось уже 408 католиков²¹⁴. И, если ранее курганцы римско-католического вероисповедания, ввиду своей малочисленности пользовались услугами местных православных церквей, то с увеличением общего количества верующих резко выросла необходимость в появлении и католического храма, и католического священника.

В 1902 г. Курганский римско-католический костел был построен²¹⁵. Он вошел в состав Могилевской епархии. Архитектура нового зауральского храма была незамысловата – он был маленький, деревянный, лишь небольшой колоколенкой отдаленно напоминающий своих западноевропейских собратьев. Но несмотря на скромность убранства костела, курганские прихожане его очень любили, т.к. он был построен на их добровольные пожертвования. Всего на строительство храма было истрачено 5931 рубль 89 копеек. Размеры храма были невелики: 19,5 аршин в длину, 12,75 аршин в ширину, 7 аршин 3 вершка в высоту. Участок земли, где был выстроен костел, был окружен деревянной оградой в одну сажень высотой и обсажен тополями. Рядом с костелом была выстроена деревянная колокольня, где размещался колокол в 14 пудов, другой же колокол, в 2 пуда весом, находился в маленькой башенке на фронтоне здания. К храму был пристроен небольшой дом в четыре комнаты, разделенный коридором на две половины: здесь размещались священник и прислуга. Во дворе костела вырыли глубокий колодец.

Все христианские храмы посвящались какому-либо святому. Курганский костел получил название «Святой Божьей Матери Неустающей Помощи». Внутреннее убранство было скромным. В храме имелось два престола: главный – с иконой Божьей Матери и боковой, Святого Антония, с гипсовой статуей этого святого. Из гипса были вылеплены и фигур-

---

²¹³ ГАКО.Ф.288. Оп.1. Д.2. Л.191-194об.

²¹⁴ Памятная книжка Тобольской губернии за 1904 г. Тобольск. 1905.

²¹⁵ ГАКО.Ф.Р-464. Оп.3. Д.503. Л.6-10.

ки ангелов, украшающие главный престол. На почетном месте висел портрет Папы Пия X. Органа, обычного для католического костела, не было, его заменяла фисгармония. При посещении службы прихожане размещались на вместительных 16-местных и 4-местных скамьях. На свои же деньги члены Курганской общины купили специальную одежду для священников, сшитую из шелка, парчи и бархата. Разумеется, в костеле были и все необходимые для богослужения предметы (в т.ч. из серебра), а также религиозная литература.

Первоначально в г. Кургане не было своего капеллана – он приезжал от случая к случаю из г. Тобольска. В 1905 г. в Курганский приход был направлен ксендз Казимир Калинка²¹⁶, прослуживший здесь до 1907 г. Его рукой сделаны первые записи в метрических книгах Курганского костела, чудом сохранившихся до наших дней и находящихся на хранении в государственном архиве Курганской области. Преемниками К.Калинки стали вице-кураты Бронислав Казаковский (служил в Кургане в 1907-1912 гг., в 1913 г. переведен с повышением в Тобольск в звании курата)²¹⁷, Иосиф Усанис (время службы – конец 1912 г.)²¹⁸, Станислав Жамойтук (1913-1915 гг.)²¹⁹, Иосиф Пуржицкий (1915-1919 гг., бежал в 1919г. из Кургана вместе с частями белой армии) и Адольф Ромецкий (1919-1921 гг., в 1921 г. уехал в Польшу)²²⁰. Некоторое время в 1921г. обязанности священнослужителя в г. Кургане исполнял Микуцкий Франц Адамович²²¹. В 1923 г. временным капелланом был пермский ксендз Будрис (уехал впоследствии в г.Челябинск)²²² и настоятель челябинского католического храма, пожилой литовец Иосиф Каспарович Сенвайтис²²³.

Служба в Кургане в разное время имела свои особенности. Практически все курганские ксендзы, так или иначе, преподавали Закон Божий. Действовала традиционная воскресная школа. В зависимости от количества учащихся римско-католического вероисповедания в курганских гимназиях вводились уроки Катехизиса в стенах этих учебных заведений. Так, священники К.Калинка, Б. Казаковский²²⁴ и С. Жамойтук²²⁵ преподавали в

---

²¹⁶ ГАКО. Ф.305. Оп.1. Д.1. Л.1.

²¹⁷ ГАКО. Ф.305. Оп.1. Д.1. Л.5об.-24об.; Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 г. Тобольск, 1911. С.55.

²¹⁸ ГАКО. Ф.305. Оп.1. Д.1. Л.25; Ф.63. Оп.1. Д.87. Л.191.

²¹⁹ Там же. Л.25об.-41об.

²²⁰ ГАКО. Ф.Р-635. Оп.5. Д.6. Л.15-16.

²²¹ Там же. Оп.1. Д.360. Л.11.

²²² ГАКО. Ф.Р-464. Оп.3. Д.503. Л.26-27.

²²³ ГАКО. Ф.Р-567. Оп.3. Д.6. Л.31,49.

²²⁴ ГАКО. Ф.63. Оп.1. Д.1. Л.87; Д.34. Л.170-171,180-182.

²²⁵ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск. 1914. С.49.

1906-1908 гг., и 1910-1915 гг. в Курганской Александровской женской гимназии, вице-куратор И. Пуржицкий в 1916 г. – в Курганской мужской гимназии²²⁶.

Сложно было работать курганским священникам в 1914-1919 гг. Во-первых, резко возросло число прихожан в связи с тем, что в Зауралье хлынули потоки беженцев (была в разгаре 1-я мировая война). Основной театр военных действий находился на западных границах Российской империи, а, как известно, подавляющее большинство жителей этих мест – католики. Во-вторых, в это же время в Курганский уезд были направлены военнопленные, подданные Австро-Венгрии и Германии, которые тоже требовали неустанного внимания католических священников. Только в сентябре 1914 г. по данным городской газеты «Курганский вестник» в Курган прибыло 3025 военнопленных. А поскольку они имели право достаточно свободно передвигаться по территории города, то нередко на католической мессе в курганском костеле в эти годы можно было увидеть рядом с местными жителями венгров, итальянцев, чехов, словаков, австрийцев, немцев. Жизнь военнопленных была не из легких, многие из них умирали от ран, тяжелых инфекций. Всех их в последний путь провожали ксендзы С.Жамойтук и И. Пуржицкий²²⁷. Метрические книги курганского костела того периода свидетельствуют о том, что в начале XX века среди прихожан костела можно было встретить представителей самых разных стран и народов: чехов Гампль (владельцев известного пивоваренного завода в Кургане), немецких переселенцев из Самарской губернии Кригер и Пауль, персидских подданных Баба, испанцев Келдерар, французов Гранклеман. Здесь же в 1913г. был окрещен приемный сын австрийского подданного Иосифа Хотовинского, родившийся на Филиппинских островах. Были и русские прихожане: в метрических записях встречаются фамилии Улановых, Скороходовых, Васильевых, Кузнецовых и др.²²⁸

С приходом Советской власти положение всех конфессий резко осложнилось. Новым декретом декларировалось отделение церкви от государства. На самом же деле государство получило практически неограниченный контроль за деятельностью всех религиозных объединений. Новые власти национализировали все церковное имущество, на пользование которым религиозные общины должны были заключать специальные договоры. 8 августа 1920 г. Курганское римско-католическое общество заключило такой договор с местными властями²²⁹. Пока католичес-

---

²²⁶ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1915. С. 101.

²²⁷ ГАКО. Ф.305. Оп.1. Д.5.

²²⁸ Там же. Д.2. Л5об., 9об., 23об., 25об., 55об., 79об., 84об.; Д.4. Л.43об., 44об., 61об.

²²⁹ ГАКО. Ф.Р-464. Оп.3. Д.503. Л.51-53.

кая община была многочисленной, осложнений в отношении с государством не возникало. Но в начале 1920-х годов многие поляки и литовцы, бывшие российские граждане, вернулись на родину – в уже самостоятельные Польшу и Литву. В связи с этим Курганский окрисполком 22 апреля 1924 г. принимает решение: здание костела у верующих забрать, а «имущество обратить в доход Республики». Повод для закрытия нашелся: в 1922 и 1923 г. Курганский костел подвергся нападению воров (были украдены настенные часы, хоругви, какие-то домашние вещи). И, хотя председатель правления религиозной общины Курганского римско-католического костела С. Эймонт и хранитель имущества И. Недзведский о происшествии сразу заявили в милицию, городские власти обвинили общину в небрежном хранении государственного имущества²³⁰.

С этого времени и вплоть до 1933 г. курганское католическое общество вело постоянную борьбу с местными властями за право пользоваться костелом, на строительство которого еще недавно собирались деньги. Храм отбирали и возвращали несколько раз, причем при ежегодном заключении договора с общиной власти все больше и больше урезали ее имущественные права: из здания костела была вывезена вся мебель, были отданы под жилье посторонним гражданам комнаты в пристроенном к костелу доме. Однажды, в 1927 г., чтобы сохранить костел, курганские католики дошли до Всероссийского Центрального исполнительного комитета и все-таки добились отмены решения городских властей о закрытии храма. Впрочем, во времена воинствующего атеизма участь немногочисленного религиозного объединения была предreshена. В августе 1933 г.²³¹ в последний раз прозвонили колокола курганского костела (именно в этом году по распоряжению областного руководства во всех действующих курганских храмах был окончательно запрещен колокольный звон, сами же колокола в связи с нехваткой цветных металлов были взяты на строгий учет).

Не за горами были уже и годы репрессий, сильно подкосившие польскую диаспору в Кургане. Католическая община распалась, незатронутые репрессиями курганские католики уже боялись вспоминать о своей национальной и религиозной принадлежности даже в своих семьях. И на сегодняшний день практически никого уже не осталось, кто помнит прежние службы в Курганском католическом костеле да и сам костел, здание которого было снесено в 1970-е годы.

---

²³⁰ АКО. Ф.Р-464. Он.3. Д.503. Л.24-25.

²³¹ ГАКО. Ф.Р-567. Он.1. Д.81. Л.104.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КУРГАНСКОГО УЕЗДНОГО ОТДЕЛА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В 1921 Г.

Решение национальных вопросов всегда было одной из важнейших задач Российского государства. Октябрьская революция разрушила уже сложившиеся формы национальной организации государства, однако новая власть не решила национальных проблем и вновь была вынуждена вернуться к ним. С этой целью в центре и на местах создавалась специализированная административная вертикаль.

В конце 1920 г. Постановлением Совнаркома был учрежден Наркомат по делам национальностей, а на местах его интересы представляли губернские и уездные отделы по делам национальностей (отнацы). Их задачами декларировались «осуществление защиты интересов и удовлетворение нужд национальных меньшинств, а также установление братского сожительства, как между ними, так и между национальными меньшинствами и преобладающей национальностью».

Курганский уездный отдел по делам национальностей (Уотнац) был образован согласно постановлению Курганского уисполкома 4 апреля 1921 г. Сотрудникам нового отдела пришлось столкнуться с непростой национальной ситуацией, сложившейся к этому моменту в Курганском уезде. Особенно сложной она была в уездном центре. В Зауралье помимо местного населения, уже неоднородного по своему составу (кроме русских, составлявших большинство, в уезде были представлены украинцы, поляки, татары, немцы, евреи и др.), находилось большое количество беженцев I мировой войны (прибывших из Гродненской и Лифляндской губерний, а также некоторых губерний Царства Польского). В годы войны на территории Курганского уезда было размещено значительное количество военнопленных, бывших граждан Австро-Венгрии и Германии. Часть их них – чехи и словаки – уже покинули уезд, другая же нетерпеливо ждала решения своей участи.

Точная статистика населения, позволяющая определить национальный состав населения Курганского уезда в этот период, отсутствует. Известно, что по предварительной переписи населения 1920 г. в уезде проживало 331512 человек, в т.ч. в Кургане – 25596 человек. По данным Курганского уездного эвакуационного отдела (Уездэвака) с 1 января по 20 ноября 1920 г. было зарегистрировано беженцев и военнопленных около 20 тысяч человек. Даже, если учесть, что эта цифра постоянно менялась из-за сильной миграции, количество представителей этой группы населения, концентрирующейся, в основном в г. Кургане (административном центре уезда и крупном железнодорожном узле), было значительным.

Перед местными нацменьшинствами, беженцами и военнопленны-

ми, вставали отличные проблемы. Объединяло одно: решать их приходилось самостоятельно, т.к. у властей (и колчаковских, и советских) с началом революционных событий и гражданской войны, в условиях постоянной борьбы за удержание власти, не было возможности заниматься второстепенными на тот момент вопросами.

В условиях сложившегося вакуума власти курганские национальные сообщества взяли инициативу по созданию организационных структур, могущих взять на себя представительские функции этих сообществ. Уже в период I мировой войны в Кургане была создана Польская Гмина, объединившая, в первую очередь, беженцев и военнопленных поляков, – бывших граждан Австро-Венгрии, а также потомков ссыльных поляков и переселенцев начала XX века. Это объединение отличала высокая организованность и эффективность. Помимо решения национально-культурных и конфессиональных задач Польская Гмина осуществляла и активную юридическую защиту поляков. Менее организованные общества татар, башкир, латышей, эстонцев, немцев носили, в основном конфессионально-просветительский характер, что объяснялось, прежде всего, малым количеством представителей этих национальностей.

С момента организации Курганского уотнаца последнему пришлось работать с уже сформировавшимися закрытыми национальными объединениями, которые находились вне государственного и тем более партийного контроля.

Курганский уездный исполнительный комитет, который должен был курировать деятельность новой административной структуры, на деле тормозил процесс ее создания, т.к. считалось, что для решения национальных проблем уезда достаточно деятельности Уездэвака и уездного управления по делам о пленных и беженцах (Пленбежа). Поэтому Курганский уотнац был создан в апреле 1921 г. с большим опозданием и только под нажимом Челябинского губисполкома. Дальнейшая работа Курганского уотнаца неоднократно вызывала нарекания губернских властей за пассивную политику. Заведующий отделом З. Мусалимов инициативу формирования кадрового состава отдела делегировал уже существующим национальным объединениям, предложив им направить своих представителей для работы. Челябинский губернский отдел по делам национальностей отверг этот метод работы, предложив согласовывать кандидатуры работников уотнаца не с национальными объединениями, а, прежде всего, с иностранной фракцией Курганской уездной организацией РКП (б), также выдвинувшей своих кандидатов, но уже не с позиций защиты интересов отдельных наций, а с позиций пролетарского интернационализма.

Одновременно с созданием Курганского уотнаца упразднялись все общественные объединения, запрещались все несанкционированные мероп-

рия национальных меньшинств: все возникшие проблемы всецело должен был решать вновь созданный отдел. Для решения поставленных задач в Курганском уотнаце были созданы 5 подотделов – общий, инструкторско-информационный, татаро-башкирский, польско-литовско-украинский и латышско-румынско-немецко-еврейский. Несмотря на обилие отделов, работа Курганского уотнаца не отличалась активностью. Более того, уотнацу не удалось сохранить наработки и достижения предшественников, например, Польской Гмины: не оказывалась поддержка польской школе, не проводились национальные культурные вечера, которые уже к том времени стали традиционными, полностью прекратилась юридическая поддержка граждан польской национальности. Аналогичная ситуация складывалась в работе и с другими национальностями. Курганский уотнац поставил своей основной задачей регистрацию и отправку на историческую родину бывших военнопленных и беженцев (в каком-то смысле дублируя функции Пленбежа и Уездэвака). Причем регистрировались даже те граждане, кто принял российское гражданство и решил остаться в Зауралье. На заседании Курганского укомпомголода была сформулирована причина этой политики: «Это надо сделать в общих государственных интересах, отправив людей на родину, одним этим разряжая государство от беспомощных нахлебников, число которых велико и ложится тяжелым бременем на все государственные ресурсы». К 1922 г. основная масса беженцев и военнопленных была отправлена на родину, существенно снизив количество проблем уотнаца. Однако, сразу стало ясно, что фактически отдел больше ничем не занимался. Национальные культурные, образовательные проблемы оставшихся на территории курганских нацменьшинств практически не решались. За год своего существования Курганский уотнац осуществил всего два проекта в рамках татаро-башкирского отдела: совместно с Курганским отделом народного образования открыл татаро-башкирский детский приют, а также организовал на общественных началах мусульманскую театральную труппу (муструппу), непопулярную у малочисленного местного мусульманского населения.

Наркомат по делам национальностей 29 декабря 1921 г. в целях экономии средств упразднил все уездные отделы. В январе 1922 г. Курганский уотнац также прекратил свою деятельность. За год его существования в Курганском уезде были ликвидированы все самостоятельные национальные общественные объединения, которые действительно могли отстаивать национально-культурные интересы малых народов. С упразднением Курганского уотнаца в уезде не осталось и организации, способной хотя бы в перспективе решать национальные проблемы²³².

²³² ГАКО. Ф. Р-635. Он. 1. Д. 192. Л. 48; Д. 20. Л. 11, 12; Ф. Р-461. Он. 4. Д. 23. Л. 42-42 об.; Ф. Р-635. Он. 1. Д. 17. Л. 156; Он. 1. Д. 211. Л. 8, 16, 20, 21 об.-22, 33; Д. 210. Л. 4, 118 об.-119; Д. 182. Л. 158.

НЕПРАВОСЛАВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ КУРГАНА В 1920-Е ГГ.

На момент окончательного закрепления Советской власти в г. Кургане существовали мусульманская (насчитывающая от 164 до 257 чел.), католическая (от 85 до 191 чел.), иудейская (от 69 до 79 чел.) и протестантская общины.

Кроме того, крупные мусульманские объединения находились в селах Куртамыш (около 80 чел.) и Звериноголовское (около 400 чел.). Все эти общины к 1919 г. располагали значительным движимым и недвижимым имуществом, хорошо организованной общинной структурой и, разумеется, возглавлялись образованными и влиятельными настоятелями. Исключение составляла лишь Курганская протестантская община, где не было постоянного священника: он приезжал для ведения религиозных служб несколько раз в год из губернского Тобольска.

Как известно, принятый Декрет «Об отделении церкви от государства» объявлял все церковное имущество национализированным. С этого момента взаимоотношения со всеми конфессиональными объединениями строились на основе договоров, по которым бывшая церковная собственность передавалась в пользование религиозным объединениям в безвозмездное пользование, но с условием соблюдения определенных общественных и экономических условий. В случае нарушения этих условий переданное в пользование имущество возвращалось государству.

В 1920 г. такие договоры были заключены Курганскими уездными властями с иудейской и католической общинами, в 1923 г. – Курганскими мусульманами, а в 1922 и 1923 гг. – с их единоверцами в с. Звериноголовское и с. Куртамыш. К этим договорам прилагались: полное описание зданий, описи имущества, списки прихожан, общинного совета и анкеты на священнослужителей. Договор с протестантской общиной заключен не был, т.к. в 1921 г. протестантская кирха (ввиду ее бесхозного состояния) была решением властей закрыта, хотя протестантская община на этот год была еще довольно многочисленна - ее основу составляли интернированные в первую мировую войну российские немцы; представители торговых фирм Англии, Дании, а также беженцы I мировой войны – эстонцы и латыши. Беженцы, согласно Договорам об оптации с Латвией и Эстонией, стали массово покидать территорию Зауралья только в 1922–1923 гг. С той же волной репатриантов на Родину возвращались также поляки и литовцы, составлявшие значительную часть Курганской католической общины, а также представители еврейской общины, в 1914–1915 гг. вынужденные покинуть западные губернии, на территории которых прохо-

дили военные действия. Однако, количество членов католической и иудейской общин даже после оттока репатриантов оставалось еще значительным (для заключения договора требовалось наличие не менее 50 человек верующих старше 16 лет). Сохранению малочисленных религиозных объединений способствовал и тот факт, что их основу составляли представители одной национальности, которые в конфессиональных рамках получали возможность реализации своих национально-культурных потребностей. Неслучайно на базе этих религиозных объединений возникали национальные школы – польская школа в Кургане или школа при мечети в с. Звериноголовском. Возникали частные школы с религиозным уклоном, по данным Курганского уездного отдела народного образования, и в других местах. Но существовали они недолго, и распоряжениями местных властей закрывались.

Политика властей по отношению к малым религиозным общинам постоянно менялась. Первоначально политика по отношению к верующим была относительно лояльной. Например, на время религиозных праздников, в зависимости от конфессиональной принадлежности, гражданам предоставлялись короткие отпуска. Но, начиная с кампании по изъятию церковных ценностей в период борьбы с голодом в 1922 г., все острее становилась политика по подавлению религиозного влияния среди населения. Самый большой удар был нанесен по Российской православной церкви, но понесли материальные и моральные потери и малочисленные религиозные общины. Так, было изъято несколько серебряных предметов из курганской синагоги. И хотя в храмах мусульманской и католической общин ничего не было изъято, в силу их крайней бедности, сам факт обыска действовал на верующих деморализующе. Мирное сосуществование Советской власти с различными религиозными организациями уже закончилось, был взят курс на их быстрее вытеснение из идеологической сферы. С этой целью государством использовались как политические, так и экономические методы давления. По стране волной прокатились шумные антирелигиозные кампании «Союза безбожников» – многочисленные карнавалы со сжиганием чучел священников, буржуев, Папы Римского; факельные шествия под лозунгами: «Будем воинствующими безбожниками!», «Гоните попов из рабочих квартир», «Даешь собор под кино!» и т.д. Публикации в газетах, в т.ч. в газете «Красный Курган», также отличались крайним радикализмом: «Наш ответ Папе Римскому», «В ответ на поповско-кулацкое наступление развернем антирелигиозную кампанию», «Мулле не повезло», «А здесь калечат детей» и т.п. Активно формировалось негативное общественное мнение населения по отношению ко всем религиозным конфессиям, и многие прихожане про-

сто боялись посещать храмы, объявленные властями последним прибежищем обитателей старого, враждебного, строя. Социальный состав малочисленных общин Курган был также характерен: у мусульман и евреев это был, в основном, торговцы, у католиков – служащие, половина из которых заявила о своем дворянском происхождении. Вполне логично, что к 1937 году большая часть прихожан попала под государственную политику репрессий.

Была и еще одна причина, заставлявшая власти форсировать задачу сокращения количества инославных общин: как бы ни были сложны отношения Москвы и Русской православной церкви, деятельность последней была легко контролируема, т.к. все ее организационные структуры находились в России. Другие же конфессии имели очень тесные контакты с единоверцами за рубежом и контролировать их было гораздо сложнее. Неслучайно было проведение в начале 1930-х гг. шумной пропагандистской кампании против Ватикана и самого главы Римско-католической церкви Папы Пия II, который, судя по сообщениям советской прессы, чуть ли не собирался в очередной крестовый поход – против Советской России. Само собой, эта политическая акция не могла не уменьшить число прихожан, в т.ч. и курганского костела, боявшихся в глазах местных репрессивных органов предстать шпионами Ватикана.

Существовали и экономические причины закрытия зауральских инославных храмов. И в уезде, и в городе, наблюдался острый жилищный кризис, не хватало помещений для государственных структур. Новое строительство практически не велось. В то же время храмы, являющиеся, де-юре, собственностью города, большую часть времени пустовали. Поэтому рано или поздно отыскивался благовидный предлог, по которому здания у верующих изымались. Чаще всего поводом служил несвоевременный ремонт храмов, требовавший от прихожан крупных материальных вложений, которыми они не располагали. Таким образом, в 1929 г. под культурные цели национальных меньшинств была передана Курганская мечеть, в 1931 г. в распоряжение военных частей поступило здание синагоги. Также в 1930 и 1933 гг. государством были изъяты здания мечетей Куртамышя и Звериноголовского. Последними, в 1933 г., лишились своего здания католики. Кроме того, наблюдалось и резкое сокращение численности прихожан.

Таким образом, малочисленные религиозные общины, сократившиеся за счет естественной убыли верующих поколений, не в состоянии были содержать свои храмы, не в состоянии они были и обеспечить смену поколений: молодежь, увлеченная идеями построения нового общества и

подвергнувшаяся усиленной государственной антирелигиозной пропаганде, не унаследовала веры своих предков.

Проблема взаимоотношений местных властей и малочисленных религиозных конфессий была решена: к середине 1930-х гг. эти общины прекратили свое официальное существование²³³.

---

²³³ ГАКО. Ф. Р-567. Он.3. Д. 4. Л. 5, 11об - 20; Д. 6. Л. 4-8, 33-40, 51-58; Он.1. Д. 81. Л. 74, 102; Ф. Р-464. Он.3. Д. 525. Л. 13, 20, 63, 87; Д. 455. Л. 4, 10-11, 17; Д. 459. Л. 1, 8; Д. 503. Л. 18, 51-53, 58; Ф. Р-852. Он.1. Д. 114. Л. 2; Ф. Р-580. Он.1. Д. 13. Л. 4; Д. 372. Л. 14, 47; Ф. Р-11. Он.1. Д. 4. Л. 161; Ф. Р-755. Он.1. Д. 65. Л. 225; Ф. Р-461. Он.1. Д. 78. Л. 36; Ф. Р-635. Он.3. Д. 3. Л. 84, 89, 91, Д. 3; 128; Ф. Р-755. Он.1. Д. 352. Л. 78; Ф. 613. Он.1. Д. 29. Л. 30.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КУРГАНЕ

Страны, участвовавшие в Первой мировой войне 1914-1918 гг., несли большие потери в личном составе своих армий, в т.ч. пленными. Так, в этот период на Восточном фронте Германия потеряла пленными 165000 солдат и 22082 офицера, Австро-Венгрия – 1670395 солдат и 54146 офицеров, Турция и Болгария – 50200 солдат и 950 офицеров. В лагерях военнопленных, размещенных на территории Российской империи, не охваченной военными действиями, размещалось около 2 миллионов пленников: чехов, словаков, немцев, австрийцев, венгров, сербов, болгар, хорватов, словенцев, черногорцев, македонцев и представителей других национальностей. В Тобольской губернии, в т.ч. и Курганском уезде, к 1917 г. было распродоточено около 27000 человек военнопленных. 3 сентября 1914 г. газета «Курганское слово» сообщила о прибытии в г. Курган первой партии пленников в числе 3000 рядовых и 25 офицеров, состоящей преимущественно из славян. Всего же в уезд было направлено около 4000 человек.

Большое количество военнопленных было в какой-то степени неожиданностью для властей, поэтому их размещение и использование в начале войны характеризовалось некоторой хаотичностью. Однако по мере усиления мобилизации трудоспособного военнообязанного населения России, в экономике страны все жестче ощущался дефицит трудовых ресурсов, и правительство стало проводить более прагматичную политику в плане использования труда военнопленных. Так, в августе-сентябре 1915 г. Особым Совещанием по обороне государства было принято решение снять военнопленных с сельскохозяйственных работ и предоставить их промышленным предприятиям, а в марте 1916 г. «ввиду необходимости пополнения убыли рабочих рук в сельском хозяйстве, имеющем в условиях переживаемого времени первенствующее значение», и с целью сохранения посевных площадей все работоспособные военнопленные, состоявшие в распоряжении Военного ведомства, были распределены между 33 губерниями и срочно доставлены для сельскохозяйственных работ. В аграрный сектор направлялись и новые военнопленные, по мере их поступления с фронта

Курганский уезд также испытывал острую нехватку рабочей силы. Только через волостные правления к июлю 1915 г. в адрес уездного руководства поступило 3440 ходатайств солдатских семей на привлечение в хозяйства 4772 военнопленных. Учитывая, что 3500 человек, выделенных на уезд, не покрывали нужд сельских обществ, Курганский уездный съезд крестьянских начальников обратился к Губернатору о дополнительном

отпуске еще 2000 человек. Уполномоченный Курганского Отдела Московского Общества сельского хозяйства (КОМОСХа) по приему и распределению между хозяевами военнопленных И.А. Михайлов писал в штаб Омского военного округа 2 июля 1915 г.: «Как предположительно выясняется, таким числом военнопленных удастся покрыть лишь часть потребности в рабочих семей лиц, призванных на войну. Да и то часть весьма незначительную. Между тем, огромный недостаток рабочих рук выясняется все с большей очевидностью: перед началом сенокоса еще можно было [нанять] поденных (мужчин) за высокую плату (2 руб. 50 коп., 2 руб. 90 коп. в день). Теперь же ни за какую цену рабочих найти нельзя. Ежедневно поступающие в Отдел заявления землевладельцев и крестьян лучше всего показывают, как остро уже и сейчас еще до начала уборки хлебов, чувствуется недостаток рабочих рук». В связи с постоянными ходатайствами населения о дополнительном отпуске военнопленных начальник штаба Омского военного округа рекомендовал курганскому уездному исправнику 8 мая 1916 г. распространить среди населения сведения о том, что «обращения к военному ведомству о наряде пленных на работы бесполезно, т.к. все пленные получили назначение на сельскохозяйственные работы, и все ходатайства будут оставляться без удовлетворения».

Из 3500 пленных по приказу Курганского воинского уездного начальника в распоряжение Председательствующего Курганского уездного Съезда Крестьянских начальников К.П. Нилова для распределения по волостям были переданы 2850 человек, а 650 человек были постоянно расквартированы в самом Кургане. Кроме того, по ходатайству КОМОСХа Тобольскому Губернатору телеграммой начальника местной бригады 11 июня 1915 г. был разрешен отпуск Отделу для распределения между хозяевами еще 500 военнопленных.

Согласно распоряжениям Тобольского губернатора, в июне 1915 г. труд военнопленных подлежал использованию «первым делом в хозяйствах призванных нижних воинских чинов и ратников ополчения, затем у беднейших крестьян и только при наличии избытка военнопленных – у зажиточных крестьян и частных владельцев». Главным условием было, чтобы труд каждого военнопленного использовался в хозяйстве не менее как на 15 десятин посева.

Таким образом, военнопленные были распределены, прежде всего, между волостными сельскими обществами и крупными землевладельцами Курганского уезда Е.Л. Кропаниным, Л.Л. Дзенгилевским, Г.Е. Лукиановым, Карчевскими, И.Н. Мякининым, купцами Смолиными, А.И. Кочешевым, В.М. Ячинцом др. Помимо этого пленные трудились на заимке

Общества поощрения рысистого коннозаводства и на молочной ферме КОМОСХа, они активно использовались в лесном хозяйстве (неквалифицированная работа в лесничествах по заготовке дров для железной дороги, мелиорация) и в военном ведомстве (работа в оружейных мастерских). Их труд был востребован на общественных работах по земскому и городскому хозяйству (ремонт дорог, приведение в порядок сточных городских канав и др.), а также на частных предприятиях Курганского уезда: винокуренном заводе Смолина, крахмально-паточном заводе Ванюкова и К^о, мельнице В.А. Дунаева в д. Курганской, в товариществе «Сибирская клепка», на Галаевском, Ново-Марковском и Ново-Сидоровском маслодельных заводах.

По мере установления более тесных контактов с местным населением военнопленные устраивались у частных лиц в качестве кучеров, домашней прислуги или находили для себя более квалифицированную работу приказчиков, конторщиков и т.д. Это явление получило довольно широкое распространение, и тобольский губернатор Ордовский-Танаевский издал 29 февраля 1916 г. постановление, по которому запрещалось использование военнопленных в качестве прислуги, а лица, виновные в нарушении подвергались тюремному заключению или крупному штрафу.

Первоначально прибывшие военнопленные были расквартированы в приспособленных для этого городских помещениях: в здании Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства («Саманном Доме»), Общественном Собрании, Дамском попечительском обществе, в кинотеатрах, цирке, в подсобных постройках ипподрома, во всех пивных лавках города, в гостинице Баранцева и в крупных частных домовладениях. Незначительное количество пленных находилось в Курганской тюрьме. Больные и раненые поступили в городскую больницу. Учитывая, что городская больница не справлялась с потоком больных, Городская управа вышла с ходатайством к тобольскому губернатору о разрешении занять здание казенного винного склада под военный лазарет.

Чуть позже в г. Кургане для пленных были построены лагерные бараки. Однако большую часть времени они стояли полупустыми: их обитатели в основном жили в хозяйствах у нанимателей.

Весь контингент лагеря военнопленных делился на роты, которые, в свою очередь, формировались преимущественно по национальному признаку. Более того, запрещалось нахождение в одной волости пленных немецкого и венгерского происхождения и военнопленных славянских национальностей. В начале войны к работам привлекались, главным образом, военнопленные из славянских народов; австрийцы же, венгры и немцы к работам не допускались совсем. И только в 1915 г., когда была

проведена массовая мобилизация трудящихся России, царское правительство стало использовать военнопленных всех национальностей.

К обязательному труду привлекались все рядовые военнопленные вплоть до унтер-офицеров. Исключались из этой категории подпрапорщики, вахмистры, фельдфебели, вице-фельдфебели, вольноопределяющиеся одного года и высшие офицерские чины. Военнопленные офицеры не принуждались к работе, однако они содержались за свой счет, и при неимении средств к существованию все равно вынуждены были устраиваться на работу.

Использование труда военнопленных регламентировалось «Правилами о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств», утвержденными Правительством 7 октября 1914 г., «Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 г., «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 г. С установлением в уезде власти Временного Сибирского правительства и союзных ему чехословацких войск комендантом города, поручиком чехословацких войск В. Сухим 6 июня 1918 г. было утверждено новое Положение о военнопленных. 22 мая 1919 г. аналогичные по содержанию «Правила о порядке отпуска военнопленных на работы казенные, общественные и частные» были утверждены Главным начальником Курганского военного округа. Во всех этих правилах регламентировались условия содержания, охраны и найма военнопленных.

В частности, наниматели должны были обеспечить приемлемый уровень жизни нанятых пленных работников (определенный минимум заработной платы, снабжение продовольствием и одеждой, соответствующее санитарным нормам жилье, врачебная помощь и т.д.). Наниматели же несли полную ответственность за поведение и охрану военнопленных, работавших в их хозяйствах.

Оплата труда военнопленных варьировалась. Согласно распоряжениям тобольского губернатора июня-июля 1915 г. и начальника Омской местной бригады от 26 июня 1915 г. установление цен для оплаты труда военнопленных было предоставлено Уездному съезду крестьянских начальников, при условии, чтобы расценка была не ниже 25 коп. за рабочий день, с возложением на работодателей обязанности кроме платы предоставлять пленным продовольствие, в случае износа - одежду и обувь. Из заработной платы не менее 25 коп. платилось военнопленному, а остальное, сверх 25 коп., могло быть израсходовано на вознаграждение должностных лиц Уездного съезда крестьянских начальников, волостного и сельского уп-

равлений по заведованию военнопленными. В результате 8 июля 1915 г. Уездным съездом была установлена поденная оплата труда военнопленных в 30 копеек, из которых 25 коп. платилось военнопленному, а остальная сумма распределялась между волостными, сельскими правлениями и уездным руководством. В 1916 г. дневная плата устанавливалась в 35 коп., при перечислении 5 коп. в Курганское казначейство.

9 августа 1917 г. военный министр Временного Правительства установил, что из заработной платы военнопленных, которая определяется сообразно местным ценам для каждой категории работ, на руки пленным должно выдаваться от 20-ти и не более 50 коп., в зависимости от продуктивности работы, прочая же часть заработной платы, за вычетом всех расходов по содержанию пленного, должна сдаваться предприятиями в доход казны.

С 1918 г. условия найма военнопленных определялись, в отсутствие правительственных, местными постановлениями: в 1918 г. на основании распоряжения Курганского уездного воинского начальника Алексева от 8 июля 1918 г. с пленных, находившихся на сельскохозяйственных работах, обязательно из заработанных ими денег необходимо было отчислять в пользу казны по 15 коп. с каждого заработанного рубля. Сам же размер оплаты устанавливался волостным земским собранием. Однако отчисления земских управ за использование труда военнопленных в пользу казны были нерегулярны, доходы занижались, по многим волостям такие отчисления совсем не проводились. Кроме того, учитывая крайний дефицит рабочей силы в деревне, военнопленные сами диктовали за свой найм цены, далеко превышающие расценки, установленные Уездным съездом крестьянских начальников.

Контроль уездными властями за исполнением условий содержания военнопленных вне городских границ уездными властями осуществлялся слабо. Но серьезных нарушений, по-видимому, не наблюдалось: слишком велика была конкуренция нанимателей в борьбе за рабочую силу – военнопленные зачастую имели возможность выбора хозяев, а следовательно, и более выгодных и комфортных условий найма. В сентябре 1916 г. Министерство земледелия констатировало, что «сведений о каких-либо существенных недочетах в обеспечении надлежащих условий жизни военнопленных, состоящих на работе ведомства, не возникало, равно как среди этих пленных не возникало серьезных массовых заболеваний».

Международный контроль за положением военнопленных в Тобольской губернии осуществлялся датским представительством в лице Уполномоченного датского посольства в Омске. Деятельность датской делегации на некоторое время прерывалась и была возобновлена к концу войны в

декабре 1918 г. В 1918 г. эту должность занимал Вильям Слибен.

Отношение местного населения к военнопленным если и было поначалу настороженным, то уже по истечении нескольких месяцев отличалось редкой толерантностью. В своем докладе члена Правления КОМОС-Ха И.А. Михайлов 1 июля 1915 г. отмечал: «С самого начала распределения военнопленных между хозяевами обнаружилось, что во многих селениях между военнопленными и мирным населением создались весьма тесные связи. С особенной резкостью это проявляется там, где и представители Военного ведомства в лице старших наблюдающих за военнопленными принадлежали к мирным жителям. Так, в с. Нижне-Дубровском, несмотря на распоряжение Курганского Военного Начальника об отпуске на работы Курганскому Отделу [КОМОСХу] 17 военнопленных, из 100 военнопленных, расквартированных там, не удалось получить ни одного: все категорически отказались работать где-либо, кроме «своего села». В более мягкой форме то же проявлялось и в других местах...

Случаи отказа от работ весьма многочисленны, но я [их] не привожу, т.к. очень часто этот отказ вызывается действительной непригодностью военнопленного к тяжелой крестьянской работе (например, попадали на работу бухгалтера, скрипачи, портные). При той легкости, с какой Отдел до сих пор относился к таким отказам, и при предупредительности Отдела к желанию военнопленных перемениться хозяевами, самовольный исход является прямо-таки угрожающим симптомом, обнаруживая как полное непонимание военнопленными их положения, так и готовность населения потворствовать таким проявлениям «привязанности»).

Надзор за поведением, внутренним порядком и охраной военнопленных в местах их водворения возлагался на сельских старост, волостных старшин, членов волостных попечительств под ближайшим руководством участковых крестьянских начальников и чинов общей полиции, которые о каждом случае нарушений со стороны военнопленных должны были доводить до сведения курганского уездного воинского начальника.

Наиболее частыми правонарушениями со стороны военнопленных, отпущенных для производства работ, являлись незаконные требования и отказы от работ на менее имущих хозяев. Кроме того, в деревнях военнопленными не соблюдались и общие дисциплинарные правила. Председатель Уездного съезда крестьянских начальников К.П. Нилов констатировал в августе 1915 г.: «Со стороны членов попечительства, а равно волостных и сельских должностных лиц, положительно нет никакого надзора за отпущенными в распоряжение попечительств для сельскохозяйственных работ военнопленными, и не установлено между нуждающимися в рабочих руках сельскими хозяевами порядка пользования трудом военноп-

ленных. Пленные, не чувствуя над собой надзора и власти, мало того, что свободно разгуливают в нерабочее время по селам, допускают самовольную отлучку в город и другие селения без всякого надзора, и, благодаря отсутствию охраны, фактически было много случаев побега военнопленных». Министерствами внутренних и военных дел губернаторам в 1916 г. были предоставлены права по применению дисциплинарных взысканий: максимальным по тяжести из них было 3-месячное тюремное заключение в каталажных камерах волостных и сельских правлений, станковых квартир и полицейских управлений, однако в общей массе военнопленные наказывались довольно редко.

В Кургане ситуация была во многом схожая: контролировать степень и глубину личных взаимоотношений работодателей и военнопленных было практически невозможно. Однако, в городе были расквартированы и пленные офицеры, за которыми осуществлялся более строгий надзор, и установление неформальных связей между ними и горожанами не поощрялось. Так, например, в 1915 г. преподавательница немецкого языка Курганской Александровской женской гимназии Паулина Руф была уволена со службы за то, что открыто поддерживала знакомство с военнопленными офицерами и принимала их у себя в квартире в качестве гостей.

Постепенно отношение властей, как центральных, так и местных, по отношению к военнопленным становилось все либеральней. 17 мая 1917 г. Министерством внутренних дел был установлен порядок перехода военнопленных в число граждан Российского государства, по которому прием в российское подданство неприятельских военных, состоящих в рядах Русской армии или добровольческих воинских частях, был признан возможным и желательным при наличии отличной рекомендации начальника той части, где они проходили службу, и при благоприятном отзыве местных властей. Чуть позже, 6 июня 1917 г., военный министр в качестве общей меры разрешил вступать в брак с русскими гражданами неприятельским военнопленным славянам с небольшими формальными ограничениями.

Об уровне взаимоотношений местного населения и военнопленных, сложившихся за время их пребывания в Курганском уезде, говорит и такой факт: 4 января (22 декабря) 1919 г. в Офицерском собрании г. Кургана состоялся концерт симфонического оркестра 9-го чехословацкого «Карла Гавличка Боровского» полка под управлением капельмейстера Углиржа (в составе оркестра – бывшие военнопленные чехи и словаки) в пользу возвращающихся русских военнопленных (т.е. бывших военных противников).

По окончании Первой мировой войны и заключении Брест-Литовско-

го мирного договора 3 марта 1918 г. военнопленные, подданные Австро-Венгрии и Германии, получили юридическое право вернуться на родину. Однако в силу политических и экономических причин это возвращение затянулось. Первыми получили такую возможность военнопленные чешской и словацкой национальностей.

Согласно совместному Приказу курганского уездного воинского начальника подполковника Наумова и заведующего военнопленными прапорщика чешской армии Копицкого от 8 июля 1918 г. все военнопленные чехи, словаки и венгры снимались с работ и направлялись в Управление курганского воинского начальника для решения вопроса об отправке их на родину.

Остальная часть военнопленных возвратилась в Европу гораздо позднее: их отправкой занималось уже Советское правительство и уполномоченные ими органы на местах: уездные управления по эвакуации (Уездэвак) и по делам о пленных и беженцах (Пленбеж). В 1920 г. этими организациями на территории уезда было зарегистрировано 4047 военнопленных, из них отправлено на родину 4 эшелона пленных иностранцев в количестве 776 человек. Часть бывших военнопленных приняла Российское гражданство и осталась в Курганском уезде (по косвенным приблизительным подсчетам - более 200 человек).

Таким образом, присутствие насильно внедрившихся в экономику края военнопленных Первой мировой войны сыграло свою особую роль в поддержании приемлемого уровня экономического состояния Курганского уезда в те годы, кроме того, продемонстрировало высокую степень толерантности общества, их принявшего²³⁴.

---

²³⁴ ГАКО. Ф. 267. Оп.1. Д. 23 а, Л. 79, 139-141 об., 221, 228-230 об., 234-235 об., 339, 396-396 об., 409-410, Д. 24. Л. 27; Ф. 167. Оп.1. Д. 189. Л. 52, 109-109 об., 136, Д. 178. Л. 101-102 об.; Ф. 129. Оп.1. Д. 500. Л. 1-2, 179-179 об., 187, 216-216 об., 226, 234-235 об., Д. 596. Л. 96; Ф. Р-852. Оп.1. Д. 38. Л. 13,14; Д. 45. Л. 1-2, Д. 44. Л. 3-3 об., Д. 49 а, Л. 53., 118-118 об.; Ф. Р-408. Оп.1. Д. 6. Л. 26-26 об.; Ф. 168. Оп.1. Д. 20. Л. 48; Ф. 63. Оп.1. Д. 90. Л. 145; Ф. Р-464. Оп.3. ДД. 1-335; *Интернациональные части в боях за власть Советов*. М., 1960. С. 7; Н.И. Загороднюк. *Депортация населения в годы первой мировой войны* // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея*: 1996. Тюмень, 1998. С. 97; Н.В. Суржикова. *Военнопленные в экономике Среднего Урала* // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып.5. Екатеринбург, 2005. С. 152; *Курганское слово*. 1914. 3 сентября. С.4; *Известия Курганского городского общественного управления*. Вып. 13. 1914. 20 сентября. С. 199; Вып. 17-18, *Курган*, 1914. 20 декабря 1914 г. С.274; Вып. 14. *Курган*, 1914. 5 октября 1914 г. С.211; *Курганская свободная мысль*. 1919. 4 января (22 декабря). С.1; *Новый мир* (г. Курган). 1917. 30 сентября.

Городские прогрессы. Человек на службе городу

ХРАНИТЕЛИ КАЗНЫ ГОСУДАРЕВОЙ: ЧИНОВНИКИ КУРГАНСКОГО КАЗНАЧЕЙСТВА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Появление Курганского уездного казначейства стало закономерным следствием создания целой системы учреждений уездного уровня в связи с приданием Кургану статуса города в 1782 г. Казначейство ведало сбором и хранением государственных доходов, следило за их передвижением, выдавало свидетельства на право торговли, промыслов, устройство промышленных заведений, занималось хранением денежных сумм присутственных мест и т.п.

Бурное развитие хозяйственной деятельности в Кургане и уезде во второй половине XIX - начале XX в. привело к усложнению работы казначейства и вызвало разрастание первоначально небольшого штатного состава. Если в 1864 г. на службе в Курганском казначействе состояли четыре табельных чиновника – казначей, бухгалтер, журналист и его помощник, то в первые годы XX столетия их стало в шесть раз больше. Сначала появляется должность кассира, далее добавляется кассир 1-го разряда, кассир 2-го разряда; позже двум бухгалтерам казначейства становятся крайне необходимы помощники; появляются такие новые должности как присяжный счетчик и счетный чиновник; наконец, для работы в казначействе начинают принимать вольнонаемных, то есть не состоящих на государственной службе, писцов.

В основном, личный состав Курганского казначейства отличался постоянством в отличие от других государственных учреждений г. Кургана. Конечно, некоторые успели послужить в других казначействах, а нередко и совсем в иных ведомствах. Например, старший бухгалтер казначейства, коллежский советник Василий Степанович Лапин, прослужив на этой должности около года, в 1915 г. вернулся в Туринское казначейство, но уже с

повышением - на должность уездного казначея. Подобные перемещения обосновывались соображениями начальства о служебном соответствии чиновника занимаемой должности и чаще всего практиковались в Министерстве внутренних дел. Таким способом, кстати, бюрократические верхи пытались бороться с взяточничеством. Однако специфика финансового учреждения, где от чиновника требовались специальные знания, не позволяла разбрасываться квалифицированными людьми. Ведь отсутствие нужного количества подготовленных кадров грозило привести к сбою в работе. Как писал в 1916 г. в Казенную Палату курганский казначей Георгий Васильевич Россомахин: «Усиленная работа по некоторым делопроизводствам вверенного мне Казначейства как например: пенсионному и Сберегательной Кассе, может быть в настоящее время, за некоторым некомплектом служащих, выполняема только при напряженном труде личного состава».

Большинство же служащих Курганского казначейства работали здесь длительное время: начинали службу с канцеляристов и дослуживались до табельных должностей. Так произошло с выходцем из чиновничьей семьи Иваном Андреевичем Рычкаловым, который после окончания Курганского уездного училища в 1878 г. был определен в штат местного казначейства в качестве канцелярского служителя, да так здесь и остался. Уже вскоре ему пришлось исполнять должность помощника бухгалтера. Постепенно Иван Андреевич продвигался по служебной лестнице вверх и в 1900 г. был уже титулярным советником, что весьма неплохо для уровня уездной бюрократии.

В стенах казначейства складывались даже целые чиновничьи династии! Из трех сыновей курганского казначея Ивана Васильевича Муромцева, кстати, также потомственного чиновника, два сына – Василий и Вячеслав выбрали бюрократическую стезю, как их дед и отец, и не просто сохранили профессию, но и ее специфику: служили по ведомству финансов. Старший Василий - как в Туринском казначействе, так и в Тобольской казенной палате. А Вячеслав - вместе с отцом в Курганском казначействе: в свои двадцать три года он имел чин губернского секретаря и должность помощника бухгалтера.

Многолетняя служба в стенах казначейства позволяла курганским чиновникам компенсировать отсутствие профессионального образования. Вот что писал в 1911 г. наш казначей Георгий Васильевич Россомахин в характеристике Феликса Гусева, ходатайствуя перед Казенной палатой о назначении его на должность кассира: «За 5-6 лет своей службы Гусев постепенно получил ознакомление почти со всеми операциями: он вел расходный реестр, приходный журнал, счетоводство со специальными

средствами и депозитами, окладное дело, несколько раз замешал бухгалтера, заведующего счетоводством по Сберегательной Кассе и кроме сего в течение нескольких месяцев составлял отчетность по банковым операциям. В высшей степени распорядительный и быстро усваивающий всякое новое дело Гусев с самого начала своей службы заслуживает особого внимания и в виду сего ему всегда поручалось более ответственно дело ...». А канцелярский служитель Иван Васильевич Григорьев в 1900 г. получил от начальства похвалу за то, что «с большой любовью и вниманием» занимался изучением отраслей казначейского дела в свое свободное время! Видимо не зря, так как к 1917 г. Иван Васильевич дослужился до надворного советника и до должности старшего бухгалтера.

Например, никто из десяти чиновников Курганского уездного казначейства, занимающих положенные по штатному расписанию на 1913 г. должности (казначей, старший бухгалтер, бухгалтер первого разряда, кассир первого разряда, два кассира второго разряда, два бухгалтера второго разряда, два счетных чиновника), не имел профессионального образования. Сам курганский казначей, коллежский асессор Георгий Васильевич Россомахин «воспитание получил» в Тюменском уездном училище. В Кургане же Г.В. Россомахин прослужил почти 20 лет: с 1897 по 1916 гг. (Даже вторично женился здесь на Елизавете Никоноровне, которая была моложе его на целых двадцать лет!) За счет своеобразной верности казначейскому делу ему и удалось возместить отсутствие специального образования практической подготовкой непосредственно во время исполнения тех или иных обязанностей. Еще до перевода в наш город Георгий Васильевич был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Кассир первого разряда, коллежский асессор Иван Иринархович Серебряков ограничился получением домашнего образования. Титулярный советник Василий Илларионович Слаута, являвшийся также кассиром Курганского казначейства, вообще имел неполное среднее образование – 5 классов гимназии.

Но отсутствие специального образования среди служащих нашего казначейства ни коим образом не является их виной, скорее бедой всего русского чиновничества, поднять образовательный уровень которого передовые умы пытались на протяжении всей истории его существования.

Гарантированный кусок хлеба, относительная стабильность положения, статус представителя власти, некоторые социальные гарантии – все это влияло на выбор государственной службы в качестве деятельности, которой можно посвятить свою жизнь. Вот почему на службе в казначействе оказывались не только потомственные чиновники. Были там и мещанские, и купеческие, и солдатские дети. В 1900 г. в штате на правах канцелярского служителя появляется Александр Иванович Митрофанов

– крестьянский сын, получивший образование в местном уездном училище, столь популярном среди чинов казначейства.

Во второе десятилетие XX в. в на службе в нашем казначействе появляются женщины. И хотя в это время закон допускал поступление лиц женского пола на государственную службу с приобретением всех соответствующих этому статусу прав, в Курганском казначействе таковые оказываются лишь в качестве вольнонаемных. В 1913 г. «о допущении, ввиду ее крайне тяжелого материального положения» на службу в казначейство ходатайствовала Екатерина Константиновна Карпинская. Служить она хотела в качестве «составительницы неграмотным клиентам Казначейства разных объявлений и заявлений», одновременно указывая на огромный двенадцатилетний опыт в этом деле. А в 1916 г. среди вольнонаемных писцов мы видим Анфису Демину, жену нижнего чина, и крестьянку Марию Гаврилову.

Вступая в ряды бюрократии, человек вынужден был согласиться и на все негативные стороны существования в чиновничьем мундире. Это – строгая регламентация не только служебной деятельности, но и своего внеслужебного поведения. Положение гражданских царских чиновников напоминало порой положение военных. Например, любому служащему приходилось «испрашивать» разрешение начальства на вступление в брак. В 1909 г. покончить с холостым состоянием пожелал канцелярский служащий Курганского казначейства Петр Михайлович Урбанович. Он решил связать себя узами брака с дочерью курганского купца второй гильдии Ольгой Константиновной Мергеневой. И началась великая переписка! Сначала Урбанович просит своего непосредственного начальника – курганского казначея – ходатайствовать о разрешении на брак «у господина Управляющего Тобольской Казенной Палатой», что собственно казначей и делает. Управляющий, в свою очередь, разрешает свадьбу, но просит выслать метрическую выписку о будущей жене для заполнения нужной графы формулярного списка Петра Михайловича. Можно представить, до каких объемов возросло чиновничье бумаготворчество, если и без того в переписке между учреждениями можно было утонуть.

Да, чиновники казначейства буквально сидели на деньгах (под их конторой находилась денежная кладовая), однако собственные оклады их часто не удовлетворяли, о чем говорят бесчисленные прошения об увеличении размера жалования. И это при том, что представители финансового ведомства получали на порядок большее жалованье, чем чины Министерства внутренних дел, в ведомственной подчиненности которого стоял губернатор, вице-губернатор и другие члены высшей губернской администрации!

Приведем для сравнения размеры некоторых служебных окладов чинов Министерства финансов на рубеже XIX - XX в. Управляющий Тобольской казенной палатой получал 3100 рублей серебром в год. А какие были оклады работников нашего казначейства. У казначея – 1200 руб. серебром (из них жалованья 800 руб., столовых 400 руб.); у бухгалтера I разряда - 700 руб. жалованья и 300 руб. столовых; штатный писец получал 360 руб., а канцелярист казначейства - «по трудам и заслугам».

Заглянем на курганский рынок и сравним: пуд ржаной муки в это время стоил от 40 до 90 коп., пуд масла - от 2 руб. до 3 руб. 40 коп., за квадратную сажень березовых дров вы заплатили бы от 1 руб. 40 коп. до 2 руб. 40 коп. Так что считайте!

Кроме традиционного жалованья, столовых и квартирных денег (последние иногда заменялись предоставлением жилья) чиновники Курганского казначейства получали так называемые «разъездные» деньги – своего рода командировочные. Они предназначались на наем лошадей при разъездах по округу или губернии в зависимости от должностной специфики. В нашем казначействе ездить по уезду приходилось практически всем штатным чиновникам – от казначея до счетного чиновника.

Кроме того доход служащих вырастал благодаря денежным вознаграждениям за выполнение различных сверхнормативных обязанностей и премий к праздникам. Например, рождественские премии в Курганском казначействе были традицией. Распределял эти деньги между чинами казначей «по своему усмотрению». Также те, кто не являлся уроженцами сибирских губерний, получали добавочные деньги «за службу в Сибири».

И все-таки, несмотря на постоянную нехватку денег, чиновники нашего казначейства участвовали в самых разных благотворительных акциях. Например, в самый разгар войны с Германией обычными были пожертвования в пользу общества Красного Креста, семьям чинов, призванных на военную службу, для ухода за ранеными, «призрения и воспитания сирот».

Сколько-нибудь заметные изменения в жизни Курганского казначейства и его служащих стали происходить в конце 1917 – начале 1918 г. Например, в штате казначейства появляются эвакуированные чины из Лифляндской казенной палаты. Появляется «Союз служащих Курганского казначейства». Теперь кадровые вопросы Казенная палата не может решить в обход общего собрания чиновников Курганского казначейства. А это значит, что веками складывавшийся механизм работы казначейства начинает постепенно разрушаться. В июне 1918 г. от недолго просуществовавшей в нашем регионе советской власти казначейство, как и весь государ-

ственный аппарат, «в крайне тяжелом положении» переходит Временному Сибирскому Правительству. У служащих сначала отбирают отпуска, а новая власть в следующем году и вовсе лишает их работы!

Наше казначейство в масштабах Российской империи было, конечно, небольшим уездным учреждением. Но оно играло роль того винтика, без которого функционирование всего государственного механизма было бы невозможно: государство не могло бы собирать налоги, служащие не получали бы жалованья, банки стояли бы закрытыми. Одним словом, жизнь провинциального сибирского города, каковым являлся Курган, не могла протекать нормально без четко отлаженной работы чиновников казначейства²³⁵.

---

²³⁵ ГАКО. Ф. 175. Оп.2. ДД. 81, 221, 285, 295, 818, 860, 920, 991, 1032, 1068, 1165, 1121, 1330; РГИА. Ф.1152. Оп.11. Д.413; *Материалы Географии и Статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Часть 2.* СПб., 1864; Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т.* СПб., 1999.

ЭХ, ВЕЗИ МЕНЯ, ИЗВОЗЧИК: ГОРОДСКОЙ ИЗВОЗНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Долгое время в Кургане основным легковым транспортом считались извозчицьи экипажи. Конечно, город совсем небольшой, его можно было запросто обойти пешком, не пользуясь никаким транспортом, но грязь, отсутствие тротуаров, а в вечернее и ночное время еще и освещения, делали эти прогулки совсем небезопасными и не доставляли удовольствия.

Согласно Городовому положению торговый извоз в городских поселениях регулировался городскими думами. Им же предоставлялось право издавать постановления об извозном промысле, типах извозчицьих экипажей, а также устанавливать таксы за пользование этими экипажами.

К 1880 году городские власти попытались упорядочить данный вид деятельности в Кургане. Было принято решение «О производстве извозного промысла» и создана Биржа извозчиков²³⁶. В соответствии с ним извозный промысел облагался особым сбором в доход города. Ежегодно с каждой лошади взималось по 10 руб. 30 коп. Например, в 1895 году рассчитались за 78 лошадей, с мест под извозчицьею биржей в казну города поступило 937 руб. 60 коп.²³⁷ Так что доход Кургану с этого вида деятельности был!

В Биржу извозчиков входили лишь опытные ездоки, люди хорошего нрава и поведения. Каждому присваивались номер, который с 1913 г. должен был обязательно «украшать» каждую извозчицью коляску, и место стоянки на площадях и улицах. К тому же строго-настрого запрещалось в рабочее время курить, играть в карты; на местах стоянки спать на экипажах, оставлять лошадей и сходитья вместе, заводить какую-либо игру, ссору, крик или борьбу, позволять себе насмешки над проходящими и вообще нарушать общественную тишину и спокойствие». Извозчик должен был иметь «приличные: лошадь, сбрую и экипаж, а сам во всякое время одет прилично, по-кучерски и не позволять себе ездить в лохмотьях»²³⁸. Пьяные извозчики не допускались ни к выезду, как днем, так и ночью, ни на дежурство.

В Кургане определялись места для стоянки легковых извозчиков: площадь около ярмарочного столба и площадь около Богородице-Рождественского Собора. У церквей, собраний, театров извозчики становились только по указанию полиции. Ежедневно с 10 часов вечера до 4 часов утра у

---

²³⁶ *Тобольские губернские ведомости. 1894, №47. С.973.*

²³⁷ *ГАКО. Ф.9. Оп.1. Д.70. Л.17-18; Д.88. Л.2-3.*

²³⁸ *Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 г. Тобольск, 1913.*

ярмарочного столба устанавливалось дежурство по очереди одного извозчика.

По определению Городового положения, биржевые извозчики – «люди хорошего нрава и поведения». По всей видимости, так было не всегда. В газетах того времени частенько появлялись заметки о нарушениях спокойствия именно со стороны извозчиков. Как это не удивительно, но случаи, когда люди попадали под извозчицьи экипажи, происходили почти ежедневно. Потерпевшие потом лечились в местной больнице, а виновные, благодаря своей способности вовремя скрыться, никак не наказывались. Хотя в некоторых случаях им все-таки приходилось отвечать за свои проступки. Извозчики, замеченные полицией в неоднократном нарушении установленных правил и других предосудительных поступках, лишались права продолжать извозный промысел.

В 1919 г. в городе случился пожар. Один из дружинников Вольного Пожарного общества, спешивший туда, обратился к извозчику № 29 с просьбой доставить его поскорей на место происшествия. Но тот отказался. В результате на провинившегося было наложено взыскание и его лишили права езды на некоторое время²³⁹.

Это еще что! Несколько раньше газета «Курганское свободное слово» за 1917 г. сообщила и вовсе о несурзном событии.

Житель Кургана, некий Мартемьянов, по своей доброй воле перевозил багаж беженцев со станции к дому по ул. Скобелевской. Неожиданно его окружили извозчики и потребовали переложить багаж на их тележки. Может быть тоже хотели помочь беженцам? Да не совсем, за перевоз багажа они желали получить по пять рублей. И только благодаря собравшейся публике, которая возмутилась этой историей, извозчикам не удалось настоять на исполнении своих требований.

Но более всего жители Кургана возмущались привычкой обирать их. «Эти дневные и ночные грабители перешли всякие границы в своей наглости...», - писала «Курганская свободная мысль» в 1919 г. Извозчики брали по 10-20 руб. сверх установленной таксы. Вероятно, проблема эта назревала еще с давних пор. Как-то в преддверии новогоднего праздника в газете «Курганский вестник» были опубликованы пожелания к новому 1910 году. И уже тогда городским извозчикам желали «не требовать с пассажиров прибавки, когда те расплачиваются по таксе». Но извозчики этого не учли. Они не только брали больше, чем надо, но еще и вступали в спор с клиентом, начинали скандалить, могли ворваться к нему в квартиру и устроить там настоящий бунт.

---

²³⁹ *Курганская свободная мысль. 1919. 8 июня.*

Наконец такое положение стало просто нетерпимым. В 1920 г. были установлены и напечатаны в «Красном Кургане» для всеобщего обозрения твердые таксы на легковые перевозки. Город был поделен на шесть районов. Внутри каждого, в зависимости от его удаленности от станции, действовали свои тарифы. Так, от станции до улицы К.Маркса один человек мог добраться за 73 р. 75 коп., а езда по Телеграфному переулку до той же ул.К.Маркса, включая и Троицкий переулок, обходилась в 35 р. Вообще цены были немалыми. Проезд в ночное время, то есть с 9 часов вечера до 6 часов утра, оплачивался в полуторном размере, такая же цена оставалась и в праздничные дни. Во время же осенней и весенней распутицы оплата повышалась на 40%. Вот и приходилось выбирать: или прокатиться, или купить, например, сливочного масла. Тогда же, в 1920 году, 28 фунтов масла стоили 72500 рублей (1 фунт равен 409 г.). В том же «Красном Кургане» выносилось предупреждение, что за неисполнение и нарушение таксы виновные будут привлекаться к законной ответственности, причем как получившие, так и уплатившие. Данные тарифы должны были обязательно храниться у каждого извозчика, теперь никак нельзя было отговориться, что оставили их дома. Интересно, хотя бы после этого работа извозчиков стала более честной? Хотелось бы в это верить.

Конечно, истории происходили не только с пешеходами и пассажирами, но и сами извозчики иногда становились объектами преступлений. Ведь они имели отличных лошадей, а те всегда были в цене. Например, в 1911 г. лошадь по Тобольской губернии стоила 225 рублей, и поэтому угон извозчичьего транспорта стал делом обычным²⁴⁰. Его уводили буквально из-под носа хозяина. По сообщению местной прессы, стоило одному извозчику только на несколько минут зайти в подъезд общественного собрания, как его лошадка скрылась в неизвестном направлении. Это еще хорошо, если просто уводили лошадь. Случалось и более страшное – ради наживы убивали извозчика. Сохранился рапорт начальника Курганской уездной милиции управляющему Курганским уездом в том, что 9 мая 1919 г. произошел именно такой случай²⁴¹. И судя по имеющимся документам подобные происшествия были не единичными.

На протяжении многих лет городских возчиков объединяла биржа, затем – союз, но в 1920 г. и он был распущен. Теперь же извозчиков взял под свое крыло губернский транспортно-материальный отдел (губтрасмот)²⁴². Этому предшествовала несколько курьезная история. Однажды заведую-

---

²⁴⁰ ГАКО. Ф.Р-300. Он.1. Д.23. Л.48.

²⁴¹ ГАКО. Ф.Р-852. Он.1. Д.274а. Л.165,167.

²⁴² ГАКО. Ф.Р-711. Он.1. Д.4. Л.15.

ший трамотом пожаловался на «неправильное действие» районного производственного комитета. Это действие заключалось в том, что для лошадей отдела выделено 6 фунтов овса, а союзу легковых извозчиков аж целых 12! Чтобы не происходило подобных несправедливостей, и решено было эти две фирмы объединить в одну.

Для обслуживания города была сформирована группа в 50-60 легковых возчиков. Тем, кто не прошел перерегистрацию в транспортном отделе, выезд на дежурство по городу воспрещался. Гражданам было рекомендовано требовать у извозчиков специальное удостоверение. Если же такое удостоверение отсутствовало, то пассажир должен был задержать и доставить в трамот такого извозчика и никоим образом «не уплачивать ему денег за проезд». С 1920 г. дневной заработок возчика составлял 540-600 рублей. Фураж выдавался им по установленным нормам, бесплатно, и никаких вычетов за него из денежного вознаграждения не производилось. Так и работали извозчики. В 1920-е годы они уже осуществляли перевозку не только внутри города, но и могли выезжать за его пределы. Желательно только, чтобы расстояние не превышало 20 верст.

А в прессе того времени все чаще мелькали предложения о замене извозчицких экипажей на какой-нибудь иной вид транспорта. Та же «Курганская свободная мысль» отмечала, что пусть Кургану и «не по силе такая роскошь, как трамвайное движение и прочие усовершенствования, к которым так привыкли жители многих русских городов, но стоит подумать хотя бы об омнибусах». Так необыкновенно назывались конные экипажи или парные сани, вмещавшие по 18-20 человек. Предлагался даже первый маршрут: Нижний базар – Дворянская – вокзал. По мнению газеты, это должен быть более дешевый и выгодный транспорт, особенно в зимнюю пору. Но подобного общественного транспорта в Кургане так и не появилось. В 20-е годы по городу уже ездили автомобили – и легковые, и грузовые. Через каких-то двадцать с небольшим лет появились первые общественные автобусы. Но это уже другая история... Пока же нет-нет да и раздавались свист, удар кнута и лошадиное ржание.

КУРГАНСКИЕ НОТАРИУСЫ

Становление и развитие курганского нотариата непосредственно связано с административно-территориальными преобразованиями последней четверти XVIII в. Важным поворотным событием для Царекурганской слободы явилось получение в 1782 г. статуса города с наименованием Курган, который стал центром одноименного уезда Тобольского наместничества (впоследствии Тобольской губернии). Во вновь учрежденном городе были открыты присутственные места и создана городская администрация. В 1785 г. в г. Кургане начало функционировать городское хозяйственное управление. В ведении городского хозяйственного управления находились суд, полиция, казначейство. Среди основных функций городского хозяйственного управления значился и надзор за маклерами, нотариусами и оценщиками. Функции нотариата осуществляли судебные органы.

История курганского нотариата сопряжена с деятельностью Курганского окружного суда. В Кургане, как и повсеместно в России, должностные лица, выполняющие функции нотариусов, состояли при судах. При Курганском окружном суде существовало «крепостное» отделение, которым ведал надсмотрщик крепостных дел. В функции надсмотрщика крепостных дел входило составление актов на отчуждение недвижимого имущества и крепостных людей. Однако поскольку в Курганском округе фактически отсутствовала такая категория населения, как крепостные крестьяне, Курганский окружной суд засвидетельствовал только акты на недвижимость. Акты заносились в «докладные» книги, которые предлагались на рассмотрение присутствия суда. Удостоверившись в самоличности совершающих акт, в праве продавца или залогодателя на отчуждение имущества и в отсутствии условий чего-либо противозаконного, суд делал отметку на акте и возвращал ее надсмотрщику, который вносил акт в крепостную книгу.

Обыкновенной практикой для надсмотрщиков крепостных дел Курганского окружного суда было оформление купчих крепостей следующего содержания:

«Лета тысяча восемьсот шестьдесят третьего, апреля одиннадцатый день. Курганский мещанин Григорий Алексеев Лебедин продал курганской мещанской жене Настасье Алексеевой Петровой двор свой, состоящий в городе Кургане на Береговой улице в первом квартале; а строения на том дворе: деревянный дом, амбар, конюшня, баня, погреб и две скотские стаи. Мерею под тем двором земли длиннику по улице одиннадцать с половиною, а по перечнику внутрь двора тридцать сажен; в межах этот двор, идучи в него, по правую сторону двора отставного солдата Леван-

довского, а по левую священника Иоанна Волкова, а взял он Лебедкин с ее, Петровой, за этот двор серебром сто пятьдесят рублей. К сей купчей крепости в том, что означенный двор, строением и землею, продан, и деньги сто пятьдесят рублей серебром получены сполна, курганский мещанин Григорий Алексеев Лебедкин руку приложил...»²⁴³.

Значительно реже надсмотрщикам крепостных дел приходилось оформлять домашние (домовые) духовные завещания курганских обывателей и крестьян Курганского округа. Так, в 1840 г. Курганским окружным судом было удостоверено завещание купчихи Феклы Кузнецовой:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Имея преклонные лета и подвергаясь часто временными болезненными припадками, я заблаговременно пока еще в здравом уме и в совершенной памяти сие духовное завещание утвердить. Я по смерти своей, конечно, не известной, но по видимому приближающейся, исполнить нижеследующее:

1. Дом мой деревянного строения, стоящий в городе Кургане возле каменного дома мещанина Хворостова, со всем строением и землей, дарованный в полное мое владение и распоряжение по духовному завещанию учиненному августа тридцатого дня тысяча восемьсот тридцать шестого года покойным уже мужем курганской третьей гильдии купцом Алексеем Дмитриевичем Кузнецовым, отказываю вместо умершей племянницы моей Парасковьи Прокопьевны Завьяловой по духовному завещанию, данному мною ей в тысяча восемьсот тридцать седьмого года мая седьмого дня, в пожизненное владение, рожденной сестрицей моей, племяннице Акилине Прокопьевне Завьяловой в благодарную память за оказанию ею по дому моему услуг и за труда при болезненном моем положении.

2. Все имения, имеющиеся в моем доме, разного рода и товар, хранившийся в моей лавке, представляю же племяннице Акилине, от воли которой единственно будет зависеть употребление оногo имения на богоугодные пожертвования, коль вразумит ее господь Бог непосредственным советом духовного моего отца протоиерея Якова Зудилова, а другой никто никакого права ни на дом, ни на имения не имеет, почета требовать не может.

3. Дом и все имения, завещанные мною племяннице Акилине Завьяловой, суммою простираются до одной тысячи рублей по вексялям таковым, что наличного капитала пять, а одна тысяча рублей, значащаяся в прежнем моем духовном завещании моей племяннице Парасковьи употреблена третью частью на пропитание, частью на поправку домашних заведений.

---

²⁴³ ГАКО. Ф. И-236. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

4. Похоронить меня соответственно моему званию и имуществу. Поручить по душе моей должствующее поминовение. Тысяча восемьсот сорокового года декабря четвертого дня лично доверяю, вместо себя подписать духовное завешание. Вдова курганской гильдии купчиха Фекла Яковлевна Кузнецова с личной моей просьбой руку приложил курганский мещанин Михайло Селятин.

При духовном завешании был и слышал купец третьей гильдии Ларион Карпов. При духовном завешании был курганской третьей гильдии купец Данилов. При духовном завешании был отставной подпоручик Тимофей Ушаров. При духовном завешании был курганский мещанин Павел Петрович Колмаков. При духовном завешании был курганской третьей гильдии купец Гаврило Демин. Духовное сие завешание, данное купчихой Феклой Яковлевной Кузнецовой, соответствует. Собственный духовный отец курганский протоиерей Яков Зудилов. Сие духовное завешание в Курганский окружной суд у крепостных дел явлено и в книгу подлинником под первым записано, а как из приведенного Курганским городничим удостоверения видно, что оное данное купчихой вдовой Феклой Кузнецовой племяннице своей Аксины (так в документе. - Е.Т.) Прокопьевне Завьяловой не подложно».²⁴⁴

В 1856 г. надсмотрщиком крепостных дел в Кургане был Меньщиков, в 1863-1864 гг. – Рычков, в 1875-1878 гг. – Федор Мельников, в 1888 г. – Струков, в 1891 г. – Михаил Желтовский, в 1891-1897 гг. - Михаил Зотольский²⁴⁵. Как правило, надсмотрщики крепостных дел имели самый низший чин коллежского регистратора. Эта должность для некоторых курганских чиновников становилась отправной точкой для дальнейшего карьерного роста. Например, Алексей Васильевич Мефодьев, состоявший в 1862 г. в должности надсмотрщика крепостных дел, затем секретаря Курганского окружного суда, в 1872 г. дослужился до чина титулярного советника и занимал должность исправника Ялуторовского округа²⁴⁶. Для сравнения: в этом же 1872 г. надсмотрщик крепостных дел Курганского окружного суда коллежский регистратор Николай Афонасьевич Тайбулин получал 225 рублей жалованья, тогда как его предшественник А. В. Мефодьев, будучи исправником, - 1500 рублей.

Помимо Курганского окружного суда нотариальные функции осуществляло Курганское городское хозяйственное управление, а с его упразднением в 1875 г. – Курганская городская управа. В фондах Курганского

---

²⁴⁴ ГАКО. Ф.236. Оп. 2. Д. 1. Л.Л. 2-2 об., 3-3 об.

²⁴⁵ Там же. Оп. 1. ДД. 5, 6, 26, 35, 54, 71, 119; Ф. И-288. Оп. 1. Д. 2. Л. 65;

²⁴⁶ ГАКО. Ф.236. Оп. 1. Д. 5. Л. 51 об.

городового хозяйственного управления и Курганской городской управы Госархива Курганской области имеются книги на записку векселей, заемных писем, контрактов, договоров, условий, на записку «предъявленных к протесту векселей и заемных писем» и др. Таким образом, городская администрация в отсутствие в Кургане «публичных нотариусов» засвидетельствовала акты, не требующие оформления крепостным порядком.

Через нотариально удостоверенные документы Государственного архива Курганской области можно проследить историю курганского купечества и предпринимательства. На пожелтевших страницах маклерских книг, книг на записку векселей, условий и договоров Курганского городского хозяйственного управления, Курганской городской управы, в книгах на записку купчих крепостей и духовных завещаний Курганского окружного суда зафиксированы подлинные подписи купцов Смолиных, Березиных, Дунаевых, Харламовых, Балакшиных и др. Например, в документах фонда Курганской городской управы имеется вексель, в котором значится:

«Город Петропавловск 30 марта 1895 года вексель на 500 рублей серебром от сего тридцатого марта тысяча восемьсот девяносто пятого года через девять месяцев по сему моему векселю повинен я заплатить товариществу Александру Николаевичу Балакшину, Ванюкову в городе Кургане пятьсот рублей серебром, которые я от их получил товаром. Получил сполна петропавловский мещанин Андрей Яковлевич Шмарин, на обороте сего векселя написано товарищество Балакшин и Ванюков, распорядчиком Александр Николаевич Балакшин, платеж 500 р. получен в Курганском банке от предъявителя директором банка Д. Колпакова»²⁴⁷.

Во второй половине XIX в. наблюдался стремительный социально-экономический рост города. Курган стал вторым городом Тобольской губернии и уступал лишь Тюмени. Строительство железной дороги в 1893 г. позволило связать этот уездный центр Сибири напрямую с центральной Россией. Возросшая экономическая активность курганцев и приезжих предпринимателей привела к более частым потребностям юридического оформления различного рода договоров.

Первая самостоятельная нотариальная контора в г. Кургане была открыта Андреем Васильевичем Хабаревым в 1897 г. Контора разместилась в частном доме Кирилловой на улице Троицкой. Со временем нотариус обзавелся собственным домом на этой же улице. Хабарев начинал нотариальную практику в Кургане коллежским секретарем. В 1900 г. он получил чин титулярного советника.

Сведения о семейном положении нотариуса Хабарева содержатся в

---

²⁴⁷ ГАКО. Ф.9. Он. 1. Д. 76. Л. 1.

исповедных росписях Троицкой церкви г. Кургана. В 1899 г. вместе с 40-летним нотариусом проживали его жена Таисья Васильевна 35 лет и «свояченица их Елисавета Васильевна, 30 лет»²⁴⁸. В 1903 г. у нотариуса Хаберева родился сын Виктор²⁴⁹.

По существующим правилам того периода нотариусы в уездном городе, каким являлся Курган, должны были внести залог в окружной суд в размере 4 тысяч рублей. Если годовой доход нотариуса превышал 12000 рублей, то треть его годовой прибыли шла на пополнение залога, пока последний не достигал 10 тысяч рублей. Надзор за деятельностью нотариусов и взыскания с них за ошибки и злоупотребления осуществлял Курганский окружной суд. К кругу действий нотариусов относились:

- 1) совершение для желающих, кроме близких родственников, всякого рода актов, кроме актов состояний, актов служебных и межевых;
- 2) выдача выписей из актовых книг и копий актов;
- 3) засвидетельствование явки актов и договоров, протестов разного рода, верности копий, подлинности подписей, времени предъявления документов у нотариуса, нахождения лица в живых и пр.;
- 4) принятие на хранение представленных частными лицами документов.

По распространенности нотариальных действий, осуществляемых нотариусов Хаберевым, на первом месте стояла выдача выписей из актовых книг и копий актов, на втором – оформление актов купли-продажи на недвижимое имущество. В документах Госархива Курганской области сведений о принятии на хранение Хаберевым документов частных лиц не обнаружено.

Одновременно с А. В. Хаберевым нотариальные сделки продолжали оформляться в Курганском окружном суде надсмотрщиками крепостных дел, затем с упразднением этой должности – старшими нотариусами. Нотариальные документы Курганского окружного суда в начале XX столетия подписывали, в частности, в 1905 г. исполняющий обязанности старшего нотариуса, член суда Котов²⁵⁰. В 1912 г. исполняющий обязанности нотариуса К. В. Шишков практиковал в конторе по улице Троицкой в доме № 74.²⁵¹

В 1902 г. в Курган из Тары на постоянное жительство переехал нотариус Константин Яковлевич Попов. Первоначально нотариальная контора Попова размещалась на Троицкой улице в доме Филиппова, с 1905 г. - по Дворянской улице в доме Колпакова, в 1907 г. - на Центральной улице в собственном доме.

---

²⁴⁸ ГАКО. Ф. 72. Он. 1. Д. 136. Л. 14.

²⁴⁹ Там же. Д. 165. Л. 3 об.

²⁵⁰ ГАКО. Ф. 52. Он. 1. Д. 1. Л. 242.

²⁵¹ Там же. Л. 99.

Делопроизводство нотариальных контор в первое десятилетие XX в. велось на очень высоком профессиональном уровне. Красноречивым свидетельством того, что нотариальные сделки фиксировались в специальных журналах, оформлялись на качественных бланках, служат дела, отложившиеся в архивном фонде Курганского нотариуса мирового судьи 1-го участка Курганского уезда Государственного архива Курганской области.

4 апреля 1911 г. согласно приказу Тобольского окружного суда судебный пристав г. Кургана Емельян Федорович Пермин отчисляется с этой должности ввиду назначения на должность нотариуса²⁵². Е. Ф. Пермин на протяжении несколько лет работал в Курганском окружном суде. Однако востребованность нотариальных услуг в городе позволила ему преуспевать на нотариальном поприще вплоть до окончательного установления в Кургане советской власти (в 1919 г.) Его контора располагалась по улице Дворянской в доме Козловой²⁵³.

Яркой личностью среди курганских нотариусов был Владимир Эмильевич Шух. В 1886 г. товарищ прокурора В. Э. Шух по распоряжению господина Тобольского губернского прокурора был определен заведовать Курганским округом²⁵⁴. Позднее в 1913 г. Шух открыл нотариальную контору по Троицкой улице в собственном доме²⁵⁵.

Женитьба на дочери богатого курганского купца Ивана Бронникова, а также собственные предпринимательские способности, незаурядный ум не только позволили сделать ему блестящую карьеру, но и войти в число наиболее влиятельных людей Кургана. Семья В. Э. Шухова в Курганском округе владела земельным участком в несколько сот десятин, огромным прудом, мельницей, дачными постройками, в городе – домами и земельными участками. Примером материального благополучия семьи служит такой факт. В 1913 г. жена нотариуса Ольга Ивановна Шух застраховала на 3600 рублей собственный дом и прилегающие к нему постройки, которые оценивались на сумму 4200 рублей. В этом же году она, являясь наследницей фамильного имущества, застраховала на сумму 3570 рублей водяную мельницу и усадьбу в Илецко-Иковском бору, стоимость которых составляла 5355 рублей²⁵⁶.

В исповедных росписях Троицкой церкви г. Кургана семья чиновника В. Э. Шухова 52 лет состояла из жены Ольги Ивановны 45 лет, сына Владими-

---

²⁵² Тобольские губернские ведомости. 1911. 26 апреля.

²⁵³ ГАКО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Л. 176.

²⁵⁴ Тобольские губернские ведомости. 1886. 8 февраля.

²⁵⁵ Курганский вестник. 1913. 21 ноября.

²⁵⁶ ГАКО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1. Л. Л. 302-303, 449-450.

ра 23 лет, дочерей Надежды 24 лет, Ольги 20 лет, Нины 9 лет²⁵⁷. Дочери Шуша учились в Александровской женской гимназии города. Однако преждевременная кончина главы семейства в 1917 г. явилась первым испытанием для этой курганской семьи. Кроме того, в годы гражданской войны погиб в бою с красными единственный сын Владимир. В 1918 г. его, как и других белогвардейских офицеров, торжественно погребли в братской могиле в сквере Богородице-Рождественского собора Кургана. С установлением советской власти имущество семьи Шух было национализировано.

В непростой период революций и гражданской войны в Кургане помимо Е. Ф. Пермина работал нотариус Иван Михайлович Черепанов. В это нестабильное время постоянных военных мобилизаций наблюдался дефицит квалифицированных кадров. Так, в январе 1919 г. Черепанов поместил объявление в газете «Курганская свободная мысль» о приглашении на работу в нотариальную контору опытного письмоводителя²⁵⁸. В последующие месяцы курганские нотариусы Е. Ф. Пермин и И. М. Черепанов объединили свои усилия по содержанию нотариальных контор. В газете «Курганская свободная мысль» для горожан было дано извещение: «Конторы курганских нотариусов И. М. Черепанова и Е. Ф. Пермина с 10 июня по 1 сентября 1919 г. открыты только с 9 часов утра до 3 часов дня»²⁵⁹. Стремительное наступление Красной армии на Курган и взятие города 19 августа 1919 г. привело к окончательному краху досоветского нотариата.

В августе 1919 г. колчаковская армия под натиском красных была вынуждена оставить г. Курган. Гражданская война в регионе подходила к завершению. В тяжелых условиях создавались новые органы власти, налаживалась система судопроизводства. Незамедлительно (в этом же месяце) при Курганском уездном бюро юстиции Наркомата юстиции РСФСР был организован нотариальный стол. Согласно положению СНК РСФСР 1922 г. «О государственном нотариате» нотариальный стол в 1923 г. был преобразован в Курганскую нотариальную контору при Курганском окрисполкоме с подчинением Уральской нотконторе.

Деятельность Курганской нотконторы в 1920-е гг. связана с именем нотариуса Павла Ильича Полухина. В 1923 г. он работал нотариусом в Куртамышской госнотконторе, но в связи с ее ликвидацией перешел на работу в Курган²⁶⁰. В январе 1924 г. П. И. Полухин возглавил Курганскую

---

²⁵⁷ ГАКО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 179. Л. 4.

²⁵⁸ Курганская свободная мысль. 1919. 31 января.

²⁵⁹ Там же. 21(8) июня.

нотконтору и занимал эту должность до декабря 1929 г. П.И. Полухину пришлось работать в сложных условиях становления советского нотариата, когда не были отработаны многие механизмы нотариальной практики.

Во многом слаженная деятельность нотконторы зависела от взаимоотношений ее начальника с вышестоящими органами в г. Свердловске, а также с местными учреждениями юстиции. Неформальное отношение к своим обязанностям П.И. Полухина, его активная переписка с Уральским нотариальным отделением способствовали тому, что в Курган поступали дефицитные бланки, книги и просто бумага, а также направлялись на работу квалифицированные служащие. На месте все возникающие вопросы П.И. Полухин решал путем личных переговоров с председателем и членами Курганского окрсуда. Взаимоотношения нотариуса с другими учреждениями и организациями (окрисполкомом, прокуратурой, союзами кооперации и др.), по словам самого П.И. Полухина, были хорошие, и более того, «не вызывали желать лучшего»²⁶¹.

Двадцатые годы для курганской нотконторы стали настоящей «школой выживания», своеобразной проверкой профессионализма. Советский нотариат в этот период прошел сложный путь становления. Объективными трудностями этого времени следует считать: невысокую оплату труда работников нотариата, отсутствие должного материального оснащения, необеспеченность квалифицированными кадрами. Частые изменения административно-территориальной принадлежности г. Кургана и близлежащих к нему районов, внутренние структурные реорганизации курганского нотариата затрудняли поступательное развитие этого юридического института.

---

²⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 110. Л. 12.

²⁶¹ Там же. Л. 12 об.

ЗАПЕЧАТЛЕВШИЕ ВРЕМЯ: КУРГАНСКИЕ ФОТОГРАФЫ

Фотограф: Ваша фотография, сударыня,
замечательна удалась. Я просто в нее влюбился.

Барышня: Извините, а Вы холостой?

*Анекдот из газеты
«Тобольские губернские ведомости»
№ 57 за 1895 год*

В альбомах многих коренных курганцев найдутся старые фотографии, на потемневших от времени паспарту которых золотом выгравированы надписи: «Фотографическое ателье А.И. Кочешева в Кургане», «Фотография И.Ф. Ожгихина» или «Фотография Д.П. Панкратьева». Старые фотографии на толстых картонных бланках - визитки, миньоны, бижу и кабинет-портреты - стали неотъемлемой частью повседневной жизни г. Кургана.

Фотография пришла в г. Курган довольно поздно, и не сразу пришлась по душе местным обывателям. Первое упоминание о работе в Кургане светописной мастерской, как раньше называли фотосалоны, относится к 1868 г. «Тобольские губернские ведомости» сообщали об открытии господином Кропаниным в городе новой фотографии. Предприниматель собирался остаться на постоянное жительство, по-видимому, рассчитывая на неплохой доход²⁶². Вслед за ним потянулись и другие фотографы. В течение последней трети XIX столетия разрешение Тобольского губернатора на открытие фотографии в г. Кургане получили шадринский крестьянин Серапион Мамаев (1886 г.), германский подданный Альберт Бах (1888 г.)²⁶³, курганский мещанин Дмитрий Панкратьев (1889 г.), тобольский мещанин Шмуль Вишняк (1889 г.)²⁶⁴ и курганский мещанин Алексей Кочешев (1891 г.)²⁶⁵. В неравной конкурентной борьбе пришлых мастеров с местными победа осталась за последними. Сказывались личные связи курганских фотографов: местному жителю, с опаской относящемуся к современному техническому новшеству, было проще довериться знакомому человеку. Кроме того, местные мастера, помимо фотографии, имели возможность заниматься и другой предпринимательской деятельностью. Например, вести торговлю или заниматься сельским хозяйством, компенси-

---

²⁶² *Тобольские губернские ведомости. 1868. С. 34 об.*

²⁶³ *Календарь Тобольской губернии на 1989 г. Тобольск. 1989. С. 188.*

²⁶⁴ *Календарь Тобольской губернии на 1891 г. Тобольск. 1891. С. 124.*

²⁶⁵ *Календарь Тобольской губернии на 1892 г. Тобольск. 1891. С. 128-129.*

руя финансовые потери, неизбежные при открытии нового дела. В начале XX века в Кургане работали пять фотосалонов: Воинова (ул. Центральная), Кочешева (ул. Дворянская), Ожгихина (ул. Центральная), Панкратьева (пер. Бакиновский) и Зырянова (ул. Центральная)²⁶⁶. Нельзя сбрасывать со счетов и огромную армию фотолюбителей, которых в начале XX века насчитывалось около ста человек. Более того, в 1914 г. часть из них объединилась в общество фотографов-любителей, аналогичное тем, что уже существовали в Томске и Красноярске²⁶⁷. Этого общества «оказывало содействие росту любительской фотографии и ...изучению местного края»²⁶⁸.

Фотомастеров в Кургане в начале XX века было много, но безусловным лидером среди них был Алексей Иванович Кочешев, человек талантливый, предприимчивый, ищущий и азартный.

А.И. Кочешев родился 3 марта 1865 г. в курганской семье, причисленной сначала к мещанскому, а позже к купеческому сословию²⁶⁹. Он немало поколесил по Уралу, прежде чем в 1891 г. получил разрешение тобольского губернатора на производство фотографических работ в Кургане и Курганском уезде. Первоначально его фотосалон располагался в доме купцов братьев Меньшиковых. Доходы фотографа постепенно возросли, позволив ему перейти в купеческое сословие²⁷⁰. Со временем, в начале XX века, А.И. Кочешев построил в г. Кургане на углу Дворянской улицы и Думского переулка многофункциональное здание, где разместились лучший в городе фотографический салон, оснащенный новейшим оборудованием, магазин писчебумажных и фотографических товаров, а также типография, где издавались газеты «Курганские известия», «Курганский вестник» и «Юг Тобола». Кроме того, А.И. Кочешев стал главным редактором газеты «Курганские известия»²⁷¹. Свою фотографию предприниматель оснастил по последнему слову техники: павильон новой американской системы располагался на втором этаже здания; для того чтобы солнечный свет беспрепятственно попадал в салон, где производилась фотосъемка, крыша была сделана из стекла. Кочешевым были приобре-

---

²⁶⁶ Адрес-календарь и справочник торгово-промышленных фирм г. Курсана и его уезда Тобольской губернии на 1908 г. Курган, 1909. С. 113.

²⁶⁷ Курганский вестник. 1914. 18 мая. № 53. – С. 4.

²⁶⁸ Там же. 1914. 19 марта. № 32.

²⁶⁹ ГАКО. Ф. 9. Оп.1. Д. 18. Л. 8 об.

²⁷⁰ Там же. Ф. 63. Оп.1. Д. 90. Л. 271.

²⁷¹ Козельчук Т.В. Зарождение массовой периодической печати в Южном Зауралье в конце XIX – начале XX в. / История культуры Южного Зауралья: Монография. Т.1: Становление древних цивилизаций. Феодалный и капиталистический периоды. Курган, 2005. С.364 – 368.

тены наилучшие фотоаппараты, а также аксессуары и декорации: тяжелые порттеры, рисованные задники, разнообразные балюстрады, этажерки, кресла и т.д. Мастерская ручалась за «художественное исполнение портретов и групп всевозможных видов и размеров при дневном и искусственном освещении»²⁷².

За свою долгую творческую жизнь мастер поработал почти во всех жанрах фотографического искусства. Любителям истории хорошо известны кочешевские фотографии с живописными видами г. Кургана, Курганского уезда, Сибирской железной дороги. Содержательны сюжетные снимки крестьянского быта зауральцев конца XIX – начала XX веков. Именно за эти работы А.И. Кочешев был награжден серебряной медалью Курганской сельскохозяйственной выставки 1895 г. и получили похвальный отзыв на международной фотографической выставке в Москве в 1896 г., устроенной к 1-му съезду «русских деятелей по фотографическому делу»²⁷³. Заметим, что ни один из курганских фотографов, работавших в одно время с А.И. Кочешевым, никогда и ничем не награждался. Он был единственным, кто рискнул продемонстрировать свои работы на выставке в первопрестольной, где среди участников были мэтры дореволюционной фотографии: Дмитриев, Прокудин-Горский и Булла. Работы молодого сибирского мастера были отмечены доброжелательным вниманием именитых коллег.

Не менее важным для А.И. Кочешева было добиться внимания своих земляков: искусство искусством, но для любого профессионального светописца основой существования была портретная павильонная съемка. Чтобы сохранить и привлечь к себе клиентуру, фотограф был обязан обеспечить не только высокий технический уровень фоторепродукции, но и освоить достаточно сложные изобразительно-художественные приемы, удовлетворяющие запросы большинства заказчиков. Очень малому числу владельцев курганских «фотографических заведений» удавалось, подобно А.И. Кочешеву, преодолеть границу между добротным ремеслом и художественным творчеством. Портретная галерея, созданная фотохудожником за долгие годы творчества, велика, многолика и контрастна: высшие должностные лица Курганского уезда, служилое чиновничество, купцы, мещане, маслоделы-артельщики, крестьяне, гимназисты, учащиеся лесной школы, brave военные...

Мастеру одинаково удавались как одиночные, так и групповые портреты. Созданные им фотоработы поражают своим многообразием, вы-

---

²⁷² Адрес-календарь торгово-промышленных фирм г. Кургана... С. 1.

²⁷³ Новый мир. 1999. 15 мая. № 88.

сокой художественностью и психологизмом. Конечно, не все снимки равноценны: в ранних фотопортретах еще заметно влияние общепринятых в конце XIX века приемов фотосъемки, которые были заимствованы из портретной живописи, с использованием рисованных задников, тяжелых драпировок и всевозможных балюстрад. Однако уже с начала XX века мастер отошел от картинно-романтической трактовки окружающего мира, отказался от использования эффектных изобразительных средств в пользу более скупых, чтобы ничто не мешало главному – показать фотографируемого человека как личность, приоткрыть его внутренний мир, приобщить к нему зрителя. Но, думается, главное, что отличало Кочешева от других, менее успешных курганских фотографов, это умение быстро найти контакт с портретируемыми. Эта доброжелательная открытость А.И. Кочешева сказывалась и на результатах его работы – фотографии получались непринужденными и естественными, а в его павильон на Дворянской стремились попасть все – и известные в Кургане граждане, и простые обыватели.

1918 г. оказался переломным в судьбе курганских фотографов: многие из них свернули свои дела. Не стал исключением и А.И. Кочешев. Вместе с семьей он уехал в Падеринскую волость, где у фотографа было небольшое имение²⁷⁴. По окончании гражданской войны Кочешевы еще некоторое время жили в Кургане. Глава семьи служил на овощесушильном заводе (бывший пивной завод Гампля). В 1927 г. Кочешевы были лишены избирательных прав и вскоре уехали в г. Новониколаевск²⁷⁵.

К сожалению, богатейший кочешевский фотоархив после 1917 г. был уничтожен, осталось только несколько сот пожелтевших снимков в музеях, архивах и старых семейных альбомах коренных курганцев... Не сохранились архивы и других дореволюционных фотографов.

---

²⁷⁴ ГАКО. Ф. Р-635. Он.1. Д.359. Л. 59.

²⁷⁵ ГАКО. Ф. Р-464. Он.3. Д. 538. Л.9.

КУРГАНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА: НАДЕЖДЫ И СВЕРШЕНИЯ 1917 Г.

1917 год для нашего города, как и для всей России, стал годом великих надежд и больших разочарований. К этому времени Курган успел ощутить последствия затянувшейся войны. Материальные ресурсы города были на исходе, постоянные мобилизации лишили его наиболее работоспособной части населения. Остро ощущались инфляция и продовольственные разверстки. Из-за притока беженцев население Кургана выросло до 33 тысяч человек - разразился жилищный кризис. Политическая обстановка была крайне нестабильна. Февральская революция стала отправной точкой, когда в Кургане, при отсутствии земства, на органы местного самоуправления легла вся ответственность за стабильное существование города. Были ли готовы отцы города к такому повороту событий?..

За сорок лет своего существования Курганская городская дума научилась собственными силами решать многие проблемы. Городское самоуправление имело несколько предприятий, приносивших стабильный доход: ломбард, аптеку, скотобойню, электростанцию. Действовал городской общественный банк имени В. Багашева. Культурная жизнь города развивалась при активном участии думцев: общественное собрание, библиотека, школы, больницы являлись предметом постоянного внимания городских властей. Революционный год принес городской думе череду закономерных политических и экономических испытаний. В Курган известие о свержении самодержавия пришло в первых числах марта. Временное правительство 4 марта приняло постановление «О возложении обязанностей губернаторов и уездных исправников на председателей губернских и уездных земских управ и сохранение на местах старого административного аппарата». В Сибири, где земств не было, вопрос об управлении временно оставался открытым. 5 марта из Тобольска последовала телеграмма, в которой курганскому городскому голове предложили принять на себя обязанности уездного комиссара Временного правительства, сохраняя за собой обязанности городского главы. Федор Васильевич Шветов, а затем и сменивший его Михаил Константинович Сажин это предложение не приняли. Юрисдикция думы по-прежнему ограничивалась рамками города. 6 – 7 марта был создан уездный Курганский исполнительный комитет, в состав которого, в том числе, вошли пять гласных городской думы.

С начала апреля на повестке дня Курганской городской думы стоял вопрос о подготовке выборов ее нового состава. Первоочередной задачей предвыборных мероприятий являлось составление списков избира-

телей. Для осуществления этих задач Курган был поделен на три участка. В июне городская управа помимо хозяйственных вопросов ежедневно рассматривала жалобы избирателей о пропусках в списках, а также о частичном исправлении в списках фамилий, имен и отчеств. К началу выборов избирателей по гражданским спискам значилось 12682 человека, по военным - 2837.

2 июля состоялись выборы гласных в городскую думу. На избирательные пункты пришло 5150 человек (около трети от общего числа избирателей). На выборах выставили своих кандидатов партии: объединенные социалисты (социал-революционеры и социал-демократы), граждане-избиратели 3-го участка г. Кургана, группа торгово-промышленников и домовладельцев, трудовая группа мещан, общий трудовой средний класс. Последний политический блок не набрал ни одного голоса. Больше всего голосов набрали объединенные социалисты – 29. От граждан-избирателей 3-го участка г. Кургана прошло в думу пять человек. От группы торгово-промышленников и домовладельцев победило два человека, от трудовой группы мещан – один.

Абсолютное большинство выбранных гласных представляли левые блоки. Более того, в новой думе не оказалось ни одного купца, предпринимателя и банкира – городская буржуазия проигнорировала участие в выборах. В состав думы вошли гласные со стажем – К.М. Сажин, врач П.П. Успенский, секретарь городской управы Г.М. Легких. Гласными были выбраны представители уездной власти, в частности, уездный комиссар Временного правительства И.А. Михайлов. Советы в думе представлял председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Т.П. Белоногов. Всенародными избранниками стали учителя, чиновники, врачи, общественные деятели, священник, рабочий депо. Поэтому вполне закономерно, что новая дума, несмотря на смуту, острый недостаток финансов, по-прежнему уделяла внимание социальным вопросам (открытию специализированных классов, новых школ, материальной помощи увечным воинам и беженцам и др.).

Первое заседание новой думы прошло 13 июля. На нем состоялись выборы городского головы: единственная кандидатура М.К. Сажина была поддержана единогласно. Членами городской управы стали временно исполняющий обязанности инспектора народных училищ 1-го района П.Г. Торпаков, избранный от объединенных социалистов, заведующий казенным винным складом К.А. Петунин – от партии трудовой демократии, служащий по заготовкам зерна М.П. Князев – от объединенных социалистов. Впоследствии состав управы неоднократно менялся.

В смутные времена революций найти гласных, согласившихся за скром-

ное вознаграждение исполнять почетные обязанности городского головы и членов управы, стало очень сложно. Как снежный ком росли финансовые проблемы: цены поднимались быстрее, чем гласные успевали принимать решение об индексации услуг городской электростанции и повышении городских налогов. В конце августа назрел первый серьезный кризис управления. Удар был нанесен с тыла. Служащие городской управы, работающие по найму, потребовали повышения заработной платы, и вместо того, чтобы решать насущные вопросы жизнеобеспечения города, гласные оказались вынуждены реагировать на саботаж своих ближайших помощников. Городской голова и члены городской управы в полном составе подали в отставку. Для разрешения конфликта на очередном заседании думы была создана примирительная комиссия, в которую вошли представители Совета рабочих и солдатских депутатов и профсоюзов. В итоге М.К. Сажина и членов управы Г.В. Петунина, Т.П. Белоногова, М.П. Князева удалось уговорить продолжить работу.

В политическом отношении Курганская дума проявляла благоразумие и осторожность, не торопилась к радикальным методам решения сложных проблем. Осенью общественность активно обсуждала целесообразность отделения Сибири от России. Гласный Г.П. Шубский считал, что «идея автономии Сибири как теоретически, так и практически не готова. Эта идея есть идея кучки автономистов. Масса народная не готова. Нужно только добиваться земского самоуправления». М.П. Князев, наоборот, высказался за широкую автономию Сибири. В конце ноября 1917 г., когда центральная власть все слабее проявляла себя в сибирской провинции, гласные оказались более единодушны. Они посчитали возможным признать Временное Сибирское правительство в том случае, если государственная власть не будет организована Учредительным собранием, или само Учредительное собрание будет «поставлено в невозможность правильно функционировать». Само же Временное Сибирское правительство (до избрания Сибирской думы) должно было состоять из представителей городских самоуправлений.

Курганцы извести о захвате власти большевиками в Петрограде встретили без особого воодушевления и поддержки. В начале ноября на совместном совещании наиболее действенных и, по словам источника, «революционных» организаций города - Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, гарнизонного комитета, Курганского уездного исполнительного комитета, Курганского уездного крестьянского союза, партии социал-революционеров, партии социал-демократов и Курганской городской думы - решительно прозвучало высказывание против захвата власти Петроградским Советом рабочих и солдатских депута-

тов. Только пять членов Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов остались при особом мнении и поддержали действия большевиков.

Первоначально противостояния между городской думой и Советами не существовало. Отношения осложнились в ноябре 1917 года. 19 ноября курганские социал-революционеры и социал-демократы постановили взять в свои руки власть и контроль над местным самоуправлением: городской управой, земской управой, продовольственной управой. Был избран Центральный стачечный комитет. Причиной этому послужило увольнение 50% рабочих консервного завода. Со своей стороны городская дума воспретила исполнительным органам подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов. Через несколько дней Советы предприняли очередной ход. 25 ноября они предложили для поддержания революционного порядка в городе организовать Военно-Революционный Комитет, в который предлагалось включить шесть человек от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и пять человек от городского самоуправления, уездного земства, союзов почтово-телеграфных служащих и железнодорожников, бюро профессиональных союзов. Расклад явно был в пользу Советов. С таким наглым поведением Советов дума не могла согласиться. Она предложила организовать объединенный Комитет общественной безопасности с согласительными функциями на паритетных началах.

Гласным думы, считавшим себя всенародными избранниками, были вдвойне непонятны нападки и недовольства их действиями со стороны городских обывателей. Вместе с тем, именно они как представители власти являлись легкой мишенью для выражения народного недоверия. 18 декабря в управе имел место печальный инцидент, возникший на почве повышения цен на мясо. В толпе члену управы К.А. Петунину были нанесены побои. 19 декабря почти весь состав городской управы выразил желание сложить с себя выборные полномочия. На этот раз они оказались непреклонны. К.М. Сажин, М.П. Князев, Г.В. Корсаков согласились не некоторое время остаться на своих ответственных постах, причем последний поставил условие, чтобы в управе была выставлена вооруженная охрана из шести человек. Гласные А.С. Шапиро и М.Ф. Врачинский решили помочь управе до выборов ее нового состава. 28 декабря новым городским головой был избран И.Е. Рагозин. Члены управы М.П. Князев и Т.П. Белоногов (оба члены РСДРП) остались на своих постах. Вновь избранный городской голова высказал мнение, что при формировании новой управы «необходимо выбирать в ее состав людей дела... если будут избраны люди теории, то он считает необходимым заявить, что вынужден будет уйти в отставку». 2 января 1918 г. были избраны новые члены управы П.В. Перовский и С.И. Журавлев.

Но новой городской управе так и не удалось осуществить ни одного проекта. В начале 1918 г. Курганская городская дума фактически прекратила свое существование. Зимой управа была разогнана Советами, помещение реквизировано. Вместе с тем начинания городских гласных продолжали действовать и в красном Кургане. Так, не прекратило работу Общество взаимного страхования, основанное в июле 1917 г. под эгидой городского самоуправления. В июне 1918 г. с приходом в город белочехов (до августа 1919 года) деятельность думы была реанимирована²⁷⁶.

---

²⁷⁶ ГАКО. Ф. Р-852. Оп. 1. ДД. 2, 2а.

Человек коммерческий

ФУНТ ИЗЮМА ДА ПУД СОЛИ: МЕРЫ ВЕСА В ПРАКТИКЕ КУРГАНСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

Как всякие устаревшие, слова «пуд», «фунт» и «золотник» современный человек употребляет лишь для украшения своей речи, совсем не задумываясь об их первоначальном практическом значении. Нам совершенно не придет в голову изюм измерять фунтами, а соль пудами, тогда как курганский обыватель в конце 20-х годов XX столетия, наоборот, с трудом привыкал к граммам и килограммам. Ведь пуд, фунт и золотник были общепринятыми мерами веса в царской России.

Меры веса, прежде всего, были необходимы при продаже и покупке товаров. В старину всевозможные товары можно было приобрести на торжках, базарах, в купеческих лавках. Самое большое разнообразие товаров было на ярмарках. В Кургане в течение года проводилось четыре ярмарки: Рождественская, Алексеевская, Дмитриевская, Тихоновская. Самым посещаемым местом города была торговая площадь, которая располагалась рядом с Троицким храмом. Со временем в Кургане оформились нижние и верхние торговые ряды, был отстроен гостиный двор.

В XIX в. существовало множество приспособлений для взвешивания товаров в лавках и на базарах уездного города Кургана. Например, такие бакалейные товары, как чай, кофе, изюм, взвешивали с помощью 1/2, 1, 2, 3, 5, 10-фунтовых гирь с двумя чашами. Вес русского фунта составлял 409,5 граммов. Для более точного взвешивания, например, восточных специй, использовали гири фунтового разновеса. Она напоминала матрешку. Внутри футляра гири из медного сплава помещались миниатюрные чашечки, входящие одна в другую, весом 1, 2, 3, 6, 12, 24 золотника. Золотник был равен 4,4 грамма или 1/96 часть фунта. Самая большая мера фунтового разновеса была 48 золотников, или половина фунта (это вес самого футляра).

Большие грузы взвешивали пудовыми гирями на весах-коромыслах. 1 пуд – это 40 фунтов, или 16, 38 килограммов. В практике использовались 1, 2, 3, 5, 10-пудовые гири. Сыпучие товары отмеряли с помощью пудовок

– специальных сосудов, вмещающим ровно один пуд какого-либо товара. Пуд муки, гороха, зерна занимала разный объем, поэтому для каждого продукта была своя пудовка определенного размера.

При ярмарочной и воскресной торговле, когда съезжалось много крестьян со своим товаром, не все продавцы имели меры и весы. В городском хозяйстве Кургана имелось несколько весов на железных цепях, гири разных размеров, безмены и пудовки. Все это хранилось в специальном деревянном ларе на торговой площади. За каждое взвешивание на городских весах взималась определенная плата. Доходы от этой услуги существенно пополняли городской бюджет. За правильностью торговли следил откупщик городских весов и мер. Все торговцы должны были пользоваться только клейменными мерами и весами. Однако не редки были случаи, когда это требование нарушалось. Так, в 1842 г. содержатель городских весов Евграф Калмыков просил Хозяйственное управление применить меры воздействия к крестьянам, которые употребляют старые безмены и весы и пудовки без клейм. Он также указывал на значительные убытки, которые несла городская казна, и просил «на будущее время распорядиться, чтобы иногородние торговцы взвешивали товары не на своих, а на содержимых ... общественных весах и мерах»²⁷⁷.

Безмены употреблялись и в домашнем быту. По своему внешнему виду они напоминали современные безмены, но у них было два больших отличия: во-первых, по материалу изготовления, во-вторых, по шкале для определения веса. Старинные безмены изготавливались из медного сплава и имели разбивку на деления от $\frac{1}{2}$ до 20 фунтов. Этот тип весов изначально был несовершенен. Неслучайно в российском законодательстве нашло отражение урегулирование вопроса об использовании безменов в торговле. В 1797 г., сначала рекомендательно, а в 1842 г. обязательно было запрещено употребление «русского безмена» в мелочной торговле по причине «удобности оного к обману». Безмены, устроенные по особенному правилу 1797 г., разрешалось использовать только разносчикам. По-видимому, курганские обыватели и крестьяне окрестных деревень тяготились этими обязательными правилами, хотя подвергали себя реальной опасности быть обманутыми, а может быть, надеялись сами извлечь выгоду от взвешивания заведомо неисправными приспособлениями. Однако удобность безменов в быту (прежде всего маленькие размеры и быстрота взвешивания) привели к их повсеместному распространению в России.

---

²⁷⁷ ГАКО. Ф.8. Он. 1. Д. 46. Л. 17-18.

При измерении веса на безмене изначально существовала вероятность погрешности. Небольшие грузы могли быть взвешены с точностью от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ фунта. Если вес груза превышал 20 фунтов, то очень легко было ошибиться на полфунта или даже на фунт. Примером наглядного свидетельства того, насколько сложно было вести точное взвешивание в XIX в., является письмо тобольского священника Григория Варлакова своим родителям в Марайскую волость Курганского уезда, написанное в 1844 г.: «Странно, что вы пиша о получении от Кондратьевича $\frac{1}{2}$ пуда налимов, 10 фунтов стерлядей, 18 фунтов орехов ... я послал стерлядей не 10 фунтов, а 12 фунтов, орехов не 18 фунтов, а 20. Разное же, впрочем, может быть от проклятых плутовских безменов, ныне запрещенных»²⁷⁸. Честность упоминаемого в письме Кондратьевича под сомнение даже не ставилась, видимо, настолько часто священнику Варлакову приходилось иметь дело с расхождением при взвешивании товаров.

Преимущества метрической системы курганцы оценили не сразу. И только обязательное Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 июня 1924 г. заставило их расстаться с привычными пудами, фунтами и золотниками. 1 мая 1926 г. все торговые организации города перешли на метрические меры. Пуды, фунты и золотники заменили килограммы и граммы. Ближайший надзор за соблюдением нового положения о мерах и весах был возложен на органы милиции²⁷⁹. И уже теперь в Кургане, как и в других городах советской России, можно было наблюдать такую картину, когда «хозяйки шли за теплым хлебом для своих мужей, резаки в пекарнях их резали и метрически взвешивали, мудря на граммах: никто из них не верил, что грамм лучше фунта, знали, что он легче»²⁸⁰.

---

²⁷⁸ КОКМ. Письмо священника Г. Варлакова из г. Тобольска родителям в Марайскую волость Курганского уезда. 1844 г. Необработанные материалы.

²⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-6.

²⁸⁰ Платонов А. Собрание сочинений: В 3 т.: Рассказы, повести: 1921-1934. М., 1984. Т. 1. С. 323.

НЕ ТРАТЬ ДЕНЬГИ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ИХ ПОЛУЧИШЬ: РЕКЛАМА ТОВАРОВ И УСЛУГ В НАЧАЛЕ XX В.

О том, что реклама - двигатель торговли, люди знают давным-давно. Однако возможности для проведения различных рекламных акций у производителей и распространителей товаров в начале XX в. были гораздо скромнее, чем в настоящее время. Заявить о своих товарах и услугах можно было, прежде всего, на страницах календарей, журналов и газет. Благодаря газетным и журнальным объявлениям курганцы – жители сибирской провинции – были в курсе достижений известных зарубежных и российских фирм, выпускающих всевозможные приборы, книги, косметические и лекарственные средства и пр. Понравившиеся товары из Европы и Центральной России жители города Кургана могли заказать по почте.

Рекламных объявлений досоветского времени до наших дней дошло очень много. Возьмем, к примеру, 1910 год. Что и как рекламировали в этом году, позволяют узнать газеты и журналы, хранящиеся в госархиве Курганской области.

Способы подачи товара были самые изощренные. Пожалуй, некоторые из них достойны внимания и современных рекламодателей. Для убедительности приведем такой пример. Читателю «Народного календаря за 1910 г.» советовали взять на заметку «Четырнадцать житейских правил», распространение которых предлагалось ему среди знакомых:

1. Не трать деньги, прежде чем их получишь.
2. Не покупай лишних вещей только потому, что они дешевы.
3. При начале всякого дела смотри на него с дурной стороны; начавши дело – не зевай; давши слово – исполняй.
4. Никогда не бывает трудно то, что делается с охотой.
5. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.
6. Не утруждай других о том, что можно сделать самому.
7. Никогда не будешь каяться в том, что мало съел.
8. Никогда не сердись; но если уж случится сердиться, то прежде чем говорить сосчитай до ста.
9. Гордость обходиться нам хуже голода, холода и жажды.
10. Деньги потерял – ничего не потерял; друзей потерял – много потерял; бодрость потерял – все потерял.
11. Остерегайся язвы: бессонных ночей, вина и карт, не будь против природы, день для работы, ночь для отдыха.
12. По возможности более пользуйся свежим воздухом.

13. Занимайся благородным спортом для развлечения – охотой.

14. Покупай ружья и принадлежности для охоты у Василия Петрова в Ижевском оружейном заводе».

Некоторая бессистемность в изложении первых одиннадцати правил с лихвой компенсируется строгой логичностью последних трех советов, побуждающих благопристойных граждан заняться на досуге охотой и пострелять из ружья с клеймом завода В. Петрова. Однако педантичные читатели могли заметить некоторое противоречие в рекламных объявлениях «оружейника» В. Петрова. Буквально на следующей странице заявлялось, что эти ружья популярны у охотников с небольшими средствами. А как же житейское правило № 2, которое остерегало от покупки дешевых вещей?

Для истребления нелюбимых домашних животных в 1910 г. советовали приобрести импортный прибор. В рекламном объявлении с грозным заголовком указывалось следующее: «Смерть мышам!! Американский автомат мышелов «Мортора» имеет особенные преимущества, ловит мышей без перерыва и одновременно топит их; в нем имеется вечная искусственная приманка, сильно привлекающая мышей своим запахом. Раз вошедшая мышь никоим образом не может спастись, и вход для следующих мышей все-таки остается открытым... Цена 3 руб. 50 коп. Без задатка 2 руб. не высылаем...» Пожалуй, после прочтения этой рекламы воображение читателей рисовало картину, когда обреченные грызуны сами выстраиваются в очередь, привлеченные заграничным синтетическим «деликатесом», и стройными рядами отправляются в последнее плавание.

Курганские домохозяйки имели возможность облегчить домашний труд различными механическими приспособлениями. Аналогом современной машины-автомата начала XX века служил в частности ручной аппарат «Прачка-американка», в достоинствах которого значилось следующее: «...стирает всякое белье скоро, чисто и легко; предохраняет белье от порчи, обращение удобное; величина меньше аршина, необходим в каждом доме и хозяйстве... Цена с упаковкой и пересылкой по почте 5 руб. 95 коп., в Сибирь 6 руб. 65 коп.» Рядом с привлекательными характеристиками «Прачки-американки» приводились благодарные отзывы счастливых обладателей чудо-машины в адрес производителя.

Заголовок следующего рекламного объявления привычен для восприятия современной «публики»: «Заработок всем и всюду... Много денег заработать может всякий, научившись выделывать мыло по моему руководству и рецептам... не надо затраты на обзаведение и устройство... За обучение взимаю 15 руб., по получении 5 руб. задатка высылаю руководство и рецепты наложенным платежом. Адрес Одесса, мыловаренный

завод Х. Когана». Петербургская «Газета-копейка», широко известная в Кургане, пестрела всевозможными объявлениями, предлагавшими быстро и просто заработать много денег, например, такими: «Отдается исключительная продажа бесконкурентного предмета ежедневного употребления. Распространением за границей достигнуты блестящие результаты» или: «Даром высылаю каждому 12 необходимых предметов. За упаковку и пересылку заказчик уплачивает 55 коп. при получении». «Котов в мешке» предлагали приобрести и таким способом: «Агентов для легко продающихся товаров ищут везде. На эти предметы большой спрос. Ручаются за 15-30 руб. еженедельного заработка...» Наверное, даже только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, стоило отправить письмо из далекой Сибири в Варшаву или Лодзь, и тем самым дать возможность не погибнуть многочисленной армии Остапов Бендеров.

Средства, избавляющие от вредных привычек, были известны и раньше. С громкими кричащими названиями они гарантировали легкое и быстрое исцеление от курения и алкоголизма: «Не кури! Если Вы желаете избавиться от курения табаку и папирос и тем самым сохранить свое здоровье, то немедленно приобретите аппарат «Не кури». Достаточно нескольких дней употребления. Восстанавливается голос, что важно певцам и артистам, и как средство, освежающее и уничтожающее запах изо рта незаменимо... Цена аппарата 1 руб. 20 коп.» или: «Пьянство. Если в семье Вашей или среди Ваших знакомых кто-либо страдает от алкоголя, пришлите немедленно свой адрес и Вы получите бесплатный совет, как излечиться его». За бесплатным советом могло последовать предложение выслать препарат швейцарского профессора Шульце «Атиэтилин» по цене 5 руб. за одну коробку или средства «Алкола», которое можно было давать «горьким пьяницам секретно».

Большое место занимала реклама косметики и парфюмерии. Быть красивым и молодым желающих было много и в прошлом веке. Производители мыла, кремов, пудр, шампуней не скупались на обещания в ошеломляющем эффекте их запатентованных средств. В 1910 году популярностью пользовалось «Средство для рощения волос», выпускаемое фирмой «Джон Кравен-Берлей» в С.-Петербурге. Его производитель предлагал «идеальный курс только за 7 копеек в день», который включал «одну большую пробную банку верного волосорастителя, одного куса специального мыла для головы и всех подробных наставлений и разъяснений, касающегося правильного применения этого способа». Мужчин, которые заботились о своей внешности, могло заинтересовать следующее объявление: «Красивые усы есть лучшее украшение мужского лица. Если вместо них имеется у Вас только маленький пушок волос, то не унывай-

те... у меня есть средство наделить Вас тем, чего природа Вас лишила. Вы, может быть, слышали о препарате под названием усатин «ПЕРУ»... Сотни тысяч людей, как в России, так и за границей, благодаря «ПЕРУ» обладают большой красивой растительностью... Не смешивайте усатин «ПЕРУ» с разными рекламируемыми средствами для роста волос... Цена банки усатина (в зависимости от крепости состава) 1 руб. 50 коп. или 2 руб. 50 коп. За пересылку причитается 50 коп., в Сибирь – 75 коп.».

Несмотря на многочисленные исключительные способы, предложенные еще при царе Горохе, мы не избавились от ревматизма, морщин, сглаза недобрых людей и вредных привычек. Мы, как многие поколения до нас, покупаем продукты все тех же фирм «Нестле», «Зингер», «Кодак», «Буржуа», «Лореаль». Мы по-прежнему доверчиво внимаем самым страстным и искренним заверениям в уникальности рекламируемых товаров и услуг, и может быть, когда-нибудь дождемся универсального средства, избавляющего нас от всех бед сразу и навсегда²⁸¹.

---

²⁸¹ *Газета-Копейка. СПб., 1910; Курганский вестник. Курган, 1910; Народный календарь на 1910 год. СПб.: Типография общества «Общественная польза», 1909.*

РУБЛИ, ТУГРИКИ, ФУНТЫ СТЕРЛИНГОВ...: ОБ ОБМЕНЕ ВАЛЮТЫ В КУРГАНЕ

Не так давно россияне, окупившись в очередную волну инфляции, бросались в очереди обменных пунктов в надежде, что зарубежная валюта поможет им справиться с нашей давно уже предсказуемой экономической ситуацией. Как известно, выбор иностранных денежных знаков в наших банках ограничен: рубли обмениваются только на доллары и на евро. А еще сто лет назад в курганских городских банках можно было встретить банкноты и монеты самых разных стран. Причем местное население, избалованное приезжими коммерсантами из Европы, охочими до качественных курганских товаров (в основном продуктов питания), не рвалось обменивать свои родные золотые николаевские червонцы на мало удельительные заморские бумажки.

Ситуация не изменилась даже в 1917 г., когда затянувшаяся первая мировая война и череда революций пошатнули экономику России. Поэтому вся валютная экзотика Курганского отделения Государственного Банка отправлялась прямым ходом в головную контору в г. Петрограде, в отдел заграничных операций. Что же отсылалось в столицу?

В 1917 г. в г. Кургане оказался австрийский подданный Иосиф Хотовинский. Прежде чем оказаться в Сибири, он и его жена много путешествовали по миру, были в Турции, странах Юго-Восточной Азии. Вместе с ними в Курган приехал их приемный сын-филиппинец. Возвращение на родину австрийской семьи затянулось: шла первая мировая война, и Хотовинские как граждане враждебной воюющей стороны застряли в Кургане на неопределенное время. Жизнь в уездном городе хоть и была не самой дорогой, но все же требовала определенных расходов. Поэтому Хотовинский в местном банке поменял на российские ассигнации целую нумизматическую коллекцию – пять российских рублей старого чекана, турецкий пиастр, американские доллары, германские марки и австрийские кроны. В запасе у путешественника оказалось еще 75 рублей золотом и больше 100 рублей серебром. Так что в расчет он получил 179 рублей 45 копеек ассигнациями. При копеечных ценах на курганских рынках на эти деньги можно было жить очень долго. Остались неопознанными 10 дефектных серебряных монет – их отправили на Петроградский монетный двор для определения стоимости.

Но обычно у банковских служащих Кургана проблем с идентификацией валюты не было, поскольку выбор был довольно предсказуем: в городе работал целый интернационал – датчане, англичане, американцы. Кроме того, город был наводнен германскими и австро-венгерскими воен-

но пленными. Так что самыми распространенными валютными знаками были кроны, марки, доллары и фунты стерлингов. Все это собиралось, обменивалось и отправлялось в столицу. Курганцы тогда еще не знали, что уже не за горами время, когда экономическое благополучие страны, да и их самих, будет казаться несбыточной мечтой, а наличие запаса родных «катенек» и «керенок» не спасет их семьи от финансового краха. Впрочем, и наличие иностранной валюты в последующие десятилетия вряд ли могло кого-то спасти – скорее, наоборот: за хранение денежных знаков иностранных государств было очень просто угодить за решетку²⁸².

---

²⁸² ГАКО. Ф. Р-319. Он.2. Д. 78.

Человек в культурной среде

ПРАЗДНОВАНИЕ СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ А.С. ПУШКИНА

100 лет назад, как и в наше время, широко праздновали все торжественные даты, связанные с именем А.С. Пушкина.

Как и положено, отмечать столетие поэта было решено, прежде всего, на правительственном уровне. Провинциальный маленький Курган, не избалованный никакими особыми культурными событиями, тоже решил не ударить лицом в грязь. И, в меру своих скромных финансовых возможностей и горячего желания, принял участие во всероссийском празднике.

В это время в городе наиболее образованными и просвещенными людьми были педагоги всевозможных учебных заведений. На их плечи и легла вся подготовка юбилея великого поэта. После долгих жарких споров на совместном заседании педагогических советов Курганской Александровской женской прогимназии, а также училищ: Курганского уездного, Троицкого мужского приходского и Богородице-Рождественского мужского и женского приходских была, наконец, утверждена программа праздника. Разногласия, в основном, заключались в том, что преподаватели прогимназии пытались вставить в программу совершенно немислимое количество пушкинских стихов и музыкальных композиций, которые учащиеся должны были читать и петь на сцене. И праздник, в общем-то, нужный всем, грозил перерасти в скучнейшее мероприятие. Однако здравый смысл возобладал, и из 17 стихов решено было в программе оставить только 5, а из 6 музыкальных произведений – 4.

Пушкинский юбилей праздновался горожанами два дня. 26 мая во всех курганских церквях была проведена литургия и отслужена панихида по А.С. Пушкину. Затем во всех школьных учреждениях учителями были прочитаны лекции о биографии поэта и о его значении в русской литературе. Эта была, если так можно выразиться, официальная часть.

Утром 27 мая все учащиеся вместе с преподавателями отправились в

загородную рощу, где в павильонах приказчиьего клуба праздник был продолжен.

Начинался он с пения гимна «Боже, Царя храни!». Затем гимназистками были прочитаны монолог Бориса Годунова, «Братья-разбойники», «Анчар», «У лукоморья дуб зеленый» и «Чудная белка». Совместный хор учащихся и преподавателей исполнил гимн Пушкину, «Над Невой резво вьются», «Ворон к ворону летит». По окончании выступлений детям было предложено угощение и устроены танцы. Причем для учащихся женской прогимназии танцевальный вечер был проведен отдельно – в актовом зале учебного заведения, которое в честь праздника было ярко иллюминировано. Попечительский Совет во главе с купцом И.И. Меньшиковым позаботился о том, чтобы каждая ученица на память о столетии А.С. Пушкина получила небольшой сборник его произведений.

Кроме того, согласно Высочайшему распоряжению, все гимназистки, которые были удостоены награждения в 1899 г., сверх положенных им наград получили медали, изготовленные Императорским монетным Двором в память празднования юбилея поэта. Таких было восемь: Бондина Таисья, Дунаева Анна, Наговицына Капитолина, Пудова Евгения, Степанова Любовь, Тюменцева Елена, Федорова Елизавета и Фомина Анна.

В честь знаменательной даты Курганскими властями были пожертвованы средства для учреждения 10 стипендий имени Пушкина в Курганском городском училище (100 рублей ежегодно), а в Курганской женской прогимназии был основана такая же стипендия, средства на которую были собраны по подписке учителями города.

Одним словом, курганцы запомнили столетие А.С. Пушкина надолго²⁸³.

---

²⁸³ ГАКО. Ф. 63. Он.1. Д. 96. Л. 92, 93; Д. 96 б. Л. 63-65; Д. 80а. Л. 6а; Д. 66. Л. 15-17, 93-93 об.; Д. 109. Л. 100 об.; Ф. 147. Он.2. Д. 54. Л. 9.

БЛАГОРОДСТВО КУРГАНСКИХ ДАМ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРГАНСКОГО ДАМСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Женщины объединялись и объединяются... В различные союзы, партии, общества. Цели их различны, но все усилия наших согражданок были всегда направлены на улучшение окружающего мира.

22 октября (или 9 октября по старому стилю) 1991 г. в Кургане начало действовать первое общественное объединение зауральских женщин – Курганское дамское попечительное общество. Создавая свое объединение, курганские женщины думали прежде всего не о борьбе за свои права, их цель была проще и бескорыстней – оказание помощи ближним. В ведении дамского попечительного общества находилось Николаевское детское убежище и приют – ясли для подкидышей в г. Кургане. Эти два благотворительные учреждения несли ответственность за жизнь и воспитание нескольких десятков брошенных детей: давали им не только пищу и кров, но и приличное по тем временам образование. По окончании пребывания в убежище дети получали хорошую профессию и их с удовольствием брали на работу зажиточные семьи.

Были и разовые акции. В годы неурожая и наводнений обществом была организована помощь голодающему населению Зауралья. А когда началась Первая мировая война, курганские женщины организовали кружечный сбор деньгами в пользу пострадавшему от военных действий населению Царства Польского и отправку теплых вещей и продуктов в действующую армию.

Не случайно в 1916 году, в разгар войны, Курганская городская дума вспомнила о 25-летнем юбилее Курганского дамского попечительного общества и выделила престижную делегацию во главе с городским головой Ф.В. Шветовым для поднесения поздравительного адреса с выражением искренней признательности и благодарности за многолетнюю полезную деятельность²⁸⁴.

---

²⁸⁴ ГАКО. Ф.63. Он.2.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Первые опыты по преподаванию изобразительного искусства в г. Кургане можно смело отнести к началу XIX века, поскольку именно в это время началось ведение уроков рисования в первом учебном заведении города – Курганском уездном училище, открытом в 1817 году. Преподавателем-первопроходцем этого сугубо светского предмета, входившего в обязательную программу учебных заведений этого уровня, стал Евгений Михайлович Кочурин. Специальной художественной подготовки он не имел, но вместе с тем, оказался достаточно эрудированным педагогом, получившим неплохое образование в Тобольской гимназии. Впоследствии он сделал удачную карьеру, став директором училищ Тобольской губернии. С 1838 г. уроки рисования стали входить в круг обязанностей учителя черчения, чистописания и рисования, хотя как отдельная учебная дисциплина такие уроки велись с момента организации училища. В 1817-1853 гг. эту должность исполняли Е.М. Кочурин, Т.К. Каренгин, Н.П. Рихтер (был удостоен звания учителя рисования Санкт-Петербургской Академией художеств), А.Е. Котельников. Очень часто преподаватели «рисовального искусства» увольнялись, и вакансии заполнялась педагогами другого профиля, обычно не имевшими особых способностей в рисовании и не владевшими методикой преподавания этого предмета.

Во второй половине XIX века рисование выделилось как вполне независимая от чистописания и черчения дисциплина, и в программах учебных заведений Кургана появились планы занятий по этому предмету, автором которых являлся Николай Маджи, дававший уроки одновременно в Курганском уездном училище и Курганской Александровской женской прогимназии, открытой в 1873 г. Программы эти Н. Маджи, основываясь на своем 30-летнем преподавательском опыте, сводил к следующему: «в 1-м классе: деление линии на части для приучения глаза к верности, затем разные прямолинейные фигуры, наконец, из овальных линий фигуры. Все это рисование происходит с классной доски, на которой я предварительно рисую по сетке. Это рисование способствует ученику рисовать географические карты, и в следующих классах ученики учатся раскрашивать, и раскрашивают карты. Во 2-м классе: части лица, а более способные ученики рисуют головы с оригиналов с тушевкой, а некоторые рисуют, глядя по способностям, ландшафты. В 3-м классе: головы и части лица, а некоторые рисуют геометрические тела с тушевкой».

Этот же преподаватель отмечал, что в учебных заведениях г. Кургана имелись ученики с большими способностями, но они не могли получить

полноценное образование «при настоящих скудных пособиях, не говоря уже о ветхости их». Кроме того, выбор пособий очень часто осуществлялся педагогами - неспециалистами.

К слову сказать, выбор этих пособий в течение долгого периода времени (XIX - начало XX в.) практически был неизменным: специальная литература была представлена «Систематической школой рисования цветов и фруктов» В. Гермеса, пособиями Раевской, Ивановой и Филиппуса, впоследствии дополненными «Систематическим курсом рисования по сетке» А.Н. Смирнова и «Систематическим курсом рисования с проволочных моделей, геометрических тел и групп в связи с рисованием окружающих предметов» М.М. Попова.

Ввиду недостаточного количества дидактического материала преподаватели изобразительного искусства использовали вместо объемных гипсовых или деревянных моделей стенные таблицы, которые учащиеся старательно перерисовывали. Присутствуя на подобных уроках рисования в Курганской Александровской женской прогимназии 23 ноября 1901 г., тобольский губернатор был несказанно удивлен сложившимся положением дел и выразил желание, чтобы рисование преподавалось с гипсовых фигур, как то: кубы, конусы, и др., на приобретение каких-либо изволил пожертвовать 10 рублей. В 1902 г. финансовое положение Курганской Александровской женской прогимназии, видимо, улучшилось, и в качестве учебных пособий в магазине Ю.Ф. Брокмана в г. Москве, на углу Кузнецкого моста и Неглинного проезда, в доме Третьяковых, были куплены «коллекции из 12 рельефных моделей, из бумажной массы, криволинейных фигур и орнаментов; из 6 моделей сложных орнаментов из бумажной массы; из 12 рельефных моделей из бумажных массы орнаментов, розеток, ваз и маскарон», которые со временем были помещены в специально оборудованном «рисовальном классе» прогимназии.

Появление новых учебных заведений и преобразование старых в г. Кургане стимулировало развитие общего педагогического процесса, и, соответственно, привлекло к преподаванию специалистов более высокого класса. И если преподавание изобразительного искусства до конца XIX века велось педагогами, не имеющими специального образования, как то преподавательницами арифметики, геометрии и рисования А.Д. Шалабановой в 1872-1885 гг., П.Ф. Игнатъевой в 1885-1886 гг., З. Рукавичниковой 1886-1887 гг., Е.Г. Соколовой в 1886-1895 гг., Т.И. Лукиановой в 1895-1903 гг., П.П. Новицкой в 1903-1907 гг. (все они давали уроки в женской прогимназии и заканчивали, за редким исключением, Тобольскую или Омскую женские гимназии со званием домашней учительницы), то в начале XX века положение дел изменилось. В г. Кургане появились первые

художники-профессионалы. Все они были ориентированы на преподавание в учебных заведениях среднего звена, поскольку частных заказчиков, да и просто ценителей искусства в городе было немного. Фактически перед преподавателями изобразительного искусства встала задача художественного воспитания всего населения Кургана.

Первопроходцем стал Иван Степанович Миазов (г.р. 1872), выпускник 1898 г. Туринского уездного училища, получивший в 1902 г. от Совета Императорской Академии художеств свидетельство на право преподавания рисования в низших учебных заведениях. С 13 сентября 1902 г. он был назначен Попечителем Западно-Сибирского учебного округа преподавателем рисования из платы по найму одновременно и в Курганской женской прогимназии (с 1904 г. гимназии), и в Курганском мужском 4-классном городском училище, в котором он сменил исполняющего должность учителя искусств Д.А. Кучковского, в 1900г. перешедшего на службу в двухклассное училище МНП. при Сибирской железной дороге на станции Курган. И.С. Миазов довольно исправно преподавал в старших классах гимназии до 1905 - 1906 учебного года и в училище вплоть до 1908 г.

В октябре 1907 г. преподавателем женской гимназии был назначен выпускник Пензенского художественного училища им. Н.Д. Селиверстова Ермолай Андреевич Москвичев, имевший право преподавания графических искусств в средних учебных заведениях. Как и И.С. Миазов, его коллега ввиду небольшого жалования вынужден был подрабатывать на стороне. И первой жертвой его профессиональных притязаний стал его предшественник И.С. Миазов, потерявший в 1908 г. практически всю педагогическую практику. Надо сказать, что Е.А. Москвичев развернул в Кургане бурную деятельность: его ученики были извлечены из душных классных комнат, впервые узнали, что такое настоящий пленэр, ощутили вкус подлинного творчества. Именно он привез все значительные учебные пособия для гимназии во время командировки в Москву, и преподавание рисования наконец-то начало приобретать профессиональные черты. Художник даже изъявил желание вывезти своих учениц в г. Москву на экскурсию в музеи во время рождественских каникул 1907-1908 учебного года, и только благоразумие классных дам гимназии заставило Е.А. Москвичева переменить свое решение. Весь преподавательский состав, с которым, судя по всему, у молодого художника отношения не сложились, с облегчением вздохнул, когда в начале 1909 г. тяжело переболевший брюшным тифом Е.А. Москвичев был переведен в Оренбургский учебный округ «ввиду болезни, требующей по заключению врачей перемены климата».

Однако же, несмотря на конфликт, педагогический совет Курганской

Александровской женской гимназии признал «занятия искусствами весьма полезными» и пригласил к преподаванию учителя Курганского городского 4-классного училища (впоследствии преобразованного в высшее начальное училище) Василия Дионисьевича Гнедаша, уже к тому времени «прекрасно поставившего этот предмет в названном училище и имеющего установленные права».

В.Д. Гнедаш родился в Полтавской губернии в 1888 г. в семье казака. Художник появился в г. Кургане, имея за своими плечами солидный багаж: в 1902 г. он окончил полный курс в художественно-промышленной школе им. Н.В. Гоголя в Миргороде Полтавской губернии, где, помимо общеобразовательных предметов, освоил «рисование, черчение, лепку, гравирование (офорт) и керамическую технологию. Работал практически в химической и керамической лабораториях, изучал в мастерских точку керамических изделий, отливку гипсовых форм, майоликовое, фаянсовое и фарфоровое производство, а также керамическую живопись». Там же В.Д. Гнедашем было получено свидетельство о прохождении педагогических курсов, которые, однако, не давали права преподавания в средних учебных заведениях, каким являлась женская гимназия, поэтому основным местом службы В.Д. Гнедаша было всегда Курганское городское 4-классное училище, где он и проработал до 1918 г. В женской гимназии художник преподавал в разные годы, когда не находилось специалиста с более подходящим образованием. Но, как только предоставлялась возможность, вакансия всегда была в распоряжении В.Д. Гнедаша, видимо снискавшего большое расположение как преподавателей, так и учениц. Тем более, что в июне 1909 г. он дополнительно прошел обучение на курсах рисования, устраиваемых ежегодно в Петербурге для учителей с целью ознакомления с новыми методиками преподавания. Таким образом, В.Д. Гнедаш проработал в Курганском 4-классном городском училище с 1908 по 1918г., а в Курганской Александровской женской гимназии с марта 1909 г. по 1912 г. Кроме того, он продолжил свою преподавательскую деятельность и после революции - уже в советских школах г. Кургана. В отчете попечителю Западно-Сибирского учебного округа председатель педагогического совета женской гимназии за 1909-1910 учебный год так отзывался о достижениях художника: «По рисованию в отчетном году ученицы достигли заметных успехов. Рисунки исполняются карандашом и красками. Рисуют ученицы, главным образом, с натуры. Успехи учениц по рисованию необходимо поставить в заслугу допущенному к преподаванию рисования в 1910-1911 учебном году и в предыдущем году учителю графических искусств Курганского городского 4-классного училища Василию Гнедашу». К заслугам Гнедаша можно отнести и тот факт, что в

1914 г. благодаря его инициативе и энергии в уездном Кургане, не избалованном развлечениями, была проведена первая художественно-историко-археологическая выставка, наделавшая много шума среди местного населения. Кстати, помимо разнообразных экспонатов, представленных на выставке, В.Д. Гнедаш показал публике и свои работы: наибольшим успехом, судя по заметке газеты «Курганский вестник», пользовался его натюрморт «Арбуз». Там же были выставлены картины еще одного курганского преподавателя чистописания и рисования – Вадима Матвеевича Мизерова, тоже профессионального художника.

В.М. Мизеров появился в Кургане в 1913 г. и принял на себя обязанности учителя сразу двух Курганских гимназий – женской и мужской (последняя была открыта в 1911 г.) Все та же городская газета «Курганский вестник» в своем репортаже с уездного вернисажа отмечала оригинальность и колорит его работ «Цветы», «Деревенская изба», «Утро на реке Уфимке». Тема последнего пейзажа была неслучайна, поскольку В.М. Мизеров прибыл в Зауралье из Казанской губернии, где он прошел курс архитектурного отделения Казанского художественного училища и получил звание техника по архитектуре и преподавателя графических искусств. Как это было и в случае с его предшественниками, В.М. Мизеров вынужден был помимо рисования проводить еще и уроки черчения и чистописания. Нагрузка была велика, но в результате у преподавателей-художников общие заработки были в целом выше, чем у других их коллег. Творческий потенциал обоих художников – и Мизерова, и Гнедаша, был востребован курганской публикой всесторонне – оба они были непременимыми организаторами и участниками всевозможных спектаклей, живых картин и творческих вечеров. Однако судьба В. М. Мизерова сложилась куда драматичнее, чем у его коллеги. В разгар гражданской войны 1918 г. В.М. Мизеров, дворянин и патриот России, в возрасте 30 лет добровольцем отправился на театр военных действий, где служил в армии А.В. Колчака. Основательно подорвав свое здоровье, художник вернулся в Курган, где еще в течение полугода преподавал в гимназии. В августе 1919 г. части Красной армии заняли город, и В.М. Мизеров был вынужден покинуть Курган вместе с частями белой армии.

Некоторое время в г. Кургане вела преподавательскую деятельность представительница прибалтийской художественной школы – Алиса Мартыновна Круминг, окончившая курс в частном женском заведении первого разряда А. Шаур в г. Риге в 1894 г., и в 1899 г. получившая свидетельство на право преподавания рисования в средних учебных заведениях, выданное Санкт-Петербургской Императорской Академией художеств. Она была зачислена в штат Курганской Александровской женской гимназии учи-

тельницей рисования, и проработала почти весь 1912-1913 учебный год. Сибирский климат оказался слишком тяжелым для рижской художницы, и она вынуждена была уволиться по состоянию здоровья и уехать за границу, где продолжила свое образование. В 1916 г. А.М. Круминг вернулась в Курган, но ее место учительницы рисования было уже занято В.М. Мизеровым. Она поступила на службу в ту же гимназию уже в качестве преподавателя немецкого и английского языков. В начале 1920-х годов А.М. Круминг в числе многих курганских латышей вернулась на историческую родину.

Много ли сделали эти художники–педагоги для города? Мы не можем судить об уровне их художественного мастерства ввиду отсутствия работ. Косвенным образом об их педагогическом таланте свидетельствует тот факт, что работы учеников В.Д. Гнедаша, А.М. Круминг и В.М. Мизерова были представлены на губернской выставке в Омске в 1911 г. и на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1914 г. Бесспорно одно – этим людям удалось создать творческую обстановку в г. Кургане и вырастить целое поколение людей, научившихся ценить и понимать искусство²⁸⁵.

---

²⁸⁵ ГАКО. Ф.147. Оп.1. Д.1, 14, 103, 26; Оп.2. Д.32; Ф.63. Оп.1.Д. 1, 966; Ф. 63. Оп.2. Д.32., 53; Ф.63. Оп.2. Д.68, 90; Курганский вестник. 1914. №40. С. 3.

У ИСТОКОВ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Музейное дело в г. Кургане тесно связано с развитием краеведческого движения в Зауралье начала XX века. Не случайно по времени совпали два события, давшие мощный стимул для развития культурной жизни Зауралья этого времени: это создание Комиссии по изучению Курганского края²⁸⁶ и проведение первой художественно-исторической выставки в городе в 1914г.²⁸⁷ Идейным организатором и вдохновителем этих мероприятий была интеллигенция города во главе с тобольским губернским агрономом Н.Л. Скалозубовым.

Попытки организовать музей делались в городе и ранее. В городе было много учебных заведений, и ведение образовательного процесса требовало присутствия убедительного иллюстративного материала. В 1905 г. при проектировании здания Курганского 4-классного городского училища строительство школьного музея оговаривалось особо²⁸⁸. Однако, как и сейчас, учебные заведения не располагали значительными средствами, поэтому создание музея в Кургане, хотя бы и школьного, долгое время оставалось просто нереализованной идеей, и усилия педагогов выливались в проведение временных выставок. Громкий успех у всех категорий населения, например, имела художественно-историческая выставка, проходившая в г. Кургане в марте 1914 г. Конечно, всерьез говорить о ее научном характере не приходилось, поскольку, несмотря на попытку организаторов показать самые достойные коллекции экспонатов из самых разных областей, имевшиеся на тот момент в Кургане, выставка была довольно эклектичной.

Как бы то ни было, перед революцией в г. Кургане все-таки существовали два музея. Один – Сельскохозяйственный (при Курганском отделе Императорского Московского сельскохозяйственного общества), располагавшийся в так называемом Саманном Доме, второй – музей школьно-наглядных пособий²⁸⁹. Именно коллекции этих двух музеев, а вернее, то, что от них осталось после событий гражданской войны, и послужили основой для создания курганского музея местного края. Организован он был по решению Коллегии Окружного отдела народного образования 26 марта 1920 г. и располагался по адресу ул. Советская, 70 (быв. Андреева)²⁹⁰. Возглавил его Н.Н. Бортвин²⁹¹, окончивший историко-филологический факультет Петроградского университета по специальности «историк-

---

²⁸⁶ ГАКО. Ф.267. Оп.1. Д.18.

²⁸⁷ Курганский вестник. 1914.

²⁸⁸ ГАКО. Ф.147. Оп.1. Д.12.

²⁸⁹ Курганский округ. Сборник 1. Курган, 1930. С.154.

²⁹⁰ ГАКО. Ф.Р-47. Оп.1. Д.48. Л.32-32об.

²⁹¹ Там же. Л.79.

археолог». Это был, что называется, человек на своем месте: Н.Н. Бортвин устраивал выставки коллекций музея (в городском саду, школах, на предприятиях), читал лекции по краеведению и музееведению в школах, библиотеках, на конференциях и различных собраниях, проводил полевые изыскания в округе²⁹². Ему же принадлежала инициатива создания первого кружка любителей-краеведов, впоследствии развившегося в Общество краеведения и изучения Курганского округа. Немало поспособствовало пополнению музейных коллекций постановление курганского уездного исполкома от 12 ноября 1920 г.²⁹³, по которому все памятники старины и древности, исторические материалы, художественные произведения и вообще предметы, имеющие научное значение, находящиеся в распоряжении частных лиц, а также отдельных обществ и учреждений, передавались в ведение и под охрану Отдела народного образования, которому и подчинялся музей. К сожалению, задав академический тон развитию краеведческого движения и музейного дела в Кургане, Н.Н. Бортвин уехал в 1922 г. в Свердловск, где стал заведующим археологическим отделом Уральского музея²⁹⁴. К его отъезду Курганский музей состоял из 3-х отделов: педагогического с подвижным отделением для школ и других просветительских учреждений; местного края и академической библиотеки с отделением книг по краеведению. В основу педагогического отдела был положен музей сельских и приходских училищ Курганского уезда, коллекции бывших начальных и высших училищ и оборудование физических кабинетов женской и мужской гимназий. Отдел местного края состоял из коллекции костей ископаемых животных, часто встречающихся в поймах рек Зауралья, и значительного собрания негативов, характеризующих природу и быт Курганского уезда²⁹⁵.

После отъезда Н.Н. Бортвина музей последовательно возглавляли его преемники: Кычковский и Паршаков. Эти люди не обладали специальными знаниями, и их работа оставила весьма плачевные результаты в истории музея. Достаточно сказать, что во время заведования музеем гр. Паршаковым в 1922-1923 г.г., часть коллекций была расхищена, имущество испорчено, описи были уничтожены, а сам Паршаков в результате был отдан под суд как «профессиональный растратчик»²⁹⁶.

Восстанавливать музей в 1924 г. пришлось известному зауральскому краеведу В.П. Ефимову. Он вновь систематизировал музейные коллек-

---

²⁹² ГАКО. Ф. Р-376. Он.1. Д.13. Л.37.

²⁹³ ГАКО. Ф. Р-383. Он.1. Д.26. Л.6.

²⁹⁴ ГАКО. Ф. Р-376. Он.1. Д.13. Л.37.

²⁹⁵ ГАКО. Ф. Р-47. Он.1. Д.45. Л.79-81.

²⁹⁶ ГАКО. Ф. Р-376. Он.1. Д.13. Л.37об.

ции, активно включился в работу и уже 2 декабря 1924 г. газета «Красный Курган» опубликовала объявление об открытии в городе музея местного края и о проведении экскурсий в залах палеонтологии, археологии, нумизматики, зоологии, ботаники и минералогии, а также искусств и живописи. Были приведены в порядок астрономические приборы, и по вечерам в музее устраивались наблюдения за небесными телами²⁹⁷.

В связи с празднованием 100-летия декабрьских событий в музее была проведена выставка «Восстание декабристов на Сенатской площади», пользовавшаяся популярностью у населения. На ней были представлены фотографии, книги о декабристах - из них три о декабристах г. Кургана и подлинный документ 1826 г. - отношение к коменданту Звериноголовской крепости о задержке декабриста Кюхельбекера в г. Варшаве²⁹⁸. В среднем музей в 1926 г. посещало 300-600 человек в месяц. Плата не взималась.

В 1926 г. Ефимов занялся претворением в жизнь идеи о создании научно-краеведческой библиотеки при музее. Благодаря его трудам были переданы из окружного книгохранилища книги издания Курганского отдела Московского сельскохозяйственного общества, покупались книги у частных лиц.

Итого в 1926 г. в музейной библиотеке было сосредоточено 12207 томов научно-краеведческой литературы. Музейная библиотека в результате стала первой библиотекой научно-краеведческой ориентации в Кургане. Она была доступна не только для сотрудников музея, но и для членов Общества краеведения и для всех прочих заинтересованных лиц.

По всей вероятности, окружной отдел народного образования выделял специальные средства и на закупку музейных предметов, поскольку городская газета «Красный Курган» публиковала объявления о приеме предметов старины в качестве пожертвований, а также о покупке любых раритетов, карт, брошюр, относящихся к прошлому и настоящему округа. Вообще, о работе музея газета «Красный Курган» сообщала постоянно, и это немало способствовало делу популяризации музейного дела в округе²⁹⁹.

В 1926 году В.П. Ефимов был переведен на работу в Курганский окружной архив, который приобрел, а музей потерял ценного работника. И как это обычно бывает, со сменой руководства у музея снова начались сложности: его перебросили в новое помещение вместе с центральной библиотекой по адресу ул. Свободы, 66, а, затем по адресу ул. Свободы, 75,

---

²⁹⁷ *Красный Курган. 1925. 1 августа.*

²⁹⁸ *ГАКО.Ф. Р-48. Оп.1. Д.116. Л.137 – 139об.*

²⁹⁹ *Красный Курган. 1925. 1 августа.*

где площадь для выставочных залов сократили, и вся работа была сосредоточена новым заведующим музеем Ивановым на пополнении коллекций и организации вспомогательных служб.

Заслуживает внимания организация им химическо-таксидермической лаборатории. И хотя ее оборудование было самым примитивным, музей имел возможность сохранять и пополнять экспонатуру естественно-исторического отдела. Тогда же в музее появилась фотолаборатория, которая тоже не простаивала, в т.ч. производила съемку коллекционных экспонатов.

Весной и летом 1926 года т. Ивановым, которого общим собранием Общества краеведения избрали председателем правления, были образованы инициативные специальные группы краеведов-любителей, которые занимались целенаправленным сбором материалов, например, такая группа была отправлена в Падеринский район с целью научного изучения биологических запасов района. По заданию Академии Наук было проведено обследование оз. Щучье для обнаружения сапропелевых отложений и т.д.³⁰⁰

Лекционная работа заслуживает отдельного упоминания. Самыми популярными были лекции на тему «Теория Дарвина», «Происхождение человека», «Ископаемые животные нашего края» и «Приспособляемость видов». Среди слушателей были люди самые разные, но самыми активными слушателями были, как обычно, школьники, учителя и заключенные.

В мае 1926 г. музей совместно с Курганским обществом краеведения провел первую окружную художественно-краеведческую выставку³⁰¹. На выставке были представлены художественные картины, резьба, вышивание. Помогли своими экспонатами Курганская профтехшкола и частные лица. Богатый материал по истории промышленности представил в музей местный промкомбинат.

Коллекции музея пополнялись, и перед ним встала угроза превратиться в склад-хранилище. Требовались новые помещения. Это тем более было необходимо, поскольку потребность масс в музее с момента открытия выросла многократно: если в 1926 г. музей посетило 3 тысячи человек, то в 1928 г. – 20 тысяч³⁰². Рассматривались различные варианты расширения музейных площадей, в т.ч. и предоставление пустующего здания бывшей Александровской церкви³⁰³ (как мы помним, много позже Курганс-

---

³⁰⁰ ГАКО. Ф. Р-48. Оп.1. Д.116. Л.137-139об.

³⁰¹ Красный Курган. 1926. 24 марта, 1 мая, 5 июня.

³⁰² Там же. 1929. 20 июля.

³⁰³ Там же. 1929 30 ноября.

кий областной краеведческий музей расположился именно там). Самым приемлемым оказался вариант размещения музея в Курганском Народном доме, который открылся в конце 1930 года. В декабре 1930 г. коллекции музея были перевезены в новое здание³⁰⁴, однако, размещение их затянулось, музей открылся нескоро, а просуществовал и того меньше – до 31 января 1937 г.³⁰⁵ Народный дом сгорел, а вместе с ним ночной пожар уничтожил большую часть коллекций Курганского окружного музея.

---

³⁰⁴ *Красный Курган. 1930. 31 декабря.*

³⁰⁵ *Там же. 1937. 31 января.*

ПИОНЕРЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КУРГАНА

Сегодня мы не удивляемся, услышав о высоких конкурсных наградах курганских музыкантов - общеизвестна их высочайшая профессиональная подготовка. Десятилетиями выстраивалась стройная система музыкального образования: начиная от специальных детских школ и заканчивая Курганским колледжем им. Д.Д. Шостаковича. Но так было не всегда: еще сто лет назад освоить музыкальную грамоту могли немногие – только отпрыски состоятельных граждан. Остальным, даже очень одаренным детям, приходилось самостоятельно осваивать азы искусства: никакой нотной грамоты, никаких классических музыкальных инструментов и полное отсутствие профессиональных музыкантов-педагогов.

Может быть, музыкальное безмолвие продолжалось бы и далее, но в 1895 г. горожане, ставшие свидетелями грандиозного события – общегубернской сельскохозяйственной и кустарной выставки, проводившейся в Кургане с большим размахом, были очарованы блеском медных труб, громом литавр и зажигательной музыкой Штрауса, исполненной приглашенным на торжество Омским казачьим оркестром в составе 1 офицера и 33 нижних чинов. Выставка закончилась, гости разъехались, а в душах курганских обывателей поселилась тоска по исчезнувшему музыкальному раю. Горожане со всем пылом своей наивной провинциальной души потянулись к прекрасному...

Именно в год открытия губернской выставки в учебных заведениях Кургана были введены уроки светского вокала (до этого пение преподавали приходские священники), и родители в тесном семейном кругу с удовольствием выслушивали, как их чада выводили тоненькими голосами русскую народную песню «Кукушка» или арию Вани из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя».

А вот с мечтой о собственном оркестре пришлось немного подождать. Музыканты сами собой в уездном городе не появлялись, разве что заезжие гастролеры. Но что с них взять? Народ кочевой, ненадежный: отыграли пару концертов и отбыли в неизвестном направлении. Для того чтобы создать полноценный оркестр, требовалось найти сразу с десяток музыкантов. Ехать в провинцию никто не хотел, выход был один: воспитать своих...

Время шло, и только в 1906 г. в городе появились люди, сумевшие организовать полноценное обучение игре на музыкальных инструментах. Ими оказались два брата, Яков Александрович и Соломон Александрович.

рович Бейны, служившие по очереди учителями музыки по вольному найму в Курганском четырехклассном городском училище. К началу занятий руководство этого учебного заведения приобрело на специальные средства духовые и струнные инструменты (чуть раньше закупили фисгармонию американской фирмы «Карпенгер» орехового дерева), а из 206 учеников училища были отобраны 25 наиболее способных детей, которые и приступили к занятиям. Как бы то ни было, уже через несколько лет, отдавая должное труду и заслугам педагогов, инспектор народных училищ Тобольской губернии Н. Осипов, прослушав несколько пьес в исполнении струнно-духового оркестра под управлением капельмейстера С. Бейна, отметил хороший уровень подготовки подрастающих музыкантов и то, что «преподавание ведется умело и добросовестно, а учащиеся занимаются с большой охотой».

Плата за обучение игре на музыкальных инструментах была небольшой – всего 50 копеек в месяц (для сравнения скажем, что за уроки французского языка платили 1 рубль в месяц), а число пылающих энтузиазмом курганцев, желающих обучать своих детей музыке, с начала занятий выросло вдвое. Нагрузка на одного преподавателя была велика, в то время как жалование, напротив, небольшим. И, как бы ни ценили горожане таланты приезжих музыкантов, рано или поздно возникал вопрос о более заманчивых предложениях. Яков Бейн уехал в соседний Екатеринбург в 1910 г., а в 1913 г. Курган покинул его брат Соломон. На смену им заступил курганский мещанин Хонон Моисеевич Коробченко, 33-х лет от роду. О его заслугах педагога-музыканта позволяет судить письмо учителя-инспектора Курганского четырехклассного городского училища П. Торпакова: «Имею честь ходатайствовать о допущении к исполнению обязанностей учителя музыки во вверенном мне училище Хонона Моисеевича Коробченко. Выбор мой остановился на г. Коробченко ввиду того, что он, как специалист по игре на скрипке и как человек, умеющий поставить оркестр, вполне может отвечать нашим требованиям: ибо у нас большинство обучается на скрипке. О музыкальных способностях и умениях г. Коробченко я имею суждение, во-первых, по личному впечатлению, во-вторых, на основании рекомендации, данной устно бывшим учителем музыки Бейном, и, в-третьих, на основании тех хороших отзывов, которые давали после его выступления в качестве солиста-скрипача на благотворительных концертах в г. Кургане.

Кроме того, г. Коробченко помогал г. Бейну в первое время занятий его музыкой, когда ученики не умели еще ничего и нуждались в постоянном руководителе, и одному Бейну справиться было невозможно. Здесь г. Коробченко проявил по отношению к ученикам даже некоторый педа-

гогический талант, а именно: обращался с ними терпеливо и вежливо, заботливо, но и со строгим требованием правильного исполнения того или другого упражнения».

Безупречная репутация Хонона Коробченко позволила ему занять место преподавателя музыки практически всех курганских городских приходских училищ. Причем к систематическим занятиям на музыкальных инструментах в рамках школьной программы были допущены и девочки. Исключение составляли учащиеся Александровской женской гимназии: барышни обучались музыке лишь в частном порядке.

Результаты десятилетней преподавательской работы Бейнов и Коробченко не замедлили сказаться. К началу революционных событий в Кургане действовали музыкальные коллективы на все вкусы: оркестр балалаечников и гитаристов, оркестр вольно-пожарного общества и, наконец, оркестр Курганского общественного собрания. Мечта горожан о музыкальном рае, можно сказать, сбылась³⁰⁶.

---

³⁰⁶ ГАКО. Ф.63; Ф.147; Ф.205; *Тобольские губернские ведомости*. 1895, 1896 гг.; *Курганский вестник*. 1910. 19 февраля (4 марта).

ШЕСТАЯ ДЕРЖАВА: ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КУРГАНЦЫ В НАЧАЛЕ XX В.

Первая русская газета «Ведомости о военных и новых делах, достойных знания и памяти» вышла в свет в Москве 13 января 1703 года. Именно этот день сегодня считается Днем российской печати, хотя еще при царе Алексее Михайловиче недолгое время выпускалась рукописная газета «Куранты».

В 1783 году Екатерина II дозволила частным лицам заводить типографии и заниматься издательской деятельностью. После этого для русской периодики настает новое время. В первой половине XIX столетия появляются сотни самых разнообразных периодических изданий - ежедневные, еженедельные и ежемесячные газеты и журналы; литературные, общественно-политические и юмористические; семейные, детские и женские; наконец, профессиональные. Пресса сразу же занимает важнейшее место в социальной, политической и культурной жизни. Как же иначе, если «повременные» издания, как говорили в досоветской России, за неимением радио и тем более телевидения были единственным средством массовой информации. Недаром в России со второй половины XIX века распространилось крылатое выражение «печать – шестая держава»³⁰⁷.

В Кургане полноценная периодика появляется только в начале XX века. Говоря словами известного курганского предпринимателя, владельца фотоателье, писчебумажного магазина и одной из первых в Кургане типографий Александра Ивановича Кочешева, «зарождение Курганской газеты надо видеть в телеграммах с театра военных действий. Встряхнутые войной самые широкие слои населения потянулись к печатному листку»³⁰⁸. На волне возникшей в Кургане «потребности в своем печатном органе» в мае 1906 года появляется газета «Курганский вестник». Издававшийся под редакцией г. Вдовина «Курганский вестник» просуществовал недолго, и уже в декабре 1907 года А.И. Кочешев издает другую газету – «Курганские известия». В одной из первых статей пробного номера читаем: «Давно уже в г. Кургане и его уезде назрела необходимость в издании своей газеты. Постоянно раздаются жалобы на совершенное отсутствие печатного слова. И, действительно, столичные газеты приходят слишком поздно и читаются уже без всякого интереса, что при сравни-

---

³⁰⁷ Дмитриев С.С. *Источниковедение исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) / Источниковедение Отечественной истории: Сборник статей / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1976. С. 272.*

³⁰⁸ *Курганский вестник. 1910. 2 января. С. 1.*

тельной дороговизне заставляет читателя совершенно отказываться от подписки на них. Провинциальные же газеты соседних городов, не будучи в состоянии заменить столичных, в то же время не обслуживают непосредственных интересов читателей соседних уездов. Пополнить эти пробелы и является в данный момент задачей газеты Кургана и его окрестностей»³⁰⁹.

Из этого же номера жители города получили информацию о происходящих событиях в Государственной думе, в Государственном совете и суде, и, конечно, хоть и довольно кратко, познакомились с местными событиями. Например, о планах проведения новой железнодорожной линии от Екатеринбурга к Кургану. В раздел «Местная хроника» попало ограбление акцизного чиновника В., у которого в центре города двое неизвестных отобрали сумку с 70-ю рублями серебром. Наконец, рекламные объявления. Война или революция, а реклама в газетах была всегда. Например, «Домашние обеды предлагает К.В. Смирнова, по весьма дешевым ценам.», «Сдается флигель двухэтажный в 7 комнат и кухня, с надворными постройками по Береговой ул. ...» и прочие.

В своем благородном деле основатели «Курганских известий» опирались на опыт американской журналистики. «"время - деньги", говорят американцы и, не желая терять времени на чтение громадных газет, находят только время прочитать свою местную газету, в которой они находят все, что касается их как граждан государства и главным образом все, так или иначе затрагивающие их непосредственные интересы». Знаменательные события общественной жизни России освещались в отделах: «Телеграфные известия», «Обзор деятельности Государственной думы», «Общественная жизнь» и др., повседневная жизнь Кургана и окрестностей находила отражение в рубриках «Местная хроника», «Городские дела», «Торговое дело», «Корреспонденции».

Существование «Курганских известий» закончилось самым грустным образом: происки российской цензуры вылились в штраф в размере 500 рублей и тюремное заключение для редактора! Но уже в начале 1909 года на смену «Курганским известиям» вновь приходит газета «Курганский вестник». А в 1914 году, когда, в свою очередь, было приостановлено издание «Курганского вестника», его место на полугодовой промежуток заняла газета «Курганское слово».

«Жестокая и бесславная война с Японией кончилась. ... Много горя и страдания принесла эта злосчастная война нашей Родине, но она же от-

---

³⁰⁹ *Курганские известия. 1907. 24 декабря. С.1.*

крыла глаза всему русскому народу на все непорядки и несправедливости нашего великого государства. ... Непорядки создались, конечно, не сразу; они создались в течение долгих лет, и долго терпел их русский народ, но, наконец, не вытерпел и пошел на Руси смуты и волнения народные...»³¹⁰, - так, говоря о появлении в Кургане в 1906 году «Народной газеты», отец и сын Балакшины объяснили причины народных волнений. В качестве местного периодического издания «Народная газета» была призвана выражать интересы зауральского крестьянства, помочь ему выработать собственную программу мирного преобразования старых порядков.

Первый номер «Народной газеты» не просто донес до курганцев знаменитый Манифест Николая II о даровании населению Российской империи гражданских свобод, его статьи пронизаны пониманием значимости настоящего момента, ожиданием перемен в будущем России, наконец, ощущением для каждого возможности проявить свою гражданскую позицию. «Высочайший Манифест 17-го октября является гранью между старой и новой Россией. Отныне все слои русского народа призваны Царем к участию в устройении нашего Отечества. Отныне перед русским народом раскрылось новое поприще общественного служения на пользу общества»³¹¹, - так, теперь уже через прессу, наши земляки выразили единение со всем российским народом.

Истории зауральской периодической печати известны попытки издания других газет, не увенчавшиеся, однако, успехом. Так, весной 1906 года курганский мещанин Кузьма Степанович Мякинин планировал издавать в Кургане газету «Зарница» и уже получил на это разрешение губернатора. Между тем, как стало известно курганскому исправнику, Мякинин занимался преступной пропагандой среди крестьян, употребляя, например, такие слова: «Жить народу можно и без Царя, другие земли живут без царей, но и управление идет лучше, чем в нашем государстве»³¹². Кроме того, Мякинину вменялось в вину участие в съезде волостных писарей в декабре прошлого года. Нетрудно предположить, какого содержания могли быть публикации в газете Мякинина... В свете данных обстоятельств исправник сомневался, следует ли выдавать Мякинину свидетельство на право издания в Кургане газеты «Зарница». Позднее Мякинин был арестован и заключен в тюрьму. Новой газете не суждено было пополнить список местных периодических изданий.

---

³¹⁰ *Народная газета. 1906. 27 января. С.1.*

³¹¹ *Там же..*

³¹² *ГАКО. Ф. И-254. Оп.1. Д. 2. Л. 179 об.*

Одна из курганских типографий - типография «Народной газеты» - подвергалась хулиганским нападениям. Как писала газета «Курганской свободное слово» в 1917 году: «У нас в Кургане на днях какие-то хулиганы произвели разгром части типографии «Народной газеты». Дикий, бессмысленный разгром, возмущающий душу.... Против нашей газеты еще за 2 недели до ее выхода началась травля со стороны каких-то темных сил. Распространялись заведомо неверные слухи о программе, целях и руководителях нового издания. Рабочие-труженики печатного дела не только убеждались не работать в нашей газете, но, - стыдно сказать, - даже запугивались угрозами бойкота, угрозами лишения отсрочек по призыву в ряды войск с целью сорвать издание нашей газеты и т.д. и т.д.»³¹³.

Курганские газетчики, однако, оказались людьми не слабого десятка, поэтому издание газет шло своим чередом. Кроме вышеназванных в Кургане в начале XX века выходили такие периодические издания как общественно-литературная газета «Юг Тобола»; Союз Сибирских маслодельных артелей выпускал собственное издание – «Народную газету»; с 1914 года после каждого заседания Городской думы к услугам курганцев был также журнал «Известия Курганского городского общественного самоуправления».

На страницах курганских газет в первую очередь поднимались вопросы благоустройства и управления городом и уездом, проблемы народной нравственности и образования. Журналисты старались не только всесторонне информировать читателей, но и литературно разнообразить свои «детюшца», печатая стихи, фельетоны, рассказы. Неотъемлемой частью газет практически с первого момента их появления всегда была реклама. Курганские издатели, особенно с ростом предпринимательства в нашем городе, отводили «двигателю прогресса» порой до половины печатного места! Благодаря рекламе курганцы уже сто лет назад приобретали продукцию известных фирм - «Кодак», «Нестле», «Зингер» «Лореаль».

Наш город не обошла стороной и так называемая нелегальная печать. По свидетельству современников «в Сибири окружающая обстановка была таки довольно патриархальная, полиция и жандармерия не отличались особой опытностью, то их легко было провести за нос. И подпольные типографщики /техники/ жили довольно спокойно и подолгу занимались своей полезной деятельностью»³¹⁴. Причем они ухитрялись использовать технические средства официальных курганских типографий. «Так, в Кур-

³¹³ *Курганское свободное слово. 1917. 20 мая. С.2; ГАКО. Ф. Р-852. Оп.1. Д.40. Л.218.*

³¹⁴ *Ф.Р-1600. Оп.1. Д.70. Л. 1-4; Ф.Г.Виноградов. Рабочая печать в Сибири. Омск, 1927.*

гане в 1906 г. владелец типографии Кочешев постоянно приходил в удивление, что на прокламациях, выпускаемых Курганской группой РСДРП красуются заголовки из его крупного шрифта, а между тем его шрифт цел. Дело объяснялось просто: его наборщик Сережа Блестящий ... приносил тот или иной заголовок, а затем, по минованию надобности, уносил его обратно в типографию хозяина»³¹⁵.

Время расцвета массовой периодической печати в нашем крае наступает в 1917 году, когда в Кургане появляется сразу четыре новых газеты. Не последнюю роль в этом сыграло Постановление Временного правительства о печати от 16 мая 1917 года, в котором печать и торговля произведениями печати провозглашались свободными.

Одними из первых, кто в нашем городе откликнулся на получение свободы слова, стало крестьянство. Это выразилось в издании с июля 1917 года вместо «Народной газеты» - «Крестьянского союза», выходившего под девизом: «Мощь и сила крестьян – в Крестьянском союзе».

Всякая уважающая себя политическая партия считала нужным иметь собственный печатный орган. Для курганских кадетов таковой являлась газета «Курганское свободное слово», для местных эсеров – «Земля и воля». Церковь тоже не осталась в стороне от «свободы слова». В Курганской Свято-Троицкой церкви издавалась независимая, внепартийная газета «Доброе слово», наполненная поистине философскими размышлениями о современных нравах, идеале культурного человека, роли церкви в новой России. Курганцы действительно нуждались в то переломное время в «Добром слове» как в прямом, так и в переносном смысле!

В 1917 году зарождающиеся Советы и будущие коммунисты получают возможность выпускать легальные газеты – «Известия Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Новый мир». Их публикации разъясняли читателям смысл партийной программы, отражали работу местных Советов, рассуждали об образовании рабочих и крестьян, критиковали правительство.

В 20-е годы прошлого столетия в связи с разрастанием бумажного кризиса появляются ... устные газеты. Как говорилось в инструкции по выпуску устных газет, ее материал должен был «ярко и образно рисовать все главные события деревенской жизни данной волости», при этом «необходимо с сарказмом выделить деятельность кулаков, попов и пр., направленных против мероприятий Советской власти. Материал должен писаться не только корреспондентом, но и всеми крестьянами ....»³¹⁶. Воз-

---

³¹⁵ Ф.Р.-1600. Он.1. Д.70. Л. 1-4; Ф.Г.Виноградов. *Рабочая печать в Сибири. Омск, 1927.*

³¹⁶ ГАКО. Ф. 635. Он.1. Д.92. Л. 2.

никает вполне справедливый вопрос, как же «читать» такую газету? Оказывается, корреспондент попросту зачитывал собранные сведения перед крестьянами, а местные любители театрального искусства разыгрывали сценки по ролям, если это было необходимо. Кроме того, по свидетельству той же инструкции, устная газета могла пополняться «соответствующей подготовкой хоровых номеров, демонстрацией картин из волшебного фонаря, игрой советских пластинок на громкофоне и т. д.»³¹⁷.

Как известно, в дальнейшем периодика теряет свое разнообразие. С укреплением советской власти ведущим периодическим изданием в Кургане становится газета «Красный Курган», переименованная в 1959 году в «Советское Зауралье»...

Таким образом, отправной точкой в формировании местной периодики для Кургана становится 1906 год, когда начали выходить газеты «Курганский вестник» (чуть позже «Курганские известия») и «Народная газета». Благодаря этим изданиям Южное Зауралье наконец-то включилось в общероссийское печатное пространство.

Русско-японской война, а в большей степени события Первой русской революции стали решающими и для местной прессы: именно в условиях «тревожного состояния умов» (как охарактеризовал 1905 год Александр Николаевич Балакшин) фактически началось оформление печатного поля нашего края. Именно тогда в процессе зарождения гражданского общества наиболее остро почувствовалась необходимость посредством печати «воспитывать общественное мнение, расширять умственные горизонты, проводить новые идеи...»³¹⁸. А также «следить за всеми явлениями местной жизни, обсуждать со всех сторон возникающие в ней вопросы, отмечать нарождающиеся потребности, освещать вновь прокладываемые пути и встречаемые на них преграды, оглашать правонарушения и отступления от закона»³¹⁹.

Теперь зауральская глубинка уже не могла существовать без собственного живого печатного слова.

---

³¹⁷ ГАКО. Ф. 635. Оп.1. Д.92. Л. 2.

³¹⁸ Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 19.

³¹⁹ Арсеньев К.К. Указ. соч. С.227.

КНИГА - РОСКОШЬ? ИЗЪЯТИЕ КНИГ В 1920-Е ГГ.

Сегодня практически у каждого человека дома имеется библиотека. У кого-то это десяток–другой нужных и ненужных книг, а у кого-то – сотни и тысячи томов, любовно и со знанием дела подобранных. И никому не приходит в голову, что когда-то наличие частной библиотеки было признаком принадлежности к враждебному классу буржуазии. И отношение к библиотекам и их хозяевам было соответствующим.

Как все помнят, в первые годы Советской власти российская промышленность не работала, практически ничего не выпускалось, однако общество испытывало потребность во всем. В том числе и в книгах. В прямом смысле этого слова свирепствовал «книжный голод». Нужна была литература – и справочная, и профессиональная, и учебная.

Как известно, в 1919-1920-е годы курганский пролетариат все проблемы решал быстро и остроумно. Реализации подлежал только один лозунг – «изъять и поделить». Если в городском хозяйстве чего-то не хватало – издавалось постановление уездного исполнительного комитета и у простых обывателей можно было изымать все, что угодно: музыкальные инструменты, мебель, предметы роскоши, к которым причислялись посуда, люстры, ванны, ковры, другие предметы домашнего обихода. А все «бывшие», к коим причислялись недавние фабриканты, домовладельцы, купцы, священники и другие относительно зажиточные граждане, обязаны были, например, сдать еще и по паре чистого мужского белья в пользу больных тифом. Так же просто в г. Кургане решили и проблему «книжного голода».

В июне 1920 года в г. Кургане при Библиотечной секции Отдела народного образования был образован Комитет «Дня книги», которому были даны широчайшие полномочия. 13 июня 1920 года, например, горожане узнали, что все книги, имеющиеся у частных лиц и учреждений, должны быть немедленно зарегистрированы в библиотечной секции. Все курганцы должны были представить списки книг, которые они желают оставить у себя. Причем, одна семья или одинокий человек имели право всего на 150 томов (или отдельных переплетов). Для проверки предоставляемых сведений был организован специальный обход квартир уполномоченными Комитета «Дня книги». Книги, количество которых превышало 150, реквизировались. В случае добровольной сдачи владельцы получали небольшую плату. Кроме того, принудительно изымались все книги, принадлежавшие учреждениям, библиотекам, бежавшей буржуазии, а также тем, кто умышленно скрыл свои библиотеки.

За три дня работы комиссия конфисковала 859 книг. Горожанами было передано за плату и добровольно сдано 5631 книга. Сверх того курганцы пожертвовали в пользу «книжных голодающих» 1488 томов.

Вся сданная литература была передана в склад-коллектор центральной городской уездной библиотеки и была направлена на пополнение книжного фонда уже существующих и вновь создаваемых библиотек уезда.

Особый разговор - о библиотеках церковных учреждений, поскольку они тоже попадали под действие реквизиций. Вся церковная литература, по мнению властей, была сугубо реакционной и подлежала если не уничтожению, то уж «сдаче в архив» определено. Там она со временем и оказалась. Так, по отчету В.П. Ефимова, директора курганского окружного архива, в 1926 году в его заведении находилось около 25 тысяч книг, направленных Комиссией по изъятию негодной и устаревшей литературы после обследования книжных собраний церковей, монастырей и церковно-приходских школ.

Слух об активном переделе собственности в уездном Кургане дошел до губернского начальства в г. Челябинске, где были несказанно удивлены ретивостью новоявленных советских клерков. 27 января 1921 г. Челябинским губернским исполнительным комитетом было принято специальное постановление, запрещающее курганским властям производить реквизиции, поскольку они противоречили Декрету Совнаркома от 15 апреля 1920 г.

Несанкционированные конфискации в уезде прекратились. Но к этому времени практически все крупные частные библиотеки в г. Кургане были разорены. И как воспоминание о них можно еще встретить сегодня в некоторых городских библиотеках старинные тома книг, видевших и роскошь дубовых книжных шкафов своих хозяев, и пыльные подвалы пролетарских бибколлекторов³²⁰.

---

³²⁰ *Красный Курган. 1920, 1921.*

Свободное время горожанам

О ПРАЗДНОВАНИИ НОВОГО ГОДА

Вот уже многие сотни лет с наступлением декабря люди с радостью погружаются в предпраздничные хлопоты, связанные с Рождеством и Новым годом. Наверное, для всех, вне зависимости от возраста, профессии, конфессиональной принадлежности, это самые любимые, романтические, трогательные праздники. Так было и сто, и двести лет назад. Наши предки, как и мы с вами готовились к радостному событию заранее: ходили по ярмаркам и магазинам, закупали продукты для праздничного стола, присматривали подарки для членов семьи и друзей. А выбрать было что.

Столетие назад с началом зимы во многих крупных селах Курганского уезда проводились ярмарки. Самые крупные торги проходили на рождественской ярмарке в самом Кургане. В город съезжались и богатые, и бедные, купцы и мещане, горожане и крестьяне. Особым почетом и вниманием пользовались приехавшие из Европейской России оптовые скупщики товаров. Только мяса ими к рождественскому столу столичных жителей ими увозилось до 80 тысяч пудов. Закупалось в большом количестве и масло, и зерно, и меха. Славилось Зауралье и своей дичью, которая не только экспортировалась за рубеж – тетерева, рябчики, куропатки были частыми гостями на столах курганцев. Товаров было так много, что они едва помещались на нижебазарной площади. В преддверии праздников на ярмарке деньги текли рекой. Здесь можно было найти товар на любой кошелек и на всякий вкус – продавались шубы, платки, пимы, готовое платье, прибывшее из самого Санкт-Петербурга. Для детей завозилось огромное количество игрушек. Вовсю работали ярмарочные харчевни на Нижебазарной площади. Нельзя сказать, что выбор блюд там был особенно разнообразным, но подгулявшим деревенским продавцам, выгодно сбывшим свой товар и их покупателям это было уже и неважно – дали бы выпить-закусить. Чарка-другая – и пошло веселье. В 1913 г. всего за три дня работы рождественской ярмарки курганской полицией за пьянство и буйство было арестовано целых 17 человек. И это еще в рожде-

ственный пост! Впрочем, уже в пост в городе новогодние праздники начинали постепенно набирать силу, т.к. из-за разницы церковных календарей курганские протестанты и католики праздновали и Рождество, и Новый год на две недели раньше, чем православные.

Самым популярным местом проведения рождественских праздников в Кургане было 1-е общественное собрание, куда стекался весь цвет гордского общества. Именно здесь проводились танцевальные и музыкально – драматические вечера, детские елки, балы и маскарады. Последние пользовались большой популярностью у курганцев. Костюмы, парики, аксессуары можно за умеренную плату взять напрокат у костюмера Общественного собрания Осипова, который, ко всему прочему, был неплохим парикмахером. Так что курганцы во французских, польских, японских, турецких костюмах выглядели самым романтическим образом. Оригиналы, которые хотели поучаствовать в маскарадных конкурсах, сами придумывали себе наряды: большим успехом у курганцев в начале XX века пользовались костюмы «Наша пресса», «Обезьяна», «Русская женщина», «Хлопушка» и «Русский сахар». Не обходилось и без маскарадных казусов. В 1913 году курганским полицейским исправником Иконниковым был издан приказ, по которому «ввиду предстоящих святок все лица, посещающие в гриме и маскарадных костюмах незнакомые им дома, должны быть задержаны и отправлены в полицию для удостоверения личности и привлечения к законной ответственности». Кстати, праздники с передеваниями любили и простые горожане. В конце XIX века в моду вошли так называемые «васильевские» маскарады, где собирались люди самых разных профессий – повара, горничные, приказчики, портные и их подмастерья, модистки, портнихи, а также подгулявшие отцы семейств, по случайности завернувшие по дороге домой из благородного общественного собрания. Буфета на «васильевских» посиделках не полагалось, поэтому народ поступал просто: все желающие продолжить праздничный ужин, привозили все, что необходимо для приятного времяпровождения с собой.

А уж «чего выпить-закусить» в курганских магазинах и на базарах было в достатке. К Рождеству местные газеты пестрели объявлениями о широких распродажах. Шампанские и игристые вина поставщика императорского двора фирмы Редерера, вина и наливки фирм Бауера, Елисеева, Шустова, коньяки товарищества виноторговли К.Ф. Демре, а также всевозможные закуски к ним можно было приобрести в винно-колонизальных магазинах Багашева, Кривенцова, Ушакова, Окладовикова и Пикулина. Одно перечисление наименований французских сыров из курганских лавок - Бри, Рокфор, Камамбер, Бакштейн – говорит нам о том, что

новогодние столы курганцев отнюдь не были бедны. А рыба, а икра! Городские торговцы заказывали в больших количествах и получали прямыми поставками с Двины, Печоры и Волги корюшку, копчушку, пузанку, семгу, осетров, навагу, икру (красную и черную). Не были забыты и сладко-ежки: им предлагался широкий выбор печенья, пряников, варений и конфет известнейших столичных фирм - Эйнема и Бормана.

Помнили продавцы и о развлечениях для самых маленьких. В магазинах Кочешева и Галямина помимо елочных украшений и свечей можно было приобрести игрушки для детей и игры для взрослых – «Война воздухоплателей», «Квартет писателей» и «Шалости Амура».

Хорошим тоном в дореволюционном Кургане было в праздники помогать бедным. Зажиточные горожане ежегодно делали денежные пожертвования для рождественских подарков. Такие подарки получали дети бедных родителей и арестантов, а также воспитанники приютов. Обычно в подарок была одежда – пальто, шапка, валенки и маленький кулечек со сладостями. И обязательно проводилась елка – с рождественскими песнями, стихами и музыкой. Словом, никто не был забыт. И каждую зиму курганские дети с нетерпением ждали наступления Рождества и Нового года, как и сегодня мы с вами ждем приближения этих любимых праздников³²¹.

---

³²¹ *Тобольские губернские ведомости. 1868, 1894; Курганский вестник. 1910, 1912, 1913.*

ЛОШАДНИКИ, КОННЫЕ БЕГА И ТОТАЛИЗАТОР В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Лошадь в Зауралье любили всегда. Еще бы! Она была незаменима: крестьянин и землю на ней пахал, и на ярмарку за товаром ездил, да и ямщину гонял, если это было необходимо. У горожан лошадки тоже имелись, но жизнь этих животных протекала куда легче, чем у их деревенских родственниц – расстояния в городе в старину были невелики и лошадей использовали чаще всего в конных экипажах – к сватам в гости съездить или на природу выехать всем семейством. Правда, люди позажиточнее норовили заводить лошадей породистых, да таких, чтоб сосед от зависти ночь не спал, и было кем похвастать перед друзьями-лошадниками. К началу XX века в Кургане появились лошади самых известных пород. Их хозяева были людьми очень состоятельными – купцы Смолины, например. Славилась своими конюшнями обитатели имений Черная Речка и Луговая – Карчевские. Были любители и победнее – страсть, она не спрашивает о размерах кошелька. Такие люди годами копили средства на покупку какого-нибудь орловского рысака. А уж купив, непременно пробовали своего любимца на бегах. И действительно, где как не на ипподроме можно узнать об истинной ценности лошади. В каждой деревне на новый год или Рождественские праздники собирались охотники конного спорта и устраивали скачки на довольно большие расстояния по дороге, верст на 14-20.

Одними из самых крупных конных соревнований в Курганском уезде были бега, организованные на особо устроенном для этого беговом круге в 2 верстах от Кургана Комитетом по устройству сельскохозяйственной и кустарной выставки в 1895 г. На бега допускались скаковые лошади, тройки и пары. За лучших лошадей были выданы денежные награды, медали и похвальные листы. Кроме того, в состязании участвовали и рысаки-одиночки, но без права получения премий.

В августе 1911 г. курганские конезаводчики объединились в Общество поощрения коннозаводства. По их инициативе построили первый ипподром, который размещался далеко от города, на территории современного аэродрома. 1-го мая 1911 года состоялось его торжественное открытие с торжественным молебном и освящением. Был запущен и тотализатор. Принцип его действия уже был хорошо освоен зауральцами. Например, газета «Курганский вестник» 8 августа 1913 г. писала о событиях в Саломатовской волости Курганского уезда: «Лошадиный спорт – любимое развлечение наших обывателей. Организаторами спорта обыкновенно являются цыгане, которые живмя живут в нашей волости и на сей почве

приобретают немалые капиталы, так как бега производятся на пари, и добытые путем «крови и пота» деньги крестьянские переходят в бездонные цыганские карманы. Заканчиваются бега обычным пьянством, что и является главной приманкой спорта и дает возможность нашим домохозяевам бесконтрольно от домашних спускать несколько рублей».

Какие же породы заводили себе курганские лошади? Вкусы у всех были разные: кто-то предпочитал орловских рысаков (таких у нас было большинство), кто-то слыл поклонником английских скакунов, а кто-то заводил совсем экзотику – коней местной киргизской породы. На страницах малоизвестной газеты «Юг Тобола» можно прочитать о некоторых местных знаменитостях – Азарте, небольшой лошадке киргизской породы оригинальной масти, жеребце Мой хороший, постоянном победителе конных состязаний «Друг Сибири», «иностранцах» – Троицком-Эссентуки и Парусе. Старый ипподром проработал до 1918 г. А там – белые и красные, война и голод. За какие-то пять лет был уничтожен практически весь фонд племенных лошадей Зауралья. Богатых людей тоже поубавилось. Ипподром пришел в запустение, имущество было разворовано.

Все же в Кургане нашлись люди, которые понимали, что лошади – отнюдь не барская забава. Они нашли доводы, которые убедили местные власти, что занятие коневодством, в т.ч. и элитными породами, ничего, кроме пользы, рабочим и крестьянам не принесет, тем более, что Курганский уезд был аграрным, а лошадь была главной рабочей силой крестьянского хозяйства. В 1922 г. деятельность курганского ипподрома была восстановлена – его разместили уже на новом месте – в черте города, по Вольно-Пожарному переулку. И все покатило своим чередом – болельщики (их любовь к конному спорту не зависела от социального строя) толпились у тотализатора, делая ставки на своих заветных Лыдинок, Хаз-Булатов, Кворумов и Метрополий, заводчики (коневодством стали заниматься и первые советские совхозы, и состоятельные единоличники) хвастались своими достижениями, а случайные зрители в прохладе буфета попивали холодное пиво. Но пришла беда, откуда не ждали: в деревню пришли стальные «кони», и старые добрые, веками испытанные лошади остались не у дел. А что до племенного разведения – так ведь стране требовались показатели по мясу и зерну, а совсем не элитные породы. Конный спорт на долгие десятилетия ушел в тень³²².

---

³²² *Тобольские губернские ведомости. Тобольск. 1895. С. 1180, 1001; Курганский вестник. 1913. 8 августа; ГАКО. Ф. Р-315. Оп.1. Д. 535, 557, 576; Ф. Р-852. Оп.1. Д. 46. Л. 16; Ф. Р-635. Оп.1. Д. 383; Ф. 465. Оп.1. Д. 1А, Л. 260-264; Ф. Р-1541. Оп.2. Д. 73. Л. 97-106; Д. 11. Л. 70; Оп. 4. Д. 2. Л. 35-43; Д. 4. Л. 56-59.*

КУРГАНСКИЕ УЧИТЕЛЯ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ В 1900 Г.

Что обсуждают сегодня дни наши учителя на педсоветах? Нетрудно представить: какая успеваемость у Петрова, что делать с хулиганом Ивановым, чем материально помочь Сидорову. Есть вопросы и посерьезнее: где найти спонсоров на ремонт школы, на какие деньги закупать компьютеры, оборудование, как прошла аттестация... Этот ряд вопросов можно продолжить дальше. В последнюю очередь, похоже, в это время наши педагоги вспоминают о своих грядущих отпусках. И редко у кого из них летние фантазии простираются дальше родных российских просторов.

А сто лет назад, в это же время, в нашем же городе, на таком же педсовете сидели очаровательные дамы, преподавательницы Курганской Александровской женской прогимназии, и обсуждали очень важную проблему – кто же из них поедет в город Париж на всемирную выставку. Да да, представьте себе - Министерство Просвещения в середине апреля 1900 года разослало циркуляр по всем учебным округам с предложением определить кандидаток на участие во всемирно известной выставке. Все расходы российское правительство брало на себя.

Курганские педагоги решили эту щепетильную задачу просто и демократично – путем обычного голосования единогласно избрали кандидаткой на поездку начальницу гимназии Марию Матвеевну Волкову. Более удачный выбор было трудно представить – Мария Матвеевна Волкова была действительно достойной кандидатурой. Она к моменту поездки в Париж уже десятилетие проработала учительницей математики в Курганской Александровской женской гимназии, несколько лет как возглавляла это учебное заведение в качестве начальницы и за безупречную службу на ниве просвещения была награждена медалью в память царствования императора Александра III.

Кстати говоря, она была не единственной, кто решил провести несколько летних недель в Париже. Учительница младшего отделения приготовительного класса Антонина Александровна Трифонова также изъявила желание ехать на Всемирную Парижскую выставку за свой счет с правом воспользоваться всеми преимуществами, представленными на этот предмет Государем Императором учительницам – это льготный проезд, естественно, отпускные деньги и третий, не в зачет жалованья, оклад.

Сегодняшним педагогам об этих воистину царских льготах остается только мечтать. Но может быть когда-нибудь и наше современное Министерство образования найдет средства и будет посылать раз в год, не обязательно в Париж, но куда-нибудь в Европу, хотя бы по одному педагогу из провинциальных школ³²³.

---

³²³ ГАКО. Ф.63.

ОХОТНИЧЬИ ЗАТЕИ КУРГАНЦЕВ

Охота в Сибири всегда была чем-то большим, чем развлечение. Это было и средство пропитания, и возможность защитить свое хозяйство от хищников, и профессия, и удовольствие. Практически каждый взрослый сибиряк знал все о повадках зверей и птиц, а мальчики с детства изучали тонкости охоты.

Долгое время зауральские земли были чем-то вроде охотничьего Эль-дорадо: леса, поля, водоемы были полны непуганой дичи, местное население, ввиду своей относительной по сравнению с Европейской Россией малочисленности, еще не успело нанести особый урон охотничьему хозяйству Зауралья.

По сведениям известного в Тобольской губернии охотника А.Д. Апраксина в Курганском уезде преобладала охота лесная (в основном на боровую дичь) и водяная (на уток). Однако, крестьяне-промышленники (так назывались сельские охотники, добывавшие дичь на продажу) обычно не специализировались на каком-то одном виде охоты. Их трофеи менялись в зависимости от сезона.

Самой почетной добычей для курганского охотника был, конечно же, волк. Это сегодня опасные звери держаться подальше от человеческого жилья, а раньше волк мог чувствовать себя спокойно и вблизи сел и городов. Известен случай, когда в ноябре 1894 года волк ночью забежал во двор жительницы Кургана Жогелевой, немало напугав женщин и детей. Оголодавший зверь попытался напасть на хозяйку, ворвался в дом, но был заперт в кухне, где и был зарублен топором. Этот случай не был единичным: волки в Курганском уезде являлись страшным бичом для сельского хозяйства, они вырезали скот, а в голодные года нападали даже на людей.

Охотились на волка не поодиночке, а группами, уж слишком силен и умен был этот зверь. «Цивилизованные» охотники-любители (а такие в Зауралье уже были), чаще всего охотились традиционным облавным способом. В 1895 г. во время одной такой облавы около д. Титовой Курганского уезда было уничтожено 7 волков. Однако, у местных крестьян-старожилов были способы и пооригинальней, например, с поросенком. В этом случае для двух охотников специально изготавливался короб из ивовых прутьев, который ставился на дровни, а в дровни гуськом запрягались охотничьи лошади. Затем выбирался поросенок поголосистой, которого помещали в короб, где уже находились охотники с ружьями. В заключение к дровням сзади прикрепляли изготовленный из сена и облитый свиным салом муляж свиньи. С такой экипировкой искатели приключений отправлялись в места, где наверняка обитала стая волков. Привлеченные

запахом и криком поросенка волки выбирались из логова и начинали преследовать охотников, а те, в свою очередь, начинали охоту. Исход охоты был непредсказуем: при ограниченном количестве волков победа доставалась охотникам и поросенок оставался жив, а вот если стая была слишком большая, с наживкой приходилось расставаться, уж слишком большая опасность грозила людям.

Был и еще более опасный способ охоты на серых хищников, который практиковался курганскими крестьянами. Они гоняли волков верхом, с собаками и вооруженные одними нагайками, к концам которых были прикреплены два свинцовых шара, имевшие в диаметре полвершка. Собаки тоже были особые: они имели сходство с борзыми, были большими и сильными. Охотники на лошадях шли по следу волков, а когда настигали их, то собаки бросались на хищников, цепляясь за уши или загривок. Стая обычно разбегалась в стороны, поэтому охотник или два выбирали себе одного зверя и со своими собаками преследовали его. Искусство охотника состояло в том, чтобы на скаку, подъезжая к остановленному волку, ударить его по переносице – «норке» - свинцовыми шариками своей нагайки. Обычно хватало одного точного удара, чтобы свалить матерого зверя. При такой охоте волки редко избегали горькой участи, и вся стая практически уничтожалась.

С течением времени волков в Зауралье становилось все меньше, меньше стало и охотников, знающих толк в «особенностях зауральской охоты» на этого опасного зверя³²⁴.

---

³²⁴ *Тобольские губернские ведомости. Тобольск. 1894. С. 998; Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности // Приложение к официальной части газеты «Тобольские губернские ведомости». 1900. № 3. С.24.*

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ: КУРГАНСКИЙ ЦИРК В 1920-е ГГ.

«Хлеба и зрелищ!» - этот лозунг, предел желаний городской бедноты времен римского императора Августа, ставший крылатым выражением, очень даже подходит к курганцам начала 1920-х годов. В то время вопрос хлеба был равносильным вопросу выживания. И кстати, борьба за хлеб, отнимавшая много сил и энергии, была непомерно жестокой. И тем не менее, как только на город опускался вечер, забыв об усталости, рабочие, чекисты, красноармейцы, городские обыватели спешили занять места в залах курганских театров и клубах.

А посмотреть, было что. В театре «Рабочий отдых» шла драма Евдокимова «Непогребенные», в Рабоче-Красноармейском клубе – драма в 4 действиях «Накануне», в железнодорожном клубе имени К. Маркса – «На бойком месте» Н. Островского, в Народном доме – водевиль «Дорогой поцелуй»... В газетах то и дело появлялись сообщения о готовящихся постановках и концертных программах.

И все же, несмотря на разнообразие зрелищ и увеселений, любимым местом отдыха курганцев был цирк. Неслучайно же именно в цирке в конце 1920-х годов Курганским отделением союза работников искусств проводилась благотворительная акция: «Неделя помощи фронту». Ежедневно с 20 ноября по 5 декабря здесь устраивались различные спектакли, концерты, вечера. Да и сам коллектив цирка давал представления по улучшенной программе. А потому и сбор, сделанный цирком в помощь фронту – 131910 рублей - оказался самым высоким по сравнению с другими «культточками». Так, например, кинотеатр «Советская пропаганда» собрал 73260 рублей, а Рабоче-Крестьянский клуб всего лишь 14143 рубля³²⁵.

В будни и воскресные дни у цирка, что на улице Свободы (бывшей Троицкой), рядом с пожарной каланчой выстраивалась громадная очередь за билетами. Цены на билеты были самые разные: от 25 рублей на галерке до 400 – в ложе³²⁶. Дорого или дешево? Сравним. Подстричься «под бобрик» можно было за 8 рублей, а починить сапоги, сделав подметки и набойки, - за 54 рубля. А если бы извозчик довез вас от железнодорожной станции до улицы Береговой, то взял бы с вас 40 рублей. И при этом надо иметь в виду, что средняя зарплата простого рабочего колебалась от 30 до 60 рублей в сутки. Как видим, нельзя сказать, что цирк был дешевым удовольствием, если кому-то приходилось выкладывать за би-

---

³²⁵ ГАКО. Ф.Р-6. Оп.1. Д.8. Л.9.

³²⁶ Там же. Д.45. Л.21.

лет суточный заработок. И все равно зал набивался до отказа. По словам очевидцев, некоторым зрителям приходилось сидеть на полу.

Имелись льготы. Например, ближайшие родственники цирковых артистов в среду, четверг, пятницу и субботу могли посещать цирк бесплатно. Для таких посетителей в зале специально выделялось десять мест. Если же родственников насчитывалось больше десяти – увы, кто не успел занять заветное место, должен был расплатиться с билетершей своими кровными³²⁷.

Часто в зале можно было увидеть членов исполкома, начальника милиции или председателя ЧК. Для зрителей такого ранга существовала «Почетная ложа», которую разрешалось занять при предъявлении соответствующего мандата.

Работа цирка контролировалась отделом народного образования и Курганским отделением Союза работников искусств, которые в условиях активной борьбы с неграмотностью, невежеством и распущенностью очень тщательно следили за репертуаром, ориентируя его на то, чтобы он отвечал революционному духу времени. Так, например, труппой цирка в апреле 1920 г. готовились к постановке пантомимы «Танцы революции» и «Герои революции»³²⁸. Следили, чтобы в постановках присутствовала революционная атрибутика. А потому никого и не удивляло, когда артист Кухаренко, выполнявший акробатические трюки, выступал в костюме матроса.

За время существования цирка с начала XX века у зрителя сложились свои вкусы и пристрастия в отношении тех или иных цирковых номеров. Особо любимым зрелищем была французская борьба. Публике доставляло большое удовольствие следить за ходом поединков, в которых иногда принимали участие и любители-курганцы. Но в 1920-е годы французская борьба была исключена из циркового репертуара, по всей видимости, как не имеющая оттенка революционности.

Тем не менее, зрители скучали по былым развлечениям. В марте 1921 г. в правление Курганского отделения Союза работников искусств поступило заявление с просьбой о разрешении военно-спортивному клубу устроить в цирке любительский чемпионат борьбы. Разрешение было дано при условии, что чемпионат будет проводиться «вне цирковой программы и не после цирковых представлений, а днем, причем вход должен быть бесплатным»³²⁹.

---

³²⁷ ГАКО. Ф. Р-6. Оп.1. Д.7. Л.57.

³²⁸ Красный Курган. 1920. 25 апреля.

³²⁹ ГАКО. Ф. Р-6. Оп.1. Д.44. Л. 4 об.

В остальном набор цирковых номеров был традиционным. Зрители могли увидеть салонно-музыкального жонглера, комических акробатов, тяжелоатлета, фокусника, дрессировщика, клоунов. Не обходилось и без так называемых смертельных трюков, какими были «трудные упражнения и обрывы на вольном трапе под куполом цирка»³³⁰ в исполнении самого директора цирка Жоржа Вильямса.

Наравне со взрослыми на арене выступали и дети. В конце 1920 г. в состав труппы входили девочка и три мальчика, и заняты они были в акробатических номерах на лестнице и трапедии. Правда, выступления детей вызывали большое возмущение со стороны защитников детства, считающих подобную эксплуатацию малолетних преступлением.

На протяжении всего своего существования цирк подвергался нападкам со стороны «деятелей высокого искусства». Критиковали все, начиная от состава труппы и заканчивая репертуаром, большинство номеров которого, по утверждению противников цирка, «никакого впечатления кроме брезгливости, не оставляет». Призывы к «получению развлечения не на арене цирка, а на театральной сцене» не остались неслышанными. Курганский уисполком летом 1920 г. реорганизовал цирк. «В целях развития культурно-просветительской, агитационно-пропагандисткой работы использовать помещение цирка для театра, оставив арену не занятой, и чередовать там драматические представления и цирковые с митингами, концертами и лекциями». Что же касается труппы, то ее состав был также обновлен. Артисты, работавшие в цирке, ангажировались из разных городов страны. Так, в августе 1920 г. в курганский цирк из Петропавловска был приглашен клоун Сергей Буяковский. Некоторые из артистов были иностранцами, как например, династия итальянцев Феррони, представляющая на арене цирка номера музыкальной эксцентрики.

Не меньшим успехом у публики пользовались митинги, устраиваемые здесь. Однажды (6 мая 1920 г.) во время представления в цирке неожиданно погас свет. Спектакль был прерван. Присутствующие же здесь председатель уисполкома товарищ Самоданов и председатель ЧК товарищ Корнилов решили использовать это время для митинга. Позже, когда митинг завершился, свет дали, и спектакль продолжился, многие зрители говорили: «Почаще бы устраивались такие митинги-спектакли»³³¹. В ноябре 1920 г. в цирке выступил прибывший с агитационно-инструкторским поездом председатель ВЦИК М.И. Калинин³³².

---

³³⁰ ГАКО. Ф. Р-6. Оп.1. Д.7. Л.48.

³³¹ Красный Курган. 1920. 9 мая.

³³² Там же. 3 ноября.

И тем не менее, несмотря на постоянные аншлаги, огромную популярность, в марте 1921 г. курганский цирк был закрыт. Одной из причин прекращения его деятельности указывалась нарушение репертуарной политики. Например, было запрещено устройство всевозможных бенефисов, юбилеев. Но цирк проводил подобные мероприятия, привлекая зрителей афишами «самого балаганного характера»: «Приглашаем на вечер Громова, где вы увидите, как на голове Громова острым топором будут колоть дрова!!!»³³³. Было запрещено выступать куплетистам цирка с куплетами явно сального характера.

Больше всего нарушений выявилось в финансовой деятельности цирка. Используя свою популярность, руководство цирка самовольно повышало цены на билеты, оставляя разницу между установленными и самовольными ценами в кассе цирка. Так, например, во время проведения «Недели помощи фронту» цирк утаил 395093 рубля³³⁴. В июле 1921 г. цирк вновь открыл свою арену, но теперь уже в качестве отделения цирка Челябинского губернского кооператива.

---

³³³ ГАКО. Ф. Р-6. Оп.1. Д.45. Л.32.

³³⁴ Там же. Д.44. Л.6-7.

Культура питания. Здоровье горожанина

КАРТОФЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПОЯВЛЕНИЕ КАРТОФЕЛЯ В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ КУРГАНЦЕВ

В мае 1841 г. в Курганское хозяйственное управление поступило письмо Министерства государственных имуществ «О введении и распространении картофеля, как произведения менее других подверженного случайностям неурожая»³³⁵. Предлагалось «размножить этот продукт между городскими обывателями, при этом внушив им всю пользу картофеля, особенно для бедных семейств». Тогда и началась картофельная история, до этого такого овощного продукта местное население не знало.

Но заставить возделывать картофель оказалось делом нелегким. Хозяйственному управлению было поручено убедить горожан в пользе картофеля. Для этого отводились земельные участки под посадку овощной новинки, семена разрешалось приобретать за счет капитала на довольствие. Кроме того, предполагалось награждать особо отличившихся картофелеводов золотыми и серебряными медалями «За полезное», а также денежными премиями. К тому же горожанам разрешалось выкуривать вино из картофеля на всех заводах, а затем продавать его. Казалось, были созданы все условия: и семена бесплатные, и земли специальные, и премии обещают, а дело не идет! Кстати, награды, обещанные за посевы картофеля, сыграли отрицательную роль. Столь высокие поощрения были непонятны местному крестьянству, они старались найти в действиях начальства какой-то особенный, тайный смысл. Будучи обеспечены хлебом, они видели в картофеле ненужный для них овощ. Награды могли иметь значение в губерниях не хлебородных, в которых картофель мог заменить собой недостаток в хлебе.

Также основаниями для недоверия к новой культуре служили и некоторые народные предания. Существовала одна легенда, которая гласила:

---

³³⁵ ГАКО. Ф.8. Он.1. Д.35. Л.1.

«...Задумал старец-бogoотступник помирать и завещал похоронить его на бугре. Умер, похоронили так, как и просил. А на том бугре возьми и вырасти дикая трава, коей на свете еще не было. Была то картофеля. Вот с тех пор одолел страх мужиков и баб, и пошло: “дьявольские яблоки”, “чертовы яблоки”»³³⁶. Поэтому и противились крестьяне, не желали высаживать невиданное растение. Страшное, да и не родное совсем это дело! «...Свои семена сеем – хлебина вырастает, как море золотое, а ихнее было и вовсе не взойдет, а если растет, так и не глядел бы на него».

В Хозяйственном управлении пришли к выводу, что к картофелю «сложился предрассудок», продукт не благославлен религией и, по мнению народа, противостоит хлебным семенам, портит хлеб. Чтобы убедить крестьян и горожан в обратном, необходимо было отвести опытный участок, обучить и под надзором сведущих людей, знакомых с данной отраслью хозяйства, показать все на практике. Всероссийское экономическое общество печатало статьи, рассылало инструкции как сажать, убирать, хранить и употреблять картофель.

Местные власти боялись «картофельных бунтов», тем более, что летом 1842 г. в Шадринском уезде такой бунт произошел³³⁷. Это было понастоящему страшное, кровавое выступление крестьянства.

Весь период с 1841 по 1842 гг. прошел в уговорах и отписках: то не хватало семян, то не было опыта. Только к 1847 г. можно говорить, что семена картофеля стали засеивать в Кургане ежегодно. Так, в 1847 г. было посеяно 12 четвериков (один четверик 2,09 кг), а получено 74, в 1848 г. посадили 14 четвериков, уродилось 99³³⁸.

Постепенно стало выращиваться все больше и больше картофеля, да и на вкус он, видимо, понравился горожанам. Кроме того, ему находили разнообразные применения. В 1852 г. в Кургане действовал картофельно-паточный завод. Местные газеты предлагали лечиться картофельным соком, который являлся чудесным лекарством от радикулита³³⁹. Писали, что больным, которые оздоравливались данным методом, «через 2 недели можно приниматься за работу»³⁴⁰. Кроме того, картофель стал не только популярной продовольственной, но и технической культурой, необходимой для производства крахмала и спирта.

Так обстояло дело с внедрением картофеля в рацион питания жителей города и его окрестностей. «Земляные яблоки» постепенно завоевали свои позиции. С тех пор стали говорить: «Картофель – второй хлеб».

---

³³⁶ ГАКО. Ф.Р-1774. Оп.1. Д.116.

³³⁷ Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т.10. СПб., 1874. С.86.

³³⁸ ГАКО. Ф.8. Оп.1. Д.76. Л.468.

³³⁹ Курганский вестник. 1914. 4 июня.

³⁴⁰ Там же.

ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ ПИВА В КУРГАНЕ

Поистине, пиво – вечный напиток. Его пили еще в античные времена, пьют повсеместно и сейчас, невзирая на различия в культуре и традициях. Предки современных россиян научились варить пиво достаточно давно – еще в XI веке. Иностранцы, пробовавшие его, свидетельствовали, что русское пиво, сдобренное патокой и ягодными смесями, было очень вкусным и крепким, хотя и немного мутноватым. Пиво в русских, в том числе и сибирских, селениях варилось к большим праздникам, свадьбам, крестинам и другим торжественным случаям. Со временем производством популярного в народе напитка занялись предприимчивые люди. В Российской империи повсеместно стали строиться пивоварни или пиво-медоваренные заводы.

В 1867 г. такой завод появился и в городе Кургане. Владел им один из самых богатых людей города – купец Д.И. Смолин. Продукция этого завода ничем особым не отличалось до тех пор, пока за производство курганского пива не взялся приехавший из Австро-Венгрии специалист-пивовар Вячеслав Антонович Гампль, чех по национальности. Поначалу мастер арендовал пивоварню у купца Смолина, а затем построил свой завод с учетом всех старинных традиций пивоварения, «оборудованный машинами новейших конструкций по заграничному типу». Одним словом, это было образцовое производство.

28 июля 1913 г. на собственном заводе В.А. Гампля состоялся первый выпуск пива. Особой рекламы оно уже не требовало, так как напиток, сваренный Гамплом по чешским рецептам еще на арендованном у Смолина заводе, уже получал высшие награды на выставках в Лондоне в 1903 г., Париже в 1905 г., Брюсселе в том же 1905 г., а также на Российской выставке в Ростове-на-Дону в 1906 г. В продажу были запущены самые лучшие сорта пива – пильзенское, венское, мюнхенское, бок-бир. Основными его потребителями стали горожане – в Кургане уже в 1909 г. действовало 15 пивных лавок (напомним, что в это время в городе проживало 24 тысячи 225 человек). Более дешевые сорта народного напитка сбывались в пивных лавках деревень Курганского уезда.

Хозяевами пивных заведений становились чаще всего зажиточные крестьяне, хотя прибыльной торговлей пивом не гнушались и мещане, и купцы, и сами заводчики (у самого Гампля по уезду и в городе находилось в собственности 10 пивных лавок). Да что там говорить! Потомки потомственного польского дворянина Альфонса Поклевского-Козелл были владельцами одного из самых крупных пивных заводов в России и распрост-

раняли свою продукцию через обширнейшую сеть своих торговых точек по Уралу и Западной Сибири. Торговому дому «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл», например, принадлежала пивная лавка по Троицкому переулку, где ежедневно имелось пиво свежего разлива различных сортов собственно производства. Уровень конкуренции был велик: в Кургане реализовывали свою продукцию завод Гампля, торговые дома «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл» и «Миней Мариупольский и К^о». Поэтому торговые агенты торгового дома Поклевских изобретали для привлечения публики самые разные способы. Например, посетители пивной по Троицкому переулку имели возможность после сытного ужина за кружкой пенного напитка сыграть партию-другую на одном из имеющихся в заведении бильярдных.

Работа пивных лавок была строго регламентирована городскими властями: заведения были открыты с 9 часов утра до 9 часов вечера на местах и с 12 часов дня до 6 часов вечера на вынос. Пивные были совсем закрыты в 1-й день Рождества, накануне его – в Сочельник, в пятницу и субботу Страстной недели, первый день Пасхи, в воскресенье на Масленице и Троицын день.

Пивной ренессанс в Кургане продолжался недолго. С началом гражданской войны остановил свою работу знаменитый завод В.А. Гампля в Кургане, прекратились поставки пива в Зауралье другими знаменитыми торговыми домами. В 1919 г. вместе с отступающими частями армии адмирала А.В. Колчака покинул Курган и «отец» знаменитого курганского пива, знаток секретов чешских пивоваров В.А. Гампель³⁴¹.

---

³⁴¹ ГАКО. Ф. Р-567. Оп.1. Д. 98. Л.5; Ф. Р-463. Оп.1. Д. 3. Л. 22; Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана. Курган. ,1909. С. 34,108, 120-176; Юг Тобола. 1912. 3 августа. С.4; Курганский вестник. 1913. 28 июля. С.1; Васильева А.М. Забытый Курган. Курган. 1997. С. 161.

«ДАЙ ВАМ БОГ ЗДОРОВЬЯ ДА ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ЧИН»: ЗДОРОВЬЕ КУРГАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ

Как известно, государственные служащие в дореволюционной России не принадлежали к обеспеченным слоям населения. При этом менее защищенными в материальном отношении были средние и низшие звенья бюрократического аппарата. Как справедливо отмечали Тобольские ведомости по поводу доходов местного чиновничества: «Скудная плата за неутомимые труды не обеспечивает ни куска хлеба, ни теплого угла одежды, ни даже пары крепких сапогов и калош»³⁴².

Но если служебные оклады тобольских чиновников могли кое-как их прокормить, то риск испортить свое здоровье не компенсировался качеством жалованья. Материальное положение местного чиновничества было хуже по сравнению с другими сословиями, если учесть, что чиновникам приходилось вести соответствующий своему положению образ жизни: «...И купец, и ремесленник, имея умеренные потребности, скорее в состоянии удовлетворить их и по роду своих занятий... В то время как перо не обеспечивает существования канцеляриста, всякое ремесло доставляет верный кусок хлеба»³⁴³.

Именно указанной категории чиновничества приходилось выполнять такие должностные функции, которые подрывали их здоровье: многочисленные и длительные переезды по губернии в любую погоду являлись неотъемлемой обязанностью «среднего» звена бюрократии, работа в душных и плохо освещенных, зачастую совсем не приспособленных помещениях – низших чинов.

Вот, например, как могла отразиться служба канцеляриста, «ступень, с которой начинает свою бюрократическую карьеру огромное большинство провинциального чиновничества», на его здоровье: «С 8 часов утра до 5 по полудни, сидит человек, часто не разгибая спины. Постоянно согнутое положение грудного ящика и спертый, почти казарменный воздух, которым дышит, плотно примкнув друг к другу, пишушая братия, препятствует нормальному развитию легких и способствует зарождению чахотки»³⁴⁴.

Должностная специфика влияла тем самым на вид заболевания. Так, кассир Курганского казначейства Н.М. Тванев, служивший на этом посту

---

³⁴² Тобольские губернские ведомости. 1863. 28 сентября. С.430.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же.

в начале XX в., несколько раз не выходил на службу из-за болезни. В результате проведенного медицинского освидетельствования были установлены не только диагноз, но и причины, вызвавшие заболевание этого чиновника. Оказалось, что этот чиновник страдал «головными болями и бронхиальным кашлем», а также «резким малокровием и переутомлением вследствие продолжительной и утомительной работы при неблагоприятной гигиенической обстановке»³⁴⁵.

Мы можем с полным основанием считать эти заболевания профессиональными, так как подобный диагноз часто встречался и у других курганских служащих. Например, у канцелярского служителя Александра Мякинина также было «малокровие и общее истощение в связи с напряженной и продолжительной работой при неблагоприятной гигиенической обстановке, а также недостатке воздуха»³⁴⁶. Именно чахотка и другие хронические болезни легких являлись профессиональными заболеваниями курганских бюрократов, особенно тех, чья служебная деятельность была сопряжена с постоянным нахождением в закрытом помещении.

Нередко то или иное заболевание выступало серьезным препятствием выполнения чиновником служебных обязанностей, что, в свою очередь, могло привести к сбоям в системе управления губернией. Курганский исправник Э.А. Каковский просил губернатора перевести одного из своих подчиненных с одной должности на другую, изменив тем самым характер его деятельности. В августе 1902 г. он писал по этому поводу губернатору: «В числе подведомственных мне станových приставов - ... коллежский асессор А.А. Кириллов, при его примерном знании канцелярского дела и безукоризненном поведении, очень и очень тяготится непрерывными разъездами, сопряженными с обязанностью пристава. Этот г. Кириллов, в 1897 г., перенес весьма тяжелую операцию, удалившую часть ребра из его левого бока, и теперь носит гнойную рану, от сотрясения, при переездах причиняющую больному шемящую боль и вызывающую учащенную перевязку. Если бы Ваше Превосходительство, ради малолетних детей, из которых один учится в Тобольской гимназии, соизволили назначить г. Кириллова, по усмотрению Вашего Превосходительства, помощником исправника, то продлили бы его жизнь на несколько лет, предоставив тем нравственное услаждение Вашему покорнейшему слуге»³⁴⁷.

Неоднократно прерывать свою службу по болезни, что, несомненно,

---

³⁴⁵ ГАКО. Ф.175. Оп.2. Д.285. Л.120.

³⁴⁶ Там же. Л.121.

³⁴⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп.6. Д.5. Л.43.

вредило делопроизводству, был вынужден столоначальник гражданского стола Курганского окружного суда А. Гурский. Однажды он не явился в положенный срок на службу после отпуска, но ввиду того, что «в оправдание просрочки срока отпуска представил свидетельство о болезни, выданное врачом Щегловым от 28 декабря 1894 г.», не был уволен³⁴⁸. В 1896 г. у Гурского вновь возникли «проблемы» на службе из-за здоровья. Так, 19 декабря на распорядительном заседании Курганского окружного суда рассматривалось ходатайство этого чиновника «о продлении отпуска, разрешенного ему ... сроком на двадцать восемь дней по случаю болезни»³⁴⁹. Однако руководство, воспользовавшись своим законным правом «разрешать отпуска сроком не далее одного месяца», отклонило ходатайство своего подчиненного, ввиду чего Гурский должен был выйти на службу при любых условиях³⁵⁰.

Расстроенное здоровье было нередко причиной отставки чиновника³⁵¹. Действительно, немногие служащие продолжали работу после 46 лет. Наиболее активным служебным возрастом в Тобольской губернии являлся возраст от 26 до 35 лет³⁵². Наконец, самым немногочисленным возрастом для чиновников уездных учреждений являлся возраст свыше 56 лет.

Служба чиновника существенно влияла даже на продолжительность его жизни: «До 20 лет чиновник имеет такие же шансы к жизни, как и мещанин. После того его жизнь находится в худших условиях, чем жизнь даже крестьянина. В 40 лет шансы жизни для чиновника такие же, как и для солдата»³⁵³.

Вопросы трудоспособности служащих волновали губернское руководство, особенно если выполнение должностной функции вообще находилось под сомнением, например, вследствие старости чиновника. Управляющий Казенной палатой курганскому казначею в 1905 г. писал по поводу одного присяжного счетчика: «... В состоянии ли Пучков, заявляющий сам о своей дряхлости, нести должность присяжного казначейства и если действительно он потерял силы для несения службы, почему Вы не озаботились заменой его другим лицом?»³⁵⁴

Заботу о здоровье представителей бюрократического аппарата пра-

---

³⁴⁸ ГАКО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 121. Л. 6, 70.

³⁴⁹ Там же. Д. 115. Л. 96.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ ГАКО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 818. Л. 57.

³⁵² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 186-187.

³⁵³ Тобольские губернские ведомости. 1863. 28 сентября. С. 431.

³⁵⁴ ГАКО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 285. Л. 32.

вительство стало проявлять лишь в начале XX в. Одним из доказательств тому может служить инициатива Департамента государственного казначейства об устройстве «собственной климатической станции ... с предоставлением возможно льготного, а неимущим бесплатного, климатического лечения»³⁵⁵. Такой санаторий было решено организовать в Сибири, а именно на Алтае.

Таким образом, здоровье может выступать «своеобразным индикатором» служебного и материального положения местных чиновников³⁵⁶. Тяжелые условия службы, характер должностных функций и невысокое материальное обеспечение значительного количества чиновников, а также холодный климат – такие факторы влияли на состояние здоровья служащих г. Кургана.

Поэтому, одновременно с повышением в чине, нашим курганским служащим вполне резонно желали здоровья!

---

³⁵⁵ ГАКО. Ф. 175. Оп.2. Д.1032. Л.47-49.

³⁵⁶ Любина Т.И. Заболевания провинциальных чиновников в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Тверской губернии) // Историческая наука на пороге Третьего тысячелетия. Тез. докл. Всеросс. науч. конф. Тюмень, 27–28 апреля 2000 г. Тюмень, 2000. С. 64.

НЕВИННО ВИНО, ПРОКЛЯТО ПЬЯНСТВО: БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ И САМОГОНОВАРЕНИЕМ В 1920-Е ГГ.

Не секрет, что проблема неумеренного потребления спиртных напитков не нова для нашего общества. В советское время неоднократно делались попытки искоренения этого социального зла. Первой из них следует считать антиалкогольные мероприятия, предпринятые в двадцатые годы – годы укоренения советской власти, когда обществу прививался новый, как казалось, образ жизни, которому противостояли пороки старого царского режима. В этот период на страницах курганской печати, еще не выхолощенной партийной цензурой, вопросы пьянства и такого сопутствующего ему явления, как самогонование, активно обсуждались. Почти в каждом номере газеты «Красный Курган» публиковался материал, посвященный этой злободневной проблеме. Обзор этих публикаций позволяет создать своеобразный облик Кургана двадцатых годов.

В первые годы советской власти борьба с пьянством приняла новые идеологические формы. В это время не были еще отменены выходные дни, приходившиеся на православные праздники (Рождество, Пасху и пр.) Досуг же курганских обывателей не отличался большим разнообразием. В деревнях во время престольных праздников обычными явлениями были потасовки, драки и даже убийства. Перейти роковую черту, как правило, помогал алкоголь. Не случайно бытовые корни пьянства связывали с церковными праздниками. Поэтому, вполне закономерно, что борьба с пьянством была сопряжена с антирелигиозной пропагандой. Однако обратимся к малопривлекательным фактам из жизни города.

19 апреля 1925 г. в Кургане праздновали Пасху. По замечанию начальника милиции, пьяных в этот день было слишком много, «весь город был пьян». Официально в этот день было зарегистрировано 10 случаев варки самогона, 10 случаев варки «изюминки»³⁵⁷. Не менее живописно горожане отмечали и рождественские праздники. 13 января 1927 г. в газете «Красный Курган» был опубликован рядовой для того времени фельетон. Его автор следующим образом описывает Рождество в Кургане:

«Днем по Советской улице, стараясь перекричать друг друга и погоня лошадей кнутом, мчались в кошечках группы гуляк. Вечером из придуренных ставнями окон неслись звуки гармошки, которой вторил гул нестройных голосов. Курганцы праздновали Рождество по-старому... На

---

³⁵⁷ *Красный Курган. 1925. 24 апреля.*

углу Рабочего переулка и Советской, обнимая телеграфный столб, какая-то «шуба» пела:

- Звенит звонок на счет поверки...

Милиция в эти дни была занята как никогда. Первый день Рождества преподнес ей одиннадцать граждан во всей красе праздничного вида. Все одиннадцать (за исключением татарина, который праздновал Рождество за компанию), попав в милицию, заявили:

- Мы боролись за революцию, какое вы имеете право...

На некоторых, особенно буйных «революционеров», пришлось надеть смирительные рубашки).

В рождественские дни 1929 г. уголовным розыском было раскрыто семь притонов шинкарства и изъято 36 бутылок вина³⁵⁸. На Пасху в этом же году было зафиксировано одно самоубийство, одно отравление с летальным исходом, четыре ранения, 11 вызовов милиции. Задержаны десятки хулиганов и пьяных дебоширов³⁵⁹.

Большим событием для курганцев в начале октября 1925 г. явилось снижение цены на водку и увеличение ее крепости. Цена русской горькой стала 1 рубль 12 копеек. В магазинах, торгующих вином, образовались очереди. Водка была раскуплена в течении одного дня³⁶⁰. Для сравнения приведем цены 1925 г. на другие товары. Пуд сливочного масла стоил 20 рублей, метр ситца – 46 копеек, пуд мыла – 8-9 рублей, пара сапог – 14 рублей, воз сена – 3 рубля.

Взамен старым традициям советская пропаганда предлагала отмечать революционные праздники без вина и самогона. Советский досуг предполагал наличие культурной программы: выступление самодеятельных коллективов, декламацию стихов и пр. Но не всегда получалось по-новому. Порою действовал принцип «хотели как лучше, а получилось...». Так, в мае 1927 г. в ознаменование пуска мельницы «Кооператор» рабочие организовали семейный вечер. Заслушали доклад, посмотрели спектакль. «Вечер прошел оживленно». Но часть работников после вечера «устроила попойку», а на другой день, как следствие, последовал невыход на работу³⁶¹. Но все-таки примеры для подражания были. 11 марта 1928 г. в издательстве газеты «Красный Курган» прошел вечер, который, по словам очевидцев, не был похож на предыдущие, где «рабочий вынужден сидеть, скучать или смотреть на вертящиеся пары». «Сцена, синемблужники, световая газета – вот культурный отдых рабочему», - утверждалось в

³⁵⁸ *Красный Курган. 1929. 19 января.*

³⁵⁹ *Там же. 1929. 11 мая.*

³⁶⁰ *Там же. 1929. 11 мая.*

³⁶¹ *Там же. 1927. 26 мая.*

газетной заметке.³⁶²

Предлагалось и другое заполнение свободного времени, отличное от пьянства. Прогрессивно мыслящие внештатные корреспонденты газеты давали советы из личного опыта. Один из них делился таким способом рациональной траты денег: «Ну, куплю вина, выпью, а что дальше? Дай лучше выпишу журнал «Профшкола батрака». Из этого журнала узнал очень многое. Мой совет батракам. Не пропивайте деньги, а выписывайте себе журналы»³⁶³. Для того чтобы привлечь внимание к проблеме пьянства, в городе устраивались культурные общественные мероприятия. В сентябре 1928 г. в саду железнодорожников был проведен конкурс на лучший совет, как бороться с алкоголем и неграмотностью. В качестве поощрения победителю вручался приз – арбуз. Особенно горячо выступали женщины. Выход простые домохозяйки видели в радикальном уничтожении водки³⁶⁴.

Пропаганда здорового образа жизни звучала и в рекламе сберегательных касс. Вот один из многочисленных призывов того времени:

На пьяную елку тратится денег масса.

Пьяный праздник – в кармане дыра.

Сохранит твои деньги сберегательная касса.

*С пьяным праздником кончить пора*³⁶⁵.

Весной 1925 г. в бору Курганского лесничества был обнаружен самогонный притон. В бараке было найдено два больших паровых аппарата, 63 бочки, две кадки и один мешанник. Из этой посуды милиционеры вылили 160 литров браги. Самогонщики были застигнуты на месте преступления³⁶⁶. Этот пример – лишь один из многих фактов самогонной хроники двадцатых годов. Изготовление самогона приняло массовый характер. Курганские власти были вынуждены принять меры для того, что остановить рост самогонварения. 31 мая 1927 г. Курганский окружной исполком принял обязательное постановление, в котором указывалось, что в интересах охраны здоровья населения, с одной стороны, подрываемого потреблением самогона, и, с другой стороны, имея в виду случаи возникновения пожаров от изготовления самогона, запретить на территории округа изготовление, хранение самогона и аппаратов, служащих для его производства. Виновные лица подлежали административной ответственности: в городе - штрафу 100 рублей или одному месяцу принудительных

---

³⁶² Красный Курган 1928. 15 марта.

³⁶³ Там же. 1928. 18 февраля.

³⁶⁴ Там же. 1928. 11 сентября.

³⁶⁵ Там же. 1929. 5 января.

³⁶⁶ Там же. 1929. 5 января.

работ, в деревне – 10 рублей или двум неделям принудительных работ³⁶⁷.

В борьбе с самогонварением были активно задействованы курсанты курганской школы милиции. В конце двадцатых годов в рамках учебного процесса были рассмотрены проекты по борьбе с этим социальным злом. В большинстве предложенных курсантами проектов предлагалось уничтожать не только конфискованные самогонные аппараты, но и посуду. Немаловажным фактором, способствующим искоренению самогонварения, будущие милиционеры считали улучшение материального положения доблестных работников охраны правопорядка, а также увеличение штата милиции. Во всех без исключения проектах указывалось на необходимость создания сети осведомителей, привлечения партийных и комсомольских работников³⁶⁸.

Кроме самогона горожане употребляли денатурированный спирт. Продажа денатурата в Кургане осуществлялась заводом Центроспирта с 1 сентября 1926 г.³⁶⁹ Спирт для технических целей могли купить как государственные и общественные организации, так и частные лица. Для его очистки население применяло домашние способы. Денатуратом разбавляли самогон, добиваясь увеличения его крепости. В целях предупреждения участвовавших случаев отравления техническим спиртом его свободная продажа была запрещена³⁷⁰. Были распространены и другие суррогаты водки – политура, одеколон. Для усиления крепости пива употребляли большое количество хмеля и табака. Табак же «для куражу» добавляли в квас и брагу. Плохое питание, низкое качество спиртных напитков в значительной степени способствовали интенсивному проявлению пьянства.

Статистика того периода свидетельствует о том, что за 1926-1927 гг. один курганец выпивал 13 бутылок водки и 11 бутылок пива. На девять месяцев 1928 г. на одного человека приходилось уже 15 бутылок водки и 11 бутылок пива. Эти статистические сведения не учитывают потребления самогона и других спиртных напитков, изготовленных в домашних условиях.

Какой же слой населения был более всего подвержен этой пагубной привычке? Как следует из доклада начальника Адмотдела (милиции), заслушанного на заседании горсовета в августе 1928 г., больше всего пили рабочие города. Из рабочих в «пьяных передовиках» числились железнодорожники, рабочие турбинного завода, консервного завода (это самые

---

³⁶⁷ *Красный Курган. 1927. 21 июня*

³⁶⁸ *ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 2. Д. 85.*

³⁶⁹ *Там же. 1926. 26 августа.*

³⁷⁰ *Там же. 1928. 18 февраля.*

крупные предприятия того периода). К категории много пьющих относились беспризорники и инвалиды. 20% от общего числа протоколов, составленных за пьянство и хулиганство, приходилось на инвалидов. Поэтому отчасти справедлив гнев общественности по поводу того, что инвалиды, получающие пособие от государства, находят средства на пьянку. На одном из заседаний горсовета было принято решение о проверке всех инвалидов, чтобы «выявить присосавшийся элемент к собесу»³⁷¹.

Пьянство являлось не только «привилегией» простых обывателей. Бюстители советских порядков, местные партийные «кормчие», сами далеко не соответствовали новому моральному облику. В мае 1927 г. председатель Курганской окружной комиссии Рубцов в своем докладе отмечал, что курганская партийная организация «все еще продолжает страдать одной из форм болезненных явлений среди членов партии – это пьянство»³⁷². За три месяца работы партколлегии за пьянство было привлечено 25 человек, что составило половину от общего числа партийных взысканий. Далее Рубцов указывал, что «в числе привлеченных за пьянство есть не только простое пьянство, а сопряженное с различными художественными выкрутасами: связь с проститутками, стрельба из револьвера, приход в пьяном виде на работу».

Жители города и его окрестностей часто становились жертвами пьяных дебошей и хулиганских выходок. Горожане, проживающие на Крестьянской и Береговой улицах, страдали от обосновавшихся в округе хулиганов, куривших анашу. В городе были и другие злачные места. Территорией пьяных сборищ служили сады, скверики, клубы и кинотеатры. Так, летом 1928 г. был устроен новый садик, который в скором времени стал прибежищем не только хулиганов, но и рабочих – прогульщиков, распивавших там пиво и вино³⁷³. Обычным явлением было распитие спиртных напитков в общественных столовых. На плохом счету была столовая Рабкоопа. На безобразия, творившиеся в ней, газета «Красный Курган» обращала неоднократное внимание. Вот лишь одно из описаний: «...Прежде всего бросается в глаза – очень много пива и очень мало порядка. Кругом “диктатура пьяных и подвыпивших”... они бродят между столиками в поисках друзей и развлечений, они, окопавшись бутылками, громко ругаются, обращаясь к окружающим. В воздухе пахнет пивом и скандалом»³⁷⁴.

В сентябре 1928 г. горсовет принял решение о закрытии некоторых пивных, имеющих скандальную репутацию. Предлагалось также органи-

³⁷¹ *Красный Курган. 1928. 28 августа.*

³⁷² *Там же. 1927. 12 мая.*

³⁷³ *Там же. 1928. 21 августа.*

³⁷⁴ *Там же. 1928. 14 августа.*

зовать на предприятиях города добровольные дружины по борьбе с пьянством и хулиганством. Первыми на это предложение откликнулись комсомольцы турбинного завода.

К началу тридцатых годов свободная продажа спиртных напитков в кооперативной и частной торговле была запрещена. В связи с начавшейся коллективизацией в деревне не стало хлебных излишков. В этом можно усмотреть позитивный момент для снижения остроты ситуации вокруг пьянства. К сожалению, ни смена политических режимов, ни рост благосостояния народа радикально не изменили бытовой уклад российского общества. И по-прежнему можно восклицать вслед за автором «Народной газеты», вышедшей в Кургане в 1916 г.: «Грустно становится при мысли, как глубоко и крепко вонзил свои ужасные ядовитые когти в сердце русского народа этот страшный порок, но я верю, верю глубоко в светлое будущее родного народа, в то будущее, когда он будет во много раз культурнее, чем теперь... хочется верить, что пьянство навсегда исчезнет из его жизни».

Дети: воспитание и образование

КАК ДАВНО КУРГАНЦЫ ЗНАЮТ «ТРИ СЛОВА ПО-ФРАНЦУЗСКИ»: О ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НАЧАЛЕ XX В.

Не будет преувеличением сказать, что уже лет двести в диких степях Зауралья время от времени появляются люди, имеющие тягу к изучению иностранных, как ни странно европейских, а не восточных языков, что было бы естественно для обитателей центральной части Евразийского континента. Но, что поделать, не можем мы забыть о своих европейских исторических корнях. Опять же мировая культура не стоит на месте, а чтобы познакомиться с ее достижениями, знания одного родного языка уже недостаточно. Вот и стараются наши сограждане дать своим отпрыскам образование, соответствующее современной конъюнктуре – отдают детей в лингвистические школы, гимназические классы, нанимают репетиторов. Можно, конечно вздохнуть и сказать, что раньше такого ажиотажа не было, преподавались языки с 5-го класса обычной школы, и этого запаса знаний многим хватало. Но время идет: современное поколение детей, с пеленок ориентирующихся в Интернете, зачастую путешествующих по всему миру вместе со своими родителями и имеющих возможность получать образование за границей (как знать, быть может, с разработкой нефтяных месторождений и большая часть курганцев получит такую возможность), чтобы не выпасть из общего культурного процесса, вынуждено изучать иностранные языки.

А вот в середине XIX в. курганцы не только не стремились изучать языки, а, напротив, всячески противились этому.

Знание языков обывателями воспринималось как ненужное излишество, которое никогда и никому не пригодится. А руководство учебных заведений г. Кургана – уездного училища и женской прогимназии, представленное людьми достаточно образованными и иностранными языками владеющими, ратовало за отмену преподавания языков, так как «Попечительский Совет не находит возможным введение в курс новых и древ-

них языков, поскольку желающих слушать языки никого не оказалось, т.к. обучаются дети преимущественно бедного класса». Состоятельные курганцы, которые хотели обучать своих детей в гимназиях, где знание языков было обязательным условием, обычно приглашали за небольшую плату кого-либо из учителей уездного училища. Вот и не приживались преподаватели—«иностранцы» в Кургане, учитывая, что их предметы были необязательными в программе, и родители должны были платить за них отдельно — «из платы по найму».

Однако, мало-помалу, жители провинциального Кургана начали осваивать зарубежные пространства, и необходимость изучения языков уже не оспаривалась. Как и следовало предполагать, первых учеников, и мальчиков, и девочек, было немного. Да и языкам их учили педагоги, получившие общее образование в гимназии соседнего Омска.

Самым модным языком в XIX — начале XX в. был, конечно, французский. Первые опыты его систематического преподавания ученикам, а вернее, ученицам Курганской Александровской женской прогимназии можно отнести к 1873 г. Именно в это время приступила к исполнению своих обязанностей вдова инспектора городского училища Домоховская Екатерина Францевна, окончившая частный пансион Шпревич и державшая экзамен при комиссии Московского университета. Ее сменили О.Никитина, А.Ершова, П.Ф.Игнатьева, о которых в документах гимназии известно одно — преподавали они плохо, а язык ученицы так и не освоили.

А в это время, 100 лет назад, в Курганском уезде произошли большие перемены: город с его окрестностями оказался в центре «масляной лихорадки», край наводнили иностранцы, экономика резко пошла в гору, возникла необходимость ездить за рубеж по «деловой надобности», а следовательно, понадобились люди, знающие иностранные языки. Причем свои, а не пришлые иностранцы, которые думали, прежде всего, естественно, о своей выгоде. И активное изучение иностранных языков в учебных заведениях Кургана сразу стало на повестку дня. Надлежащие выводы были сделаны — и в Курганской женской прогимназии, и в Курганском четырехклассном городском училище, и, позднее, в Курганской мужской гимназии было введено обучение немецкому и французскому языкам, причем желающие (и таких уже в это время было немало) могли изучать оба языка одновременно. Но все же французский язык пока первенствовал.

С 1 сентября 1901 г. в Кургане начала свою преподавательскую деятельность уроженка Южной Франции Гортензия Ивановна Ушакова, урожденная Болёмей. Она продержалась в качестве педагога Курганской Александровской женской гимназии целых три года, и, надо полагать, курганцы наконец-то услышали настоящий «природный» французский язык.

Но, по-видимому, и ей не удалось добиться успехов в преподавании. И именно это отметила юная выпускница Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института Ксения Викторовна Энгельфельд, окончившая при нем специальные курсы французского языка и прибывшая из столицы в августе 1905г. Вооружившись элементарным учебником французского языка Триллинга, она наконец-то начала профессионально учить детей языку. Как и многие педагоги города, К.В. Энгельфельд давала уроки французского в нескольких учебных заведениях – в женской гимназии и в Курганском мужском четырехклассном городском училище, где педагоги – преподаватели иностранных языков также не задерживались. В 1907-1908 учебном году К.В.Энгельфельд дала свои последние уроки в г. Кургане - выйдя замуж, она покинула пределы уезда. Ее преемницей стала Анелия Александровна Дуплицкая-Ивашкевич, окончившая полный курс наук в Московском католическом пансионе св. Петра и Павла и имевшая свидетельство на звание домашней учительницы по французскому языку, выданное попечителем Московского учебного округа в 1908 г. Как и в случае с ее предшественницей, конец карьере А.А. Дуплицкой положило ее замужество, и поэтому на смену ей в 1917 г. прибыла окончившая Петроградские женские педагогические курсы новых языков М.А.Лохвицкой-Скалон Зинаида Николаевна Тихомирова. Именно благодаря этим преподавателям курганцы заговорили по-французски без примеси «нижегородского»³⁷⁵.

Но мода быстротечна. В начале XX в. в учебные программы дореволюционных гимназий и училищ активно начали включать немецкий язык, тогда же появились любители экзотики – английского языка. Французский язык галантно уступал свои права...

---

³⁷⁵ ГАКО. Ф.63; Ф.147; Ф.152.

ИМЕННЫЕ СТИПЕНДИИ В КУРГАНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX в. экономика Курганского уезда испытывала небывалый подъем: развивалось сельское хозяйство, промышленность, ширилась торговля. Резко выросла потребность не просто в грамотных людях, а уже в хорошо образованных профессионалах. Те учебные учреждения, что уже существовали в уезде, частично справлялись с поставленной задачей, однако, существовали обстоятельства, которые они были не в состоянии преодолеть самостоятельно. В частности, это касалось углубленного обучения отдельных талантливых представителей беднейших слоев городского и сельского населения. Известно, что малоимущие российские граждане, даже понимавшие необходимость обучения своих отпрысков, давали им максимум начальное, чаще всего церковно-приходское образование. Дальнейшее обучение подросших детей было невозможно по чисто экономическим причинам: в семье необходимы были рабочие руки, да и обучение в старших классах той же гимназии стоило недешево. Часть проблем решали попечительские советы учебных заведений. Так, например, попечительский совет Курганской Александровской женской прогимназии (впоследствии - гимназии) регулярно принимал решения об освобождении беднейших учениц от платы за обучение. Однако, само пребывание в учебном учреждении тоже требовало немалых затрат (деньги на питание, квартиру, одежду и учебники), а на это у учебных заведений средств уже не было. Эту задачу были призваны решать специальные именные стипендии, учрежденные состоятельными зауральцами. С развитием экономики края увеличивалось и число таких стипендий, и число учебных учреждений, располагавших подобными льготами для учащихся.

Первоначально именные стипендии учреждались для одаренных бедных девушек-гимназисток, чуть позже они появились при мужской гимназии и реальном училище. Первая стипендия в 220 рублей в год была учреждена в 1882 году при Омской женской гимназии. Она носила имя курганского степенного гражданина, купца первой гильдии Федора Васильевича Шишкина³⁷⁶, и была основана на капитале, пожертвованном председателем попечительского совета Александровской женской гимназии купцом Д.И. Смолиным. Деньги предназначались беднейшей и достойнейшей по поведению и успехам воспитаннице, окончившей курс в Кур-

---

³⁷⁶ ГАКО.Ф.63. Он.1. Д.97-в. Л.145; Д.97-а. Л.139; Д.97-б. Л.55; Д.99. Л.42-43.

ганской Александровской женской прогимназии и пожелавшей продолжить свое обучение. В Кургане это было сделать невозможно, ввиду того, что до 1903 года вышеназванное учебное учреждение давало лишь неполное гимназическое образование, и его выпускницы для обучения в старших классах должны были ехать в Омск или другой крупный город, где имелись полные гимназии. Чаще всего «грызть гранит науки» в чужой город отправлялись девушки из небогатых семей, т.к. полученное образование позволяло им поступать на службу в учебные учреждения различного уровня, а у их состоятельных сверстниц такой необходимости не было: им хватало неполного курса. Стипендия имени Ф.В. Шишкина должна была покрыть издержки гимназистки, связанные с общей платой за обучение в Омской гимназии, на школьные принадлежности, одежду и другие нужды. Кроме того, образовавшиеся в конце года остатки стипендии выдавались выпускнице по окончании курса и были немалым подспорьем, пока стипендиатка не устраивалась на работу.

В 1883 году при Омской женской гимназии была учреждена еще одна аналогичная стипендия для курганских учениц – имени императора Александра Первого Благословенного. Эта стипендия была собрана по подписке с горожан и чиновников г. Кургана³⁷⁷. Самый большой вклад был сделан все тем же купцом Д.И. Смолиным. С преобразованием Курганской Александровской женской прогимназии в гимназию обе эти стипендии, не без противодействия омских властей, были Высочайшим повелением переведены из Омска в Курган³⁷⁸.

Примеру самого состоятельного курганского купца последовали и другие зажиточные граждане: в городе просто хорошим тоном стало в память умерших родственников учреждать, по возможности, стипендии для малоимущих учащихся. За какие-то десять-пятнадцать лет были пожертвованы деньги на стипендии имени самых разных людей, курганцев и некурганцев: родственниц вдовы чиновника из г. Каркаралинска Семипалатинской области Ф.И. Ещенко-Пелагеи и Любови Ещенко-вых (1897 г.)³⁷⁹, потомственного Почетного гражданина г. Кургана, купца 1-й гильдии Д.И. Смолина (1899 г.)³⁸⁰, жены Курганского головы Ф. В. Шветова А.И. Шветовой (1899 г.)³⁸¹, крестьянина, бывшего ссыльного поляка, В.Н. Урбановича (1906 г.)³⁸², протоиерея И.Ф. Волкова (1911 г.), Д.И. Шуль-

---

³⁷⁷ ГАКО.Ф.63. Он.1. Д.97-а. Л.91.

³⁷⁸ Там же. Д.97. Л.18.

³⁷⁹ Там же. Д.95-б. Л.65.

³⁸⁰ Там же. Д.96.Л.155,Д.96. Л.73.

³⁸¹ Там же. Д.96.Л.102,114-115.

³⁸² Там же. Д.97-а. Л.158,160,Д.97-б. Л.5,73.

гина (1911 г.), купеческого сына Алеши Меншикова (1918-1919 гг.)³⁸³, купцов А.П. Ванюкова (1916 г.)³⁸⁴, и П.В. Соколова (1918 г.)³⁸⁵. Средства на стипендии передавались по-разному: иногда это была инициатива родственников, а иногда капитал уже был завещан тем или иным лицом, пожелавшим таким образом оставить по себе добрую память. Например, еще при жизни купцом И.И. Меншиковым в 1913 году были учреждены его четыре именные стипендии при Курганской Александровской женской гимназии³⁸⁶.

Стипендии учреждались не только отдельными людьми, но и обществами, т.е. группами горожан, связанных родственными, дружескими или производственными отношениями. В таких случаях стипендии носили громкие названия, связанные с деятельностью знаменитой личности или с каким-нибудь известным событием. Так, в 1902 году были собраны по подписке между учителями города средства на стипендию имени А.С. Пушкина (в связи с празднованием 100-летия со дня рождения поэта)³⁸⁷, в 1912 году Курганским Городским самоуправлением была учреждена специальная стипендия в память Отечественной войны 1812 года³⁸⁸, а в 1919 году Курганской городской думой были назначены из городских средств 5 стипендий имени писателя И.С. Тургенева: две - при женской гимназии, одна - при мужской гимназии и две - при реальном училище³⁸⁹. В 1916 году Дамское попечительское общество в г. Кургане отметило свое 25-летие, в ознаменование этого значительного по местным меркам события также по подписке были собраны деньги для основания стипендиального капитала³⁹⁰.

Всего один раз курганское общество отступило от сложившихся традиций в этом вопросе и учредило в 1902 году капитал в честь человека, не имевшего широкой российской известности и к тому же еще здравствующего. Речь идет о стипендии имени инженера путей сообщения В.И. Кенге³⁹¹. В.И. Кенге некоторое время служил начальником участка в г. Кургане и пользовался со стороны курганского общества уважением и симпатией, а поэтому после его перевода в Иркутск его курганские друзья пожертвовали Курганской Александровской женской прогимназии билет Общественного Банка для учреждения стипендии его имени.

---

³⁸³ ГАКО. Ф.63. Оп.2. Д.58. Л.20.

³⁸⁴ Там же. Оп.1. Д.100. Л.493.

³⁸⁵ Там же. Оп.2. Д.58. Л.2.

³⁸⁶ Там же. Оп.1. Д.99. Л.445-446.

³⁸⁷ Там же. Оп.1. Д.96-б. Л.63,98-99.

³⁸⁸ ГАКО. Ф.63. Оп.1. Оп.2. Д.68.Л.5.

³⁸⁹ Там же. Л.12.

³⁹⁰ Там же. Оп.1. Д.100. Л.429об.

³⁹¹ Там же. Л.72,131.

Назначение стипендиата зависело от конкретного положения о стипендии, разработанного учредителями. Чаще всего, кандидатуру назначал основатель стипендии или его душеприказчик. После их смерти стипендиат избирался попечительским советом учебного заведения по предложению педагогического совета. Иногда в положении оговаривались особые условия: например, стипендиат должен был отвечать каким-то конкретным требованиям – происходить из определенной местности (стипендия имени А.П. Ванюкова предпочтительно давалась беднейшей ученице из Введенской волости), быть какого-то конкретного вероисповедания (так, например, стипендия В.Н. Урбановича предназначалась гимназистке католического вероисповедания) или иметь особую склонность к какой-то дисциплине (Тургеневская стипендия присуждалась учащимся, обнаружившим наилучшие успехи по словесности) и т.д. Но практически всегда было одно неперемное условие – ученик, получивший денежное пособие, непременно должен был иметь безукоризненное поведение и успеваемость. В противном случае стипендия передавалась другому претенденту. Иногда учеников переводили с одной стипендии на другую. Дело в том, что размер их был неодинаков: самая высокая из них – имени Алеши Меншикова в общей сумме составляла 10000 рублей, а самая маленькая – в память Отечественной войны 1812 года – 75 рублей. И если первой стипендии хватало с избытком на все нужды учащегося, то последней было мало даже в качестве платы за обучение.

Всего с 1882 года по 1919 год в курганских учебных заведениях (при двух гимназиях, Курганском городском и реальном училищах) было учреждено порядка 30 именных стипендий, причем большая часть их предназначалась ученицам женской гимназии. Это и понятно – получить образование провинциальной женщине в конце XIX – начале XX века было намного сложнее, чем мужчине.

Развернутая система поощрительных стипендий в Кургане просуществовала до лета 1919 года, когда окончательно установилась Советская власть. С ее приходом на время замерла деятельность учебных учреждений, а когда она возобновилась, уже не было ни стипендий, ни тех, кто их учреждал.

КУРГАНСКИЕ СКАУТЫ 1920-Х ГГ.

Почти 100 лет назад в городе Кургане появились скауты. Детское и юношеское движение, в начале XX века появившееся в Британской империи и охватившее полмира, оказывается, добралось и до нас. Первыми в Зауралье на эту новую форму работы с подрастающим поколением обратило внимание Курганское польское общество. 30 декабря 1918 г. отдел народного образования Курганской городской управы оповестил все учебные заведения города о начале записи в организацию «Бой-скаут». Первоначально она располагалась в квартире Дубинского (дом Кочешева по ул. Дворянской), записывались в нее только дети польской национальности.

Инициатором появления курганского отделения общества «Русский Скаут» стал Сергей Александрович Балакшин, личность известная среди курганцев: европейски образованный человек, талантливый инженер и удачливый предприниматель. Именно ему принадлежало самое крупное в городе промышленное предприятие - турбиностроительный завод. А кроме того, он был главой большой семьи, в которой росли сыновья Борис и Александр. И то, какими они вырастут, было небезразлично их отцу. Педагогическую проблему, как и все встававшие перед ним, Балакшин решил глобально: предложил создать организацию, в рамках которой могли бы воспитываться и его дети, и их друзья, и другие курганские подростки. О деятельности подобных организаций С.А. Балакшину уже было немало известно: он много ездил по Европе, бывал в Англии, где скаутские организации были широко распространены. Книжка В.А. Попова и В.С. Преображенского «Бой-скауты», вышедшая в московской типографии Товарищества И.Д. Сытина в 1917 году, окончательно убедила предпринимателя в том, что организация подобного общества юных разведчиков несомненно пойдет на пользу юным курганцам, деморализованным затянувшимися революционными событиями и гражданской войной.

17 июня 1919 года в помещении Земской Управы, в доме Васильева на Дворянской улице (сегодня здесь размещается театр кукол «Гулливвер») состоялось организационное собрание всех лиц, заинтересованных в появлении курганских скаутов. Предполагалось, что в общество будут приниматься только мальчики старше 10 лет, чьи родители решили развивать качества «юных разведчиков» в своих отпрысках. Был подготовлен и утвержден Устав новой организации, где, в частности, провозглашались и главные педагогические задачи: воспитание любви к Родине, исполнение долга, готовность помощи ближнему, физическая выносливость, жизнерадостность, самодисциплина и уважение к обществу. И все это не теоретически, не по книжкам, как в учебных заведениях, а с обязательным при-

менением на практике. Одним словом, общество курганских скаутов, хоть и ненадолго, но появилось. Тогда же был избран и первый вожатый скаутов - скаутмастер. И впервые в нашем городе прозвучало: «Будь готов!» - «Всегда готов!»³⁹².

---

³⁹² Бой-скауты / Под ред. Попова и Преображенского. М., 1917; ГАКО. Ф. 205. Оп.1. Д. 2. Л. 61 об.; Курганская свободная мысль.1919. 17 июня.

О ПРЕПОДАВАНИИ МУЗЫКИ В КУРГАНЕ

История музыкального образования в Кургане насчитывает немногим более 100 лет. Конечно, люди, имевшие навыки профессиональных музыкантов, появлялись в городе и ранее – вспомним ссыльных декабристов, польских революционеров, многие из которых получили прекрасное музыкальное воспитание. Некоторые из них становились индивидуальными преподавателями музыки в семьях состоятельных зауральцев. Однако обучение музыке для большей части населения было недоступным.

Первое официальное упоминание о преподавании музыкальных азов для широких масс в учебных заведениях г. Кургана относится к 1850 г. В исторический справке Курганского уездного училища упоминается наличие хора певчих, состоявшего из учеников училища. В репертуаре хора значился народный гимн «Боже! Царя храни!» и молитва «Достойно есть»³⁹³. Первыми хормейстерами в учебных заведениях становились священники, но уроки пения велись нерегулярно, в зависимости от желания конкретного законоучителя. Так, в 1874 г. священник Василий Гвоздицкий обратился в Попечительский Совет Курганской женской прогимназии с предложением бесплатно вести уроки пения для гимназисток, поскольку «знает партесное пение»³⁹⁴. Предложение было с воодушевлением принято руководством прогимназии, и систематические уроки пения были введены в расписание всех классов, начиная с приготовительного. Кроме того, в исключительных случаях выделялось время для занятий пением по воскресеньям и в праздничные дни перед началом Божественной литургии. В 1875 г. урок пения значится в числе необязательных к изучению предметов женской прогимназии.

В 1886 г. Епископом Тобольским и Сибирским Авраамием было предписано всем отцам законоучителям вместе с преподаванием Закона Божьего обучать детей и церковному пению³⁹⁵. Соответственно, преподавание церковного пения было введено фактически во всех учебных заведениях г. Кургана: или в рамках преподавания Закона Божьего, или в качестве уже отдельного предмета. В Курганской Александровской женской прогимназии с музыкально одаренными детьми проводились отдельные занятия, причем ученицы освобождались для этого от уроков рукоделия. Систематические уроки преимущественно светского пения для всех желающих 1-4-х классов в прогимназии были введены только в 1895 г. Пение

---

³⁹³ ГАКО. Ф. 147. Он. 1. Д. 1. Л. 71.

³⁹⁴ ГАКО. Ф. 63. Он. 1. Д. 4а. Л. 27.

³⁹⁵ Там же. Д. 5. Л. 114-114 об.

подразделялось на классное и хоровое. В классном пении, предусматривавшем индивидуальные занятия, участвовали только ученицы, обладавшие голосом и слухом³⁹⁶. Хоровое пение было общедоступно и использовалось при общей утренней молитве и на литературных уроках. Репертуар состоял как из духовных, так и из светских произведений. С этого же времени учащихся обучать пению стали и светские педагоги из платы по найму. Плата за уроки пения была небольшой, поэтому учителя преподавали свой предмет в нескольких учебных заведениях и часто менялись. Кроме того, обучение хоровому искусству могло вменяться в обязанности учителей общеобразовательных предметов, в качестве дополнительной нагрузки и уже без всякой оплаты. Иногда руководство учебных заведений изыскивало дополнительные финансовые средства и к обучению удавалось привлекать настоящих профессионалов. В разное время в учебных заведениях г. Кургана учащихся обучали вокалу и хоровому пению: окончивший курс пения в регентском классе Придворной певческой капеллы в Санкт-Петербурге В.А. Александров (1904-1909 гг. – в женской гимназии), имевший специальную певческую подготовку учитель духовного училища³⁹⁷ И.Д. Успенский (1909-1910- в женской гимназии и четырехклассном городском училище)³⁹⁸, обучавшаяся по классу пения проф. Е.А. Лавровской Московской Императорской консерватории К.П. Иваншина (1910-1911 гг. - в женской гимназии)³⁹⁹, выпускник музыкально-певческих курсов при регентском училище Санкт-Петербурга Г.Г. Чижевский (1911-1914 гг. – в мужской гимназии, Богородице-Рождественском городском приходском училище и Градо-Курганской мужской двухклассной церковно-приходской школе, в 1913-1914гг. - в женской гимназии)⁴⁰⁰. Этим и другим преподавателям за десятилетие удалось добиться неплохих результатов: при учебных заведениях были созданы ученические церковные хоры, которые могли петь не только во время богослужений в приходских церквях, но и участвовать в многочисленных общеобразовательных школьных мероприятиях⁴⁰¹.

Поскольку обязательных программ преподавания уроков пения в учебных заведениях не существовало, преподаватели использовали различные учебные пособия по своему вкусу и усмотрению, однако наиболее популярна была музыкальная хрестоматия Карасева, одобренная Учеб-

---

³⁹⁶ ГАКО. Ф. 63. Он.1. Д. 6. Л.54 об.; Д. 107. Л. 349.

³⁹⁷ ГАКО. Ф. 63. Он.1. Д. 76. Л. 6 об.

³⁹⁸ Там же. Д. 85. Л. 51; Д. 85 в. Л. 74, 75., 107, 114-116; Д. 99. Л. 154.

³⁹⁹ Там же. Д. 83. Л.333;. Д. 99а. Л.107, 122 об.; Д. 109. Л. 226.

⁴⁰⁰ ГАКО. Ф. 63. Он.1. Д. 89. Л. 158; Д. 53, Л. 207 об-208; Д. 103. Л. 20.

⁴⁰¹ Там же. Он.2. Д. 43. Л. 175 об.; Ф. 205. Он.1. Д.1.Л. 18-19.

ным комитетом Министерства народного просвещения. Судя по программам музыкально-драматических мероприятий, проводимых в Курганских гимназиях и училищах в 1900-1919 гг.⁴⁰², наиболее востребованными были фольклорные музыкальные произведения: песни «Кукушка», «На горе-то калина», «Уж я золото хороню, хороню», «Как у наших у ворот», «Калинка», «Во лужях», «Раз мы по лугу гуляли». Особой любовью пользовались малороссийские народные песни: «Ой, пойду я до чаю», «Час до дому, час!»⁴⁰³. Кроме того, особо одаренные учащиеся на школьных концертах исполняли соло вокальные произведения Глинки, Фон-Вильма, Галлера, Давыдовского, Львова, Шуберта. И, разумеется, все ученики были обязаны знать универсальные «Боже! Царя храни», «Многая лета!» и «Слався, слався!». Кроме того, обязательным учебным пособием, использовавшимся при обучении духовному пению, была книга «Тихомиров», заключающая в себе всевозможные тропари, каноны и псалмы.

Помимо преподавания хорового пения в отдельных учебных заведениях в рамках общего школьного расписания проводилось обучение игре на музыкальных инструментах. Как и все необязательные предметы, эти уроки оплачивались из специальных средств гимназии, которые формировались из пожертвований членов Попечительного совета учебных заведений и из ученической платы. Обучение игре на музыкальных инструментах в 1906 г. впервые было введено в школьную программу Курганского четырехклассного городского училища, позднее этот предмет стали преподавать в Курганском 10-м смешанном приходском начальном училище. Профессиональных преподавателей музыки в городе было немного. В отчетах учебных заведений фигурирует всего три имени: братья Яков Александрович и Соломон Александрович Бейн и Хонон Моисеевич Коробченко. Благодаря их стараниям с 1906 по 1913 гг. в городском училище был создан струнно-духовой оркестр из 25 человек, который впоследствии принимал активное участие в культурных мероприятиях уезда. Большая часть детей обучалась игре на скрипке, осваивая другие музыкальные инструменты в качестве дополнительных, что диктовалось нуждами оркестра. Преподаватель музыки Х.М. Коробченко, по отзывам современников обладавший несомненным педагогическим талантом, был прекрасным скрипачом, часто выступавшим на благотворительных концертах в г. Кургане, и вполне понятно, что основное внимание уделялось им именно обучению игре на скрипке. Преподавание велось как для мальчиков, так и для девочек, причем плата за обучение по сравнению с

---

⁴⁰² ГАКО. Ф. 63. Оп.2. Д. 48. Л. 11 об.-12.

⁴⁰³ Там же. Л. 20 об., 29 об., 55 об.

другими предметами была чисто символической - 50 коп. в месяц, поэтому воспользоваться возможностью обучения игре на музыкальных инструментах могли учащиеся и из небогатых семей. Хотя в Кургане и не было профессиональных музыкальных коллективов, окончив учебные заведения, ученики Бейнов и Коробченко, не оставляли занятий музыкой. Именно они составили основу оркестра Курганского вольно-пожарного общества, а затем и оркестра 1-го Общественного собрания г. Кургана.

В итоге в конце XIX - начале XX в. в Кургане уже сложилась многоступенчатая система светского обучения музыкальной грамоте учащихся учебных заведений города: помимо обязательного минимума для всех учеников, наиболее одаренные дети могли получать и более углубленные знания по вокалу и игре на музыкальных инструментах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги настоящему исследованию, хочется сказать, что в рамках одной монографии невозможно создать исчерпывающий образ Кургана повседневного. Нам удалось лишь обозначить контуры жизненного мира горожанина в системе социокультурных координат, которые складываются благодаря наложению и пересечению нескольких матриц: городская среда обитания, вещи вокруг и для человека, городские профессии, ценности и представления горожанина, человек в культурной среде и других.

Представленный период – это время становления и развития Кургана, когда из сельского поселения шло формирование собственно города с его особыми средой обитания и социальными взаимоотношениями, повседневным укладом и ритмами жизни. Наблюдая эволюцию повседневности с начала XIX века, можно отметить, что на рубеже XIX - XX веков появились поколения курганцев, которые четко осознавали себя горожанами. Они научились пользоваться благами городской цивилизации: больница, железная дорога, автомобиль, синематограф, телефон и т. д. стали неотъемлемой частью их повседневного существования. Они расширили свои интересы и кругозор: путешествия, чтение газет и журналов, коммерческие связи, общественные заботы наполнили жизнь горожан новым содержанием. В рацион обывателей вошли новые продукты питания, разнообразней стало проходить их свободное время, появились новые городские профессии. 1920-е годы в истории городской повседневности стали своеобразным этапом перехода к содержательно иным ценностным ориентирам и бытовому укладу: революционные имена, новые слова в лексиконе курганцев, изъятие церковного имущества, квартирный вопрос и т. п. постепенно меняли горожанина.

Следует подчеркнуть, что повседневная жизнь Кургана при некоторой специфике типична для провинциального сибирского города. Созданный нами портрет «среднего горожанина» репрезентативен, так как его черты применимы не только к городам, средним по численности населения, сибирским, провинциальным, к каковым относился Курган XIX – первой трети XX века, но и отчасти к городам Урала и Европейской России. История повседневности нашего города в общих чертах похожа на ялutorовскую, ишимскую, тарскую и даже шадринскую, но от этого она не утратила своеобразия и привлекательности.

И последнее. Особенности имеющейся в наличии авторов источниковой базы (в том числе недостаток источников личного происхождения,

изоисточников, периодики конца XVIII – первой половины XIX века) повлияли на фрагментарность в изложении отдельных тем, очерковый характер ряда проблемных направлений, которые были лишь обозначены структурой или представлены в фотоматериалах. Авторы уверены, что проделанная работа может сыграть роль катализатора последующего анализа и синтеза наших знаний о повседневной жизни г. Кургана. При этом тексты настоящего исследования могут быть, в свою очередь, модифицированы в источник повседневности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акатьева Светлана Анатольевна, начальник отдела использования документов и информационно-поисковых систем ГУ «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области».

Васенева Татьяна Владимировна, заместитель директора ГУ «Государственный архив Курганской области».

Игнатьева Галина Кирилловна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Курганского государственного университета.

Козельчук Татьяна Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета.

Крылова Нина Владимировна, ведущий специалист-эксперт Управления федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Курганской области.

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой культурологии, заместитель декана исторического факультета Курганского государственного университета.

Тершукова Екатерина Владимировна, главный специалист Управления культуры Курганской области.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ 3

<i>Культура повседневности в историческом контексте</i> (Маслюженко Д.Н.)	5
<i>Проблемы повседневности в философии культуры</i> (Игнатъева Г.К.)	19
<i>Повседневность г. Кургана в источниковедческом контексте</i> (Козельчук Т.В., Тершукова Е.В.)	26

ГОРОДСКАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ

<i>Дом с кокардой: из истории городской усадьбы</i> (Тершукова Е.В.) ...	37
<i>О «пользе» пожаров</i> (Тершукова Е.В.)	42
<i>На телеграфном переулке: из истории курганского телеграфа</i> (Козельчук Т.В.)	45
<i>«Алло, барышня»: о городской телефонной связи</i> (Крылова Н.В., Тершукова Е.В.)	51
<i>«Улица, фонарь, аптека»: начало аптечного дела в Кургане</i> (Тершукова Е.В.)	58
<i>Кинотеатр «Прогресс» в городском пространстве</i> (Тершукова Е.В.)	61
<i>«Вызывают в обществе живейший интерес»: деятельность</i> <i>сберегательных касс в конце XIX – начале XX в.</i> (Козельчук Т.В., Тершукова Е.В.)	64
<i>На страже интересов горожан: Курганское общество взаимного</i> <i>страхования (1917 – 1919 гг.)</i> (Тершукова Е.В.)	73
<i>К истории кладбищ Кургана</i> (Тершукова Е.В.)	76
<i>«Мир праху твоему»: о захоронении священников на территории</i> <i>Богородице-Рождественского собора в начале XX в.</i> (Тершукова Е.В.)	80

ВЕЩИ ВОКРУГ И ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

<i>Прокатиться «Пекарсульме»: велосипеды и велосипедисты</i> <i>начала XX в.</i> (Крылова Н.В.)	83
<i>«Харлей Дэвидсон» в Кургане: о развитии мотоциклетного</i> <i>транспорта в начале XX в.</i> (Крылова Н.В.)	85
<i>Ваше слово, товарищ «Маузер»: огнестрельное оружие и</i> <i>курганцы в 1917-1919 гг.</i> (Крылова Н.В.)	87

ЦЕННОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОЖАНИНА

<i>Уездной барышни альбом</i> (Тершукова Е.В.)	89
--	----

<i>Взгляды обывателей на гражданские чины (Козельчук Т.В.)</i>	92
<i>Венчается раб божий: бракосочетания курганцев в начале XX в. (Козельчук Т.В.)</i>	95
<i>О профессиональной этике страховых агентов начала XX в. (Тершукова Е.В.)</i>	99
<i>«Всем завконт, завот, завпот, завжесдор»: о словах - сокращениях в лексиконе курганцев в 1920-е гг. (Васенева Т.В.)</i>	101
<i>И назвали наследника Серпиком: «революционные» имена горожан в 1920-е гг. (Крылова Н.В.)</i>	103

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ТОЛЕРАНТНОСТИ

<i>Мятежники царства Польского: ссыльные поляки в курганском обществе (Тершукова Е.В.)</i>	105
<i>Из истории Римско-католической церкви г.Кургана (Крылова Н.В.)</i> ...	114
<i>Об организации Курганского уездного отдела национальностей в 1921 г. (Крылова Н.В.)</i>	119
<i>Неправославные религиозные общины Кургана в 1920-е гг. (Крылова Н.В.)</i>	122
<i>Военнопленные Первой мировой войны в Кургане (Крылова Н.В.)</i> ...	126

ГОРОДСКИЕ ПРОФЕССИИ. ЧЕЛОВЕК НА СЛУЖБЕ ГОРОДУ

<i>Хранители казны государевой: чиновники Курганского казначейства в конце XIX – начале XX в. (Козельчук Т.В.)</i>	134
<i>Эх, вези меня, извозчик: городской извозный промысел (Акатьева С.А.)</i>	140
<i>Курганские нотариусы (Тершукова Е.В.)</i>	144
<i>Запечатлевшие время: курганские фотографии (Крылова Н.В.)</i>	152
<i>Курганская городская дума: надежды и свершения 1917 г. (Тершукова Е.В.)</i>	156

ЧЕЛОВЕК КОММЕРЧЕСКИЙ

<i>Фунт изюма да пуд соли: меры веса в практике курганских обывателей (Тершукова Е.В.)</i>	161
<i>Не трать деньги прежде, чем их получишь: реклама товаров и услуг в начале XX в. (Тершукова Е.В.)</i>	164
<i>Рубли, тугрики, фунты стерлингов ...: об обмене валюты в Кургане (Крылова Н.В.)</i>	168

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

<i>Празднование столетнего юбилея А.С. Пушкина (Крылова Н.В.)</i>	170
---	-----

<i>Благородство курганских дам: деятельность Курганского дамского попечительного общества в конце XIX- начале XX в. (Крылова Н.В.)</i>	172
<i>Из истории преподавания изобразительного искусства (Крылова Н.В.)</i>	173
<i>У истоков музейного дела (Крылова Н.В.)</i>	179
<i>Пионеры музыкального образования Кургана (Крылова Н.В.)</i>	184
<i>Шестая держава: периодическая печать и курганцы в начале XX в. (Козельчук Т.В.)</i>	187
<i>Книга – роскошь? Изъятие книг в 1920-е гг. (Крылова Н.В.)</i>	193

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ГОРОЖАНИНА

<i>О праздновании Нового года (Крылова Н.В.)</i>	195
<i>Лошадники, конные бега и тотализатор в конце XIX - начале XX в. (Крылова Н.В.)</i>	198
<i>Курганские учителя на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. (Крылова Н.В.)</i>	200
<i>Охотничьи затеи курганцев (Крылова Н.В.)</i>	201
<i>Хлеба и зрелищ: курганский цирк в 1920-е гг. (Васенева Т.В.)</i>	203

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ. ЗДОРОВЬЕ ГОРОЖАНИНА

<i>Картофельная история: появление картофеля в рационе питания курганцев (Акатьева С.А.)</i>	207
<i>Производство и потребление пива в Кургане (Крылова Н.В.)</i>	209
<i>«Дай Вам Бог здоровья да генеральский чин»: здоровье курганских чиновников (Козельчук Т.В.)</i>	211
<i>Невинно вино, проклято пьянство: борьба с пьянством и самогонварением в 1920-е гг. (Тершукова Е.В.)</i>	215

ДЕТИ: ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Как давно курганцы знают «три слова по-французски»: о преподавании иностранных языков в начале XX в. (Крылова Н.В.)</i>	221
<i>Именные стипендии в курганских учебных заведениях в конце XIX- начале XX в. (Крылова Н.В.)</i>	224
<i>Курганские скауты 1920-х гг. (Крылова Н.В.)</i>	228
<i>О преподавании музыки в Кургане (Крылова Н.В.)</i>	230

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	234
-------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	236
----------------------------------	-----

Научное издание

**ОЧЕРКИ КУЛЬТУРЫ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ГОРОДА КУРГАНА XIX – ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XX ВЕКА**

Монография

Редактор Н.А.Леготина

Подписано к печати	Формат 60x84 1/16	Бумага тип.№1
Печать трафаретная	Усл.печ.л. 15,00	Уч.-изд.л 15,00
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета
640669, г.Курган, ул.Гоголя, 25
Курганский государственный университет